

Рифей

УРАЛЬСКИЙ
ЛИТЕРАТУРНО-
КРАЕВЕДЧЕСКИЙ
СБОРНИК

Видеи

УРАЛЬСКИЙ
ЛИТЕРАТУРНО-
КРАЕВЕДЧЕСКИЙ
СБОРНИК

*Южно-Уральское
книжное издательство
Челябинск,
1981*

Пушкинский кабинет ИРЛИ

-
- Р. ОВЧИННИКОВ** ● ВСТРЕЧА В ОРЕНБУРГЕ
С. ПОПОВ ● ДОРОГИ СЕНТЯБРЯ
Ю. ЗОБОВ ● ОРЕНБУРГ ПУШКИНСКОЙ ПОРЫ
А. БЕЛЫЙ ● «ТРИ ДНИ» В УРАЛЬСКЕ
Р. ОВЧИННИКОВ ● ПУШКИНСКАЯ КАРТА
ОКРЕСТНОСТЕЙ УФЫ
В. САВЕЛЬЗОН ● РУКОЮ ПУШКИНА
В. МИХНЮКЕВИЧ ● «ПУШКИН СЛУШАЛ ВСЕ ЭТО
С БОЛЬШИМ ЖАРОМ...»
Г. РАМАЗАНОВ ● В БАШКИРСКОЙ СТЕПИ
М. КЛИПИНИЦЕР ● ПОЕЗДКА ГЕНИЯ
И. МАЛЫШЕВА ● ТЕТРАДИ ТОЙ ПОРЫ ДАЛЕКОЙ
А. КОРОВИН ● 1. «СОПЕРНИЦА
ЗАПРЕТНОЙ РОЗЫ»
2. «ПОЛКОВНИК Г. С. О...»
И. ЕЛИН ● ГОД 1826-й, ЯНВАРЬ
Е. СУББОТИН ● ПУШКИНСКИЕ СВЯЗИ
Е. ЕГОРОВА ● РОДА ДЯГИЛЕВЫХ
А. СВИТЕНКО ● «В АРХИВАХ Я БЫЛ...»
Л. ОСИНЦЕВ ● В ГОРОДЕ ЗА УРАЛ-КАМНЕМ
ПУШКИНСКИЕ РЕЛИКВИИ
УРАЛЬСКИХ МУЗЕЕВ
Л. БОЛЬШАКОВ ● МАСКА ПУШКИНА
Р. АНДАЕВА ● ГРАФИЧЕСКАЯ ПУШКИНИАНА
Е. ЕГОРОВА ● ПЕРМСКОЙ ГАЛЕРЕИ
А. ЧЕРНЯК
Л. МЕДВЕДЕВА ● АВТОР — ХУДОЖНИК ПРОХОРОВ
Л. БОЛЬШАКОВ ● ВИНСКИЙ, ИЗВЕСТНЫЙ
Т. БОЛЬШАКОВА ● И НЕИЗВЕСТНЫЙ
Ю. КУРОЧКИН ● УРАЛЬСКИЙ ВОЯЖ
ПОЭТА ЖУКОВСКОГО

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Л. Большаков (составитель).

О. Булгакова, Ю. Курочкин,

Е. Петряев, А. Шмаков

Р $\frac{7200-029}{M162(03)-81}$ 49—81

© Южно-Уральское книжное издательство, 1981.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ

Этот «Рифей» — пушкинский. Хотя и не все в нем о Пушкине...

Пушкинской является «главная улица» нынешнего выпуска. Она, эта улица, проходит через нашу Поэзию, нашу Культуру, нашу Жизнь.

Проходит через каждый край, каждый уголок страны.
И родной наш Урал, конечно.

...Урал манил Пушкина.

В 1773—1775 годах на юго-востоке Российской империи прогремела Крестьянская война — антикрепостническое восстание, предводительствуемое Емельяном Пугачевым. События восстания получили отображение в двух произведениях Пушкина: монографии «История Пугачева» (1834) и романе «Капитанская дочка» (1836). Работая над ними, поэт-историк стал признанным знатоком «Пугачевщины»; сам он в одной из записок к Александру Ивановичу Тургеневу аттестовал себя «историографом Пугачева».

Характеризуя источники, приемы их изучения и оценки, Пушкин писал: «Я прочел со вниманием все, что было напечатано о Пугачеве, и сверх того 18 толстых томов... разных рукописей, указов, донесений и проч. Я посетил места, где произошли главные события эпохи, мною описанной, поверяя мертвые документы словами еще живых, но уже престарелых очевидцев, и вновь поверяя их дряхлеющую память историческою критикою».

Среди источников пушкинских произведений о Пугачеве особое место принадлежит материалам, собранным в поездке, предпринятой поэтом в августе-сентябре 1833 года в Поволжье и Оренбургский край; здесь он встречался со стариками, в том числе с бывшими пугачевцами, живо еще помнившими и Пугачева, и его время.

Их рассказы, отмеченные свойствами «истины, неукрашенной и простодушной» и печатью «живой современности» повестуемого, коренным образом отличались от тенденциозно-враждебной трактовки «Пугачевского бунта» в документах екатерининской администрации и в известной поэту отечественной и зарубежной литературе.

Рассказы, предания и песни, услышанные, и отчасти записанные, Пушкиным в поволжских селениях, в Оренбурге, Уральске, Бердской слободе и уральских казачьих станицах, освещали события, и фигуру Пугачева в них, с позиции народа. Это помогло поэту во многом преодолеть официально-казенную оценку восстания, отчетливее уяснить его социальный смысл, глубже понять незаурядную личность подлинного вожака народного движения, увидеть в его характере те положительные свойства, которые составляют неотъемлемые и типичные черты простого русского человека. Такая трактовка образа Пугачева с особенной силой и выразительностью проявилась в романе «Капитанская дочка».

...Сюда, на Урал, Александр Сергеевич приезжал, чтобы увидеть места пугачевские, песни пугачевские услышать.

Урал — в «Капитанской дочке», «Истории Пугачева», письмах. На Урале его читали, почитали, любили. Тут у него было немало друзей и приверженцев.

И здесь он всегда «свой» — понятный, любимый, близкий.

Рифей — Урал — склоняется перед Пушкиным.

Р. ОВЧИННИКОВ Оба они приехали в Оренбург в се-
● редине сентября 1833 года, каждый
ВСТРЕЧА своим путем и ненамного опередив
В ОРЕНБУРГЕ один другого.

Первым прибыл Владимир Ивано-
вич Даль, служивший чиновником по
особым поручениям у Оренбургского
военного губернатора генерал-адью-
танта Василия Алексеевича Перовско-
го. Даль возвратился домой и к месту
службы, в Оренбург, из утомительной
командировки, проделав за месяц путь
в 2050 верст, побывав в ходе этой по-
ездки в приуральских казачьих стани-
цах и крепостях вплоть до Гурьева, в
Букеевской орде и в селениях степного
Заволжья.

18 сентября, ближе к вечеру, у
Сакмарских ворот Оренбурга появился
экипаж другого путешественника. Ос-
матривая бумаги приезжего, карауль-
ный офицер с особенным вниманием
перечитал документ на гербовой бума-
ге с изображенным в правом верхнем
углу двуглавым орлом:

«Свидетельство № 2842

Предъявитель сего, состоящий в ведомстве Министерства иностранных дел титулярный советник Александр Пушкин, по прошению его уволен в отпуск на четыре месяца в Казанскую и Оренбургскую губернии. Во удостоверение чего и дано сие свидетельство от Департамента хозяйственных и счетных дел с приложением печати.

С.-Петербург. Августа 12 дня 1833 года.

Вице-директор граф Виельгорский.

Начальник отделения Орлов».

Свидетельство скрепляла гербовая печать Департамента, оттиснутая на красном сургуче¹.

Документ вызвал у караульного офицера почтительное изумление. Нет, за казенной бумагой он не разглядел знаменитого поэта Пушкина. Да и не было ничего поэтического в дорожном облике путника: обветренное и заросшее в долгом пути лицо, припорошенная степной пылью мятая поярковая шляпа, вязаный шарф, длиннополая, наглухо застегнутая шинель, грубые сапоги. Офицер изумился другому: ему впервые встретился такой титулярный советник — чиновник невидного, в сущности, 9-го класса по табелю о рангах, — который появился здесь с «высочайшего его императорского величества соизволения»*, как успел возгласить развязный камердинер по имени Гаврила. Не по простому, видно, делу приехал этот Пушкин сюда из столичного Петербурга, проделав путь в две с половиною тысячи верст. Почтение к приезжему еще более возросло, когда тот справился, где может найти господина губернатора. Офицер учтиво сказал, чтобы он соизволил возвратиться по той же дороге немного назад. Там, в версте от Сакмарских ворот, стоит загородная губернаторская дача, где и пребывает теперь генерал Перовский.

Узнав, что Пушкин, «нежданный и нечаянный», приехал в Оренбург и остановился в загородном доме у Перовского, Даль спешно отправился туда, чтобы поскорее увидеть дорогого гостя. Они встретились как старые приятели, хотя познакомились лишь год назад, осенью

* Пушкин действительно отправился в отпуск с «высочайшего соизволения»; см. об этом его переписку с Третьим отделением Собственной е. и. в. канцелярии и с Департаментом хозяйственных и счетных дел (Пушкин. Полн. собр. соч. в 17-ти томах, Л., 1948, т. XV. с. 69—70, 71, 208—209).

1832-го, в Петербурге. Даль, опубликовавший тогда «Русские сказки», два или три раза виделся с Пушкиным и получил от него добрый отзыв на первую свою книгу. Вместе с тем, как вспоминал Даль, во время тех встреч «Пушкин, по обыкновению своему, засыпал меня множеством отрывчатых замечаний, которые все шли к делу, показывали глубокое чувство истины и выражали то, что, казалось, у всякого из нас на уме вертится и только что с языка не срывается»².

И вот теперь это неожиданное свидание в Оренбурге.

Даль вспоминал, что, встретившись с Пушкиным на губернаторской даче, «перевез... его оттуда к себе»*. И дома у Даля, и при осмотре Оренбурга, и при поездке в Бердскую слободу Пушкин и Даль говорили о многом. Пушкин посвятил Даля в свои литературные дела и замыслы, поведал, в частности, о намерении завершить работу над тремя начатыми уже романами**, призывал и Даля к созданию романа.

Но главной темой бесед было Пугачевское восстание. И хотя Даль не был старожилом Оренбурга (он поселился здесь в конце июля 1833 года), он успел узнать местные предания о Пугачеве и его времени, причем некоторые были рассказаны участниками и очевидцами восстания. Предания такого рода Даль мог услышать и в поездке по приуральским казачьим станицам в августе-сентябре 1833 года: шестьдесят лет назад именно здесь, в степных хуторах под Яицким городком, Пугачев с группой казаков-заговорщиков готовил вооруженное выступление, отсюда его войско повело наступление на Оренбург, в этих местах весной 1774 года повстанцы потерпели поражение в боях с карателями. Даль мог встретиться здесь и беседовать со стариками, помнившими события восстания и знавшими самого Пугачева; с ними удалось встретиться и Пушкину в его поездке 20—21 сентября 1833 года из Оренбурга в Уральск³.

Сразу же следует сказать, что познания Пушкина в

* Последних слов («к себе») нет в печатных текстах воспоминаний Даля, но они есть в рукописи воспоминаний, хранящейся в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, что впервые было замечено оренбургским краеведом С. А. Поповым (см. об этом: Прянишников Н. Е. Писатели-классики в Оренбургском крае. Челябинск, 1977, с. 39).

** Один из этих романов — «Капитанская дочка» — вышел в свет в 1836 году.

истории «Пугачевщины» были неизмеримо обширнее и полнее, нежели представления о том Даля. Еще до путешествия на Урал Пушкин изучил эту тему по русской и зарубежной литературе, обстоятельно проштудировал дела из архивов Военного министерства, неопубликованные документы и мемуары ряда фамильных собраний⁴. Более того, в дорожном чемодане поэта лежала вчерне законченная рукопись «История Пугачева». Но, как взыскательный художник и исследователь, Пушкин видел недостаточность и односторонность находившихся в его распоряжении материалов. Литература освещала Пугачевское восстание с официозной позиции, искаженно представляя грандиозное антикрепостническое выступление как бунт темной и необузданной черни, предводительствуемой отъявленным авантюристом и разбойником. Не могли удовлетворить и собранные в Петербурге архивные источники, изображавшие события преимущественно с позиций екатерининской администрации.

Для того, чтобы преодолеть ограниченность источниковой базы «Истории Пугачева», пополнить ее свежим материалом, Пушкин и предпринял поездку в Поволжье и на Урал. Поэт захотел побывать в крае, где зародилось это движение, своими глазами увидеть селения и крепости, через которые прошли отряды Пугачева, осмотреть места сражений. Но главная цель путешествия заключалась в том, чтобы встретиться с жившими здесь престарелыми участниками и очевидцами Пугачевской эпопеи и от них узнать об отношении народа к восстанию и его предводителю.

Пушкин во многом успешно реализовал задачи своего путешествия. Так, после встреч с очевидцами восстания и ознакомления с «пугачевскими» местами в Казани, поэт с удовлетворением сообщал жене: «Здесь я возился со стариками современниками моего героя*, объезжал окрестности города, осматривал места сражений, расспрашивал, записывал и очень доволен, что не напрасно посетил эту сторону» (XV, 78)**. Таких же результатов

* Речь идет о Пугачеве.

** Письмо от 8 сентября 1833 г. Здесь и далее ссылки на сочинения и переписку Пушкина приводятся по так называемому большому академическому Полному собранию сочинений в 17-ти томах (тт. I—XVII. Л., 1937—1959). При отсылках к этому изданию в тексте указываются в круглых скобках том (римская цифра) и страница (арабская цифра).

ждал он и от посещения Оренбурга. Ожидания оправдались во многом благодаря Далю, который взял на себя роль проводника по Оренбургу и его окрестностям. Даль, по его же воспоминаниям, ездил с Пушкиным «в историческую Бердинскую станицу, толковал, сколько слышал и знал местность, обстоятельства осады Оренбурга Пугачевым; указывал на Георгиевскую колокольню в предместьи, куда Пугач поднял было пушку, чтобы обстреливать город, на остатки земляных работ между Орских и Сакмарских ворот, приписываемых преданием Пугачеву, на Зауральскую рошу, откуда вор пытался ворваться по льду в крепость, открытую с этой стороны; говорил о незадолго умершем здесь священнике, которого отец высек за то, что мальчик бегал на улицу собирать пятаки, кои-ми Пугач сделал несколько выстрелов в город вместо картечи, и о так называемом секретаре Пугачева Сычугове, в то время еще живом, и о бердинских старухах, которые помнят еще «золотые» палаты Пугача, то есть обитую медною латунию избу. Пушкин слушал все это... с большим жаром и хохотал от души следующему анекдоту: Пугач, ворвавшись в Берды, где испуганный народ собрался в церкви и на паперти, вошел также в церковь. Народ расступился в страхе, кланялся, падал ниц. Приняв важный вид, Пугач прошел прямо в алтарь, сел на церковный престол и сказал вслух: «Как я давно не сидел на престоле!» В мужицком невежестве своем он воображал, что престол церковный есть царское седалище».

Кроме предания о «кошунственном» поведении Пугачева в церкви Бердской слободы, все другие свидетельства Даля лапидарно скупы; в сущности, они лишь кратко обозначают темы его рассказов Пушкину, не раскрывая их содержания. При чтении воспоминаний Даля всякий раз возникает желание подробнее узнать об упоминаемых им событиях и лицах. К сожалению, обращение к литературе, освещающей пребывание Пушкина в Оренбурге⁵, показало, что в имеющихся исследованиях, очерках и статьях существенных пояснений и дополнений к свидетельствам Даля нет; авторы большинства из этих трудов не выходят за пределы данных, которые мы находим у Даля.

Что стоит за ними? Какие неведомые читателю сведения сообщил Пушкину его собеседник? Чтобы ответить

на эти вопросы, надлежало провести широкий исследовательский поиск.

Конечно, рамки реконструкции лишь приблизительно соответствуют объему тех сведений, которые сообщил Пушкину Даль. В чем-то — с фактической стороны — они превосходят их, в чем-то уступают...

ГЕОРГИЕВСКАЯ ЦЕРКОВЬ

Вспоминая о прогулке с Пушкиным по городу, Даль говорит, что он посвятил поэта в «обстоятельства осады Оренбурга Пугачевым» и, в частности, указал ему «на Георгиевскую колокольню в предместьи, куда Пугач поднял было пушку».

Каменная соборная церковь во имя Георгия Победоносца стояла в форштадте, восточном предместье Оренбурга, в двухстах сажнях от городской стены, на краю берегового откоса Урала (до 1775 года река именовалась — Яик). Церковь с высокой колокольней при ней была выстроена в 1756—1761 годах на средства оренбургских казаков⁶.

В пятницу 4 октября 1773 года войско Пугачева, оставив лагерь под Сакмарским городком, выступило в поход к Оренбургу, намереваясь штурмовать его с востока. Чтобы повстанцы не могли использовать строения форштадта в качестве укрытия при атаке города, оренбургский губернатор генерал-поручик И. А. Рейнсдорп приказал вывести жителей в город, а сам форштадт сжечь⁷. События того дня красочно изображены в рапорте священника Георгиевской церкви Петра Романова: «По притчине приближавшегося к городу злодея, незапным случаем, по приказу господина губернатора Ивана Андреевича Рейнсдорпа, выгнаны были в скором времени все жители из онаго форштата в город, побросав все свое почти имение, почему, наконец, оная слобода и созжена. А церковь осталась без всякой защиты и призрения. А как при оной первенствующим священником бывши Роман Петров (который уже и помер)⁸ имел у себя ключи церковные и всю ризницу под своим присмотром, чего для он тогда и принужденным находился вывозить оную в город к Николаю Чудотворцу*, но точно, по прилучив-

* Речь идет о Никольской церкви.

шейся тогда экстре и народного вдруг трепетания, всего онаго имения вывести не успел, да и неким тогда было вывести, потому что всякий старался искать спасения — сбежать, друг друга предупреждая, в город, оставя свой экипаж»⁹. 5 октября, к рассвету, пожар истребил форштадт. В тот же день, в одиннадцатом часу утра, пугачевцы вступили в него и, прикрываясь чадящими горами пожарища, двинулись вперед. Они намеревались овладеть Георгиевской церковью и приблизиться к городовому валу, но были отбиты частыми пушечными выстрелами. После того повстанцы, оставив форштадт, отделились от города на пять верст, к казачьим лугам, где и остановились лагерем у озера Коровье Стойло. Так освещаются события дня в «Летописи» члена-корреспондента Академии наук П. И. Рычкова, в записках священников И. И. Осипова и И. С. Полянского (IX, 222, 555—556, 590), а также в письме ссыльнопоселенца Ф. И. Сукина¹⁰.

В последующие дни, как сообщает Рычков, повстанцы неоднократно атаковали Оренбург со стороны форштадта и пытались закрепиться вблизи Георгиевской церкви. Так, 9 октября пугачевцы появились здесь, «скопаясь великим и едва ли не всем своим людом... имея при себе и пушки» и, вступив в бой с высланной против них командой, вынудили ее к отступлению, после чего сами отошли в свой лагерь. На другой день, в восьмом часу вечера, повстанцы, «подтаща пушку к Егорьевской* церкви, сделали из нее выстрел»; в ответ на это осажденные открыли пушечный и оружейный огонь с городской стены. В полночь стрельба возобновилась в связи с начавшейся атакой города восставшими. 22 октября оренбургский гарнизон с трудом отбил приступ войска Пугачева к городу, в четвертом часу дня повстанцы вновь приблизились к Георгиевской церкви «и тут начали сильную пальбу из пушек своих производить». Мощный артиллерийский огонь городских батарей остановил наступление пугачевцев и вынудил их к отступлению в лагерь за Маячной горой (IX, 227, 235—236).

В начале ноября 1773 года восставшим удалось овладеть позицией у Георгиевской церкви, где они выстроили укрепление и установили батарею из нескольких пушек.

* Георгиевской.

Повстанцы захватили саму церковь и, по словам Рычкова, «из имевшегося тут под горою тесаного плитного камня, на обеих сторонах сей церкви очень скоро сделали они тут для себя защиту, оставя в ней узкие промежутки, чтоб им пушками своими от городских выстрелов безопасно было действовать» (IX, 241). По свидетельству Осипова, несколько пушек было установлено «на паперти церкви Егорьевской» (IX, 559), а Сукин писал, что пушки были ввезены и в самую церковь, ведя обстрел города «сквозь двери» храма.

2 ноября в шесть часов утра Пугачев повел свои отряды на штурм Оренбурга. Существенную поддержку атакующим оказывал пушечный огонь повстанческих батарей, установленных у кирпичных сараев учебной артиллерийской мишени, часовни загородного кладбища и в других пунктах. Важную роль в этом сражении сыграла батарея у Георгиевской церкви; по воспоминаниям Рычкова, повстанцы «беспрестанно» стреляли в город «мимо летней соборной церкви» (IX, 241). Только благодаря заградительному огню этой батареи была остановлена контратака оренбургских егерей, которые неожиданно вышли со стороны Заяицкой роши во фланг повстанцам, штурмующим город по берегу Яика (IX, 241, 559, 603—604). Битва, продолжавшаяся более двенадцати часов, к вечеру стала стихать. Пугачевцы не смогли сломить сопротивление оренбургского гарнизона и отошли на прежние позиции. Оставшиеся у Георгиевской церкви повстанцы в наступившее ночное время, «как на соборной церкви били часы, на каждый час делали по выстрелу из пушки, напротив чего из города от соборной батареи то ж чинено». Так вспоминал Рычков.

С утра 3 ноября пушечная канонада возобновилась, но была заметно слабее пальбы предыдущего дня. Активнее других действовала батарея у Георгиевской церкви. Рычков писал, что повстанцы втащили в церковь «две пушки, где заряжая, вытаскивали их в двери и под колокольню на паперть, сперва из обеих, а потом уже из одной начали отсель стрелять в город; а некоторые, взошед на колокольню, стреляли в город свинцовыми жеребьями* и пулями»; из-за наступившей стужи пугачев-

* Кустарно изготовленные из свинцового прута цилиндрические обрубки, применявшиеся взамен фабрично отлитых пуль, обладали в сравнении с последними большей убойной силой.

цы «в самой церкви расклали великий огонь и тут грелись и таким образом из храма божия и святилища его сделали они теперь батареею и вертеп свой разбойничий». (IX, 242).

Сам Пугачев, вспоминая сражение 2 ноября, подчеркивал на следствии то большое значение, которое усматривал в действии пушечной батареи у Георгиевской церкви: своим огнем она поддерживала атаку повстанцев на город в наиболее уязвимом его месте, с юго-восточной береговой линии, не имевшей надежных укреплений¹¹. Рассказывая в «Истории Пугачева» о сражении 2 ноября, Пушкин сообщал, что «Пугачев поставил на паперти (Георгиевской церкви)* пушку, а другую велел втащить на колокольню» (IX, 28), причем последняя деталь имела своим источником рассказ Даля: в показаниях очевидцев этот факт не упоминается.

В ночь на 4 ноября 1773 года ударила стужа, бушевавшая метель сменилась к утру сильным снегопадом. По приказу Пугачева его отряды перешли в новый лагерь, вставши на зимние квартиры в Бердской слободе. Туда же перевезли пушки и с батареями у стен Оренбурга, в том числе от Георгиевской церкви.

Церковь, оскверненная, по мнению властей, пребыванием в ней повстанцев, в течение 18 лет находилась в полном запустении. Лишь после того, как в конце 80-х годов XVIII века началась новая застройка форштадта, поселившиеся здесь казаки начали хлопоты о ее возобновлении. 18 июля 1791 года она была освящена торжественным молебном¹².

ПЯТАКИ ВМЕСТО КАРТЕЧИ

Показывая Пушкину Оренбург, Даль рассказал услышанное им с чьих-то слов предание о некоем священнике, высеченном отцом за то, что он бегал собирать пятаки, «коими Пугач сделал несколько выстрелов в город вместо картечи».

В какие именно дни пугачевская артиллерия обстреливала городские улицы? В записках очевидцев оренбургской осады Рычкова, Осипова и Полянского упоминается, что 6 октября 1773 года повстанцы, установив

* Слова «Георгиевской церкви», имевшиеся в наборной рукописи, вычеркнуты Пушкиным при редактировании.

вблизи Орских ворот пушки, сделали несколько выстрелов по городу ядрами весом от 6 до 7 фунтов, которые «по середине города ложились», и хотя стрельба вскоре прекратилась, но «жители были все в великом и неопи- санном страхе» (IX, 225, 556, 590). Им же запомнился день 22 октября, когда повстанцы с батареей, установ- ленных против Орских и Сакмарских ворот и у Георги- евской церкви, в течение шести часов вели интенсивный обстрел крепости, причем многие из снарядов ложились посреди города, по дворам и улицам (IX, 235—236, 558, 593). Ссылнопоселенец Сукин в своем письме сообщил, что в этот день пугачевцы сделали по городу более ты- сячи пушечных выстрелов. Но особенно сильный артил- лерийский обстрел претерпел Оренбург 2 ноября 1773 го- да при генеральном приступе войска Пугачева.

Использовались ли пугачевскими артиллеристами медные пятаки вместо картечи? Прямых свидетельств об этом ни в документах, ни в мемуарах не найдено. Из- вестно лишь, что повстанцы временами испытывали ост- рый недостаток в картечной «начинке» для оснащения ядер, гранат и бомб. Тот же Рычков, освещая события 2—3 ноября, привел в своей «Летописи» показание пленного пугачевца о том, что, истратив в боях множест- во снарядов, они вынуждены были искать замену им, «а потому и заготовили... три телеги чугунного черепья, употребля на то имевшиеся у них и увезенные с Мен- ового двора котлы» (IX, 243). Вполне вероятно, что для пробы могли использоваться в тех же целях и медные пятаки; каждый из них имел изрядный вес* и обладал большой убойной силой.

Даль не назвал имени того священника, который, бу- дучи в 1773 году мальчиком, бегал собирать «пугачев- ские картечины» — пятаки. Сохранилась переписная ве- домость церковников Оренбурга за 1774 год. Она указы- вает, что у протопопа Спасо-Преображенского собора Михаила Дмитриева был 7-летний сын Стефан, а у ключ- чаря того же собора Семюна Михайлова — 9-летний сын Дмитрий; у дьякона Никольской церкви Стефана Мат- веева был 5-летний сын Михаил¹³. Кто-то из этих маль- чиков, вероятно, и подбирал тогда пятаки, а в последую- щей жизни не раз вспоминал этот яркий эпизод детства.

* Медный пятак чеканки 1773 года весил около 150 граммов.

С крутого обрыва на правом берегу Урала, где заканчивалась Губернская улица Оренбурга, открывался вид на левобережный пойменный лес, именуемый оренбуржцами Зауральной рощей. Даль вспоминал, как он указывал Пушкину «на Зауральскую рощу», откуда Пугачев «пытался ворваться по льду в крепость, открытую с этой стороны».

Во время осады Оренбурга отрядами Пугачева левобережная полоса Яика с примыкающей к ней Заяицкой рощей являлись как бы ничейной землей. Из Оренбурга на левобережную, «бухарскую» сторону временами выезжали отряды конной разведки, команды фуражиров для вывоза заготовленного тут сена, отправлялись курьеры с донесениями. В этом же районе время от времени появлялись небольшие отряды повстанцев. В ночь на 24 октября 1773 года пугачевцы пытались разрушить наплавной мост через Яик, перерубили канат, отрубили три якоря, сбросили восемь мостовин, но мост устоял¹⁴. В самом конце октября реку сковал первый лед.

Предпринимали ли повстанцы приступ к Оренбургу со стороны Заяицкой рощи, как говорил о том Даль? О таком эпизоде нет упоминаний ни в записках очевидцев осады, ни в журнале Оренбургской губернской канцелярии, ни в протоколах допросов Пугачева и его сподвижников. Кто-то из оренбуржцев, рассказывая Далю об атаке по льду Яика-реки, истинные обстоятельства события искажил.

В действительности же развивалось оно иным образом. При генеральном приступе к Оренбургу 2 ноября 1773 года пеший отряд, предводительствуемый самим Пугачевым, предпринял наступление на город с юго-востока, со стороны Георгиевской церкви и форштадта. Повстанцы двинулись вдоль подножья правого берега Яика на запад; крутой и почти отвесный береговой обрыв прикрывал их от пушечного и ружейного огня неприятеля. Поравнявшись с пологой лощиной, Пугачев повел отряд наверх, к прибрежной стороне города, где не было оборонительных сооружений. Наверху, у городских кварталов, завязалась пушечная и ружейная пере-

стрелка, вскоре пугачевцы стали теснить неприятеля.

В этот критический момент губернатор Рейнсдорп отправил на левый берег Яика команду егерей с пушкой. Западнее города егери неприметно переправились за реку: часть их перебралась по льду, а часть — на лодках, проломив для них путь в слабом еще льду. Выйдя на берег, егери прокрались по Заяицкой роще, заняли лежащий за старицей остров и оттуда открыли пушечную и ружейную стрельбу по тылу и флангу отряда Пугачева. Повстанцы, оказавшиеся меж неприятельских огней, пришли в смятение и пустились в беспорядочное бегство к форштадту. Некоторые из них, ища спасения, кинулись было за Яик, но неокрепший лед подломился, увлекая беглецов в воду. Большинству пугачевцев, отходивших по берегу, удалось спастись лишь благодаря тому, что их отступление прикрывал огонь повстанческой батареи, установленной у Георгиевской церкви.

Так освещается этот эпизод всеми ранее названными очевидцами. Священник Полянский, ссылаясь на показания пленных, писал, что сам Пугачев едва не погиб в тот день: он провалился под лед и оказался «по пояс в реке Яике в самой худенькой гунишке»*, но подоспевшие яицкие казаки-повстанцы, «подхвативши» его, «на лошадях своих умчали» (IX, 594).

Рассказывая в «Истории Пугачева» о сражении 2 ноября, Пушкин коснулся и эпизода у Яика-реки: «Егери полевой команды выгнали их из предместья. Пугачев едва не попался в плен» (IX, 25). Предание, которое сообщил Даль, он оставил без внимания.

ПУГАЧЕВСКИЙ СЕКРЕТАРЬ СЫЧУГОВ

Знакомя Пушкина с достопримечательностями Оренбурга, Даль рассказал ему «о так называемом секретаре Пугачева Сычугове».

Между тем человека с такой фамилией среди секретарей, служивших у Пугачева, не было. Из протоколов следственных показаний вожаков и рядовых участников Крестьянской войны, из сохранившихся документов повстанческого лагеря известно, что у Пугачева и в его

* Гунишка — одежонка.

Военной коллегии в разное время служили секретарями И. Я. Почиталин, Балтай Идеркеев, Д. Н. Кальминский, М. Д. Горшков, И. Шундеев, И. С. Трофимов (псевдоним — А. И. Дубровский); подвизался в роли секретаря и пленный подпоручик М. А. Шванвич. Судя по сохранившейся переписке повстанцев, Сычугова не было также среди секретарей и писарей в походных канцеляриях пугачевских полковников и атаманов¹⁵.

Фигура Сычугова оставалась загадочной для меня до тех пор, пока в мои руки не попало архивное дело: «По рапорту оренбургского губернатора Сухтелена о назначении пенсии отставному есаулу Сычугову, служившему писарем у Пугачева»*, находящееся среди материалов Инспекторского департамента Военного министерства в Центральном государственном военно-историческом архиве СССР¹⁶. Дело открывается рапортом генерал-адъютанта П. П. Сухтелена управляющему Главным штабом и военному министру генерал-адъютанту графу А. И. Чернышеву от 26 ноября 1830 года. Губернатор ходатайствовал о назначении пенсии престарелому казачьему офицеру, отставному полковому есаулу Степану Сычугову, который с 1773 по 1818 год служил в Оренбургском казачьем войске, а с 1819 по 1827 год был винным приставом в Оренбургской уездной управе, ныне же, будучи «в бедности, претерпевает крайнее затруднение в пропитании себя и семейства». В рапорте сообщалось об одном примечательном эпизоде биографии казака: «В числе многих периодов жизни означенного есаула Сычугова замечательно, что он во время бунта Емельки Пугачева, при нападении на Оренбург, будучи взят в плен, находился при самом бунтовщике Пугачеве, исправляя должность писаря. Хотя старость отняла от него уже все способности к занятиям, но он мог еще изложить некоторые сведения, как очевидец означенного происшествия в окрестностях Оренбурга, и представил мне записку, которую для любопытства при сем прилагаю»¹⁷.

К рапорту Сухтелена были приложены документы о Сычугове: аттестат, выданный 25 апреля 1828 года Оренбургским губернским правлением, формулярный список, выданный 26 ноября 1830 года Войсковой канцелярией

* На это дело мне указал М. Д. Рабинович.

Оренбургского казачьего войска. Из них явствует, что Степан Васильевич Сычугов происходил из старшинской семьи (родился в 1755 году). Восемнадцатилетним юношей, в апреле 1773 года, он вступил в казачью службу писарем, с 1782 года — урядник, с 1788-го — хорунжий, с 1789-го — сотник, с 1796-го — поручик, с 1804-го — полковой есаул*. В 1810 году Сычугов оставил строевую службу и в чине коллежского асессора служил в Войсковой канцелярии, а с 1819 по 1827 год был винным приставом по Оренбургскому уезду, после чего вышел в отставку¹⁸. Сычугов «российскую грамоту — читать и писать — знает», в штрафах и под судом не был, дважды — в 1784—1785 и в 1794—1795 годах — нес кордонную службу на Оренбургской линии, отражая набеги степных кочевников. Документы свидетельствуют, что Сычугов имел в Оренбурге деревянный дом и владел (вместе с женой — «купеческой дочерью Матреной Егоровой») пятью дворовыми людьми¹⁹. У супругов Сычуговых было многочисленное семейство. Старший сын, Василий, служил хорунжим в казачьем полку²⁰.

По рапорту Сухтелена и приложенным к нему бумагам, военный министр Чернышев 9 января 1831 года подал Николаю I доклад, в котором выражалось мнение, что, поскольку Сычугов не дослужил четырех месяцев до срока, установленного для получения пенсии, постольку он и не имеет оснований для назначения «казенного пенсионера». Николай I с этим согласился, но распорядился выдать в виде единовременного пособия 800 рублей ассигнациями²¹.

Чернышев (как ранее и Сухтелен) сообщал, что к докладу прилагается записка Сычугова о пребывании в стане Пугачева. Естественно, что я предпринял поиски ее в ЦГВИА — в архивных фондах учреждений военного ведомства (коллекции Военно-ученого архива, канцелярии начальника Главного штаба и др.). Но мои разыскания положительного результата не дали.

Учитывая возможность того, что записка Сычугова могла сохраниться среди бумаг Николая I, просмотрел и этот архивный фонд, а также коллекцию рукописей библиотеки Зимнего дворца, находящихся в Центральном государственном архиве Октябрьской революции СССР,

* Чин, приравниваемый в то время к капитану в армии.

однако и здесь разыскиваемого документа не оказалось.

И все-таки кое-что о содержании воспоминаний Сычугова удалось узнать из дневника служившего в Оренбурге инженерного прапорщика К. А. Буха (1812—1895); этот неопубликованный его дневник хранится ныне в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. В дневниковой записи от 5 августа 1835 года Бух сообщал о беседе с 80-летним Сычуговым, отставным казачьим майором, живущим в Оренбурге. Он рассказывал, что «Пугачев осадил Оренбург 27 сентября 1773 года. Три дня спустя губернатор Рейнсдорп, учитывая недостаток фуража в осажденном городе, послал отряд, поручив ему вывезти из окрестностей города заготовленное там сено. В числе посланных был и 17-летний Сычугов. Отойдя три-четыре версты от Оренбурга, отряд остановился в лугах. Узнав о выходе отряда фуражиров из города, Пугачев отправил на их перехват свою конницу. Она переправилась через реку выше города, обошла фуражиров степью и замкнула их окружением, выйдя западнее к Яику. Некоторые из фуражиров пытались пробиться, но пугачевцы, открыв стрельбу из пушек, вынудили весь отряд фуражиров к капитуляции. Всех пленных, в числе которых был и Сычугов, отвели в Берду, штаб-квартиру Пугачева. Сычугов прибавил далее, что во время налета повстанцев на оренбургских фуражиров, некоторые из последних, главным образом молодые казаки, а в их числе и он, Сычугов, пытались спрятаться от поимки под телегами, но все были схвачены. Рассказывая обо всем этом, бедный старик плакал. Он не мог ничего больше добавить к своему рассказу, кроме того, что Пугачев жил в Берде без какого-либо великолетия, он казнил всех офицеров и чиновников, которые не смогли от него скрыться»²². По каким-то причинам Сычугов о своей службе писарем в ставке Пугачева не рассказал собеседнику ничего.

К записанному Бухом рассказу необходимо сделать уточнения, которые касаются обстоятельств нападения повстанцев на фуражиров. Сычугов отнес это событие к 30 сентября 1773 года, что не соответствует действительности, ибо Пугачев осадил Оренбург лишь 5 октября того же года. Когда же на самом деле происходила фуражировка, о которой говорил Сычугов? По сходству обстоятельств с записками очевидцев видно, что было то

18 октября; когда городская команда фуражиров потеряла до трехсот человек пленными и убитыми (IX, 231—232).

Оказавшись в лагере восставших, Сычугов — как человек, знающий грамоту — был определен писарем (а может и рядовым писцом) либо в один из повстанческих полков, либо в Военную коллегия Пугачева. В связи с последним предположением следует указать на один из фактов, приведенных в протоколе показаний пугачевского полковника А. Т. Соколова-Хлопуши. На допросе он сообщил, что 23 марта 1774 года, когда в Бердской слободе стало известно о поражении отрядов Пугачева в прошедшей накануне битве у Татищевой крепости, он, Хлопуша, отправился в Военную коллегия, чтобы осведомиться о случившемся и получить распоряжения, но «пришед в дежурную, нашел одного писаря Васильева, который ему сказал: «Что вам за нужда? Знал бы де ты свое дело и лежал на месте»²³. Как знать, не был ли этот неучтивый писарь Степаном Васильевичем Сычуговым, которого Хлопуша назвал не по фамилии, а по отчеству (Васильев), что, как известно, в обиходе того времени бывало.

Сычугов возвратился в Оренбург в начале апреля 1774 года — несколько дней спустя после поражения войска Пугачева под Сакмарским городком. Как человек, невольно оказавшийся в рядах восставших, он не подвергся, видимо, репрессиям и сразу же возобновил службу в казачьем войске. Его «пугачевское прошлое» было предано забвению, Сычугов со временем сделал неплохую офицерскую карьеру и «по выслуге» вышел даже в ряды потомственного дворянства.

Судя по воспоминаниям Даля, Пушкин с Сычуговым не встречался.

СЛЕДЫ ПУГАЧЕВСКИХ УКРЕПЛЕНИЙ ПОД ОРЕНБУРГОМ

В своих воспоминаниях Даль говорит о том, что в поездке из Оренбурга в Бердскую слободу указывал Пушкину на «остатки земляных работ между Орских и Сакмарских ворот, приписываемых преданием Пугачеву».

Северо-восточное и восточное предместья Оренбурга это тот район, где происходили основные столкновения

между войсками осажденного города и отрядами Пугачева. Очевидцы отмечают, что уже в первые недели осады, в октябре 1773 года, повстанцы стали подвозить сюда пушки и устанавливать в версте и полуверсте от города временные батареи, укрывая их за пригорками, строениями и наспех сооруженными земляными насыпями (IX, 225, 229, 235, 556, 557, 590). В конце октября, готовясь к генеральному приступу, Пугачев приказал выстроить артиллерийские позиции для трех крупных батарей. Сооружения были завершены к ночи на 2 ноября, а на рассвете Пугачев повел свои отряды на штурм. О постройке этих артиллерийских укреплений вспомнил на допросе оренбургский казачий сотник Т. И. Падуров, служивший полковником в войске восставших. Пугачев, по его словам, «приказал близ города, расстоянием так, как бы с версту, на названной Маяшной горе, зделать шанцы, которые пехотными солдатами и зделаны были, и в тех шанцах поставлены были пушки, коих тут, а равно и вокруг города на батареях было с тридцать»²⁴.

Свидетельства очевидцев и топографические планы Оренбурга 1770-х годов позволили установить точное местоположение главных пугачевских батарей, которые своим огнем поддерживали штурм 2 ноября 1773 года.

Первая батарея была установлена в полуверсте от города, к северу от Сакмарских ворот, вблизи кирпичных сараев, находившихся в подножье горного отрога — «увала». Местоположение кирпичных сараев указано на плане Оренбурга и его окрестностей 1775 года²⁵.

Вторая батарея располагалась у загородного кладбища «позадь часовни, где убожий дом» (то есть богадельня для престарелых). В одном из документов Оренбургской губернской канцелярии упоминается крестьянин И. Тамишкин; он принадлежал к повстанцам, которые находились «в земляной работе против самого города, на горе у часовни, для постановления их воровских батарей»²⁶. Загородное кладбище с часовней находилось в 400 саженьях как от Сакмарских, так и от Орских ворот, что видно на том же плане Оренбурга²⁷.

Южнее кладбища пугачевцы установили третью батарею. Она была в версте с небольшим от города, прямо против Орских ворот, а точнее, как указывает Рычков, — у артиллерийской мишени, которую соорудили задолго до восстания; она сделана была «из дерну нарочитой

вышины и толщины, для обучения артиллерийских служителей к стрельбе в цель». Учитывая возможность укрытия своей батареи за этим строением, повстанцы в дополнение к нему в ночь на 2 ноября пристроили «с обеих сторон небольшие валы, оставя тут для пушек малые промежутки», откуда во время сражения «начали частую и сильную пушечную пальбу производить по городу» (IX, 240). Пекарский, служивший сержантом в Оренбурге, вспоминает, что пугачевская батарея, находившаяся у мишени «противу пушечного двора», сосредоточила огонь по этому двору, стреляя из единорогов «чинеными ядрами» (начиненными зажигательной смесью), стараясь зажечь строения и пороховой погреб.

Как сообщает Пекарский, руководство строительством артиллерийских позиций для батарей поручено было Пугачевым «капралу Оренбургского артиллерийского гарнизона Калмыкову» (IX, 604). Во время следствия капрал, по понятным причинам, обошел этот факт молчанием²⁸.

При поездке из Оренбурга в Бердскую станицу Даль, надо полагать, указывал Пушкину на следы артиллерийских позиций Пугачева, находившихся недалеко от дороги: на месте первой батареи (у кирпичных сараев) и второй (у загородного кладбища, за часовней и «убожим домом»).

ЧТО СТОИТ ЗА «АНЕКДОТОМ»?

Даль вспоминал как по пути из Оренбурга в Бердскую станицу он сообщал Пушкину предания о фактах, относящихся к пребыванию Пугачева в Берде. Пушкин слушал их «с большим жаром» и притом «хохотал следующему анекдоту...» Впрочем, это место процитировано ранее.

Предание это устойчиво бытовало в Оренбурге и в последующие годы. Известный путешественник А. И. Макшеев, служивший в 1847—1853 годах старшим адъютантом штаба Отдельного Оренбургского корпуса, в заметке, напечатанной в 1870 году, сообщал: «В Оренбурге в конце 1849 года я слышал от престарелого помещика Скрябина*... следующий рассказ: Пугачев при

* То был, видимо, Афанасий Григорьевич Скрябин, который в 1833 г. занимал пост плац-майора в Оренбурге.

вступлении в Берду был встречен колокольным звоном. Священник вышел к нему в облачении с крестом. Пугачев с благоговением приложился к кресту и вошел в церковь. Царские двери в алтарь были растворены. Пугачев прямо вошел в алтарь, сел на престол, подбоченился и сказал: «Давно я не сидел на престоле!»²⁹

Соответствует ли действительности этот «анекдот», дискредитирующий Пугачева со стороны религиозной? Имеются ли в свидетельствах современников восстания и в документах той поры какие-либо упоминания о приписываемом Пугачеву поведении в церкви Бердской слободы?

Обратимся к источникам. Священником в церкви Рождества Богородицы* был Алексей Васильев. Летом 1773 года он жаловался Оренбургскому духовному правлению на равнодушие прихожан: как в обычное время, так и воскресные и праздничные дни, церковные службы проходили при почти пустом храме, и все это «за нерачением легкомысленных казаков»³⁰. В конце сентября, при первых слухах о приближении войска Пугачева, отец Алексей бежал из слободы в Оренбург.

Обосновавшись 4 ноября 1773 года в Бердской слободе, Пугачев определил на вакантные места в штат местной церкви оказавшихся в его лагере церковников: священником — Филиппа Гаврилова (священника из села Гасвицкого), дьяконом — Алексея Сергеева (дьячка из Сорочинской крепости); в торжественных службах по праздничным дням участвовали иногда Степан Семенов (священник из Татищевой крепости) и Иван Федоров (священник из села Стайкина под Бузулукской крепостью). Все они весной 1774 года были арестованы карателями, привлечены к дознанию, после чего подверглись церковному покаянию и были понижены в должности (священники — лишены священства и переведены в дьячки). В сохранившихся протоколах показаний этих священнослужителей³¹ нет каких-либо сведений о предосудительном поведении Пугачева в церкви Бердской слободы. Филипп Гаврилов говорил на допросе, что Пугачев был в церкви всего один раз «декабря 6-го числа, то есть в праздник Николая Чудотворца», и

* Церковь деревянная, была выстроена в 1756 г., сгорела «от поджога» в 1789 г.

добавлял, что служба в этой церкви велась «не по раскольническому обряду», а по канонам официальной церкви, «по церковному чиноположению», и поэтому яицкие казаки-повстанцы, «будучи все раскольники, в церковь не хаживали»³². Упоминаний о том, что Пугачев садился на царский престол в алтаре, мы не находим ни в показаниях пленных повстанцев, ни в свидетельствах перебежчиков из бердского лагеря.

Осенью 1774 года Оренбургское духовное правление собирало от подведомственных церквей сведения о причиненных им «поруганиях, грабительствах», а также об умерщвлении священнослужителей. Из церкви Бердской слободы сведений такого рода не поступило. В январе 1775 года Сенат обнародовал «Описание, собранное поныне из ведомостей разных городов, сколько самозванцем и бунтовщиком Емелькою Пугачевым и его...сообщниками осквернено и разграблено божиих храмов...» В их числе названы и тринадцать находившихся в Оренбургской губернии, в которых повстанцы «оклады с икон и всю утварь церковную грабили» (IX, 118). Церковь Бердской слободы не упомянута и тут. Значит, ни сам Пугачев, ни его сторонники никаких предосудительных поступков в ней не совершали.

Задолго до опубликования сенатского «Описания» вопросом о поругании церкви повстанцами, а особенно самим Пугачевым, занималась Оренбургская секретная комиссия. Спрошенный ею Иван Яковлевич Почиталин, первый любимец Пугачева и думный дьяк его Военной коллегии, ответил: «Чтоб Пугачев в церкви на престоле садился,— того я никогда не видал, кроме как в последний раз, при приступе к городу Оренбургу, в стоящую недалеко от города, в бывшем форштате, Егорьевскую церковь взволил пушки, и оттуда палили в город, для того, что сие место казалось других способнее»³³.

С цих-то слов знал «анекдот» подпоручик Михаил Александрович Шванвич, который был взят в плен повстанцами 6 ноября 1773 года. Потом он говорил следователям: «Слышал же и сие в толпе злодея, что, когда оренбургский форштат был вызжен, то спустя несколько время, блиско города Оренбурга, в церкви Георгия Победоносца, Пугачев, при собрании своих разбойников, садился на престол и плакал, говоря притом: «Вот, детушки! Уже я не сиживал на престоле двена-

дцать лет». Чему многия толпы его поверили, а другия оскорбились и разсуждали так: естли б и подлинно он был царь, то непригоже сидеть ему в церкви на престоле»³⁴.

Как в этом свидетельстве, так и в других показаниях на допросе, Шванвич стремился приуменьшить свою роль в лагере восставших и выказать отрицательное отношение к Пугачеву. Но будем придерживаться истины. Эпизод в Георгиевской церкви случился тогда, когда Пугачеву было не до такого рода речей. В тот день шел штурм Оренбурга, и сам Пугачев едва не погиб в бою. К тому же он хорошо знал, что такое царский престол в церкви, и если даже случайно присел на него, так в тот момент Георгиевская церковь была уже не «божиим храмом» и не «святилищем», а артиллерийским блокаузом, подвергаемым интенсивному пушечному обстрелу из Оренбурга, со стороны осажденных «ревнителей благочестия».

Надо полагать, что показание об эпизоде в Георгиевской церкви, взятое к тому же в сомнительной версии Шванвича, и явилось той почвой, на которой родился пресловутый «анекдот» о Пугачеве.

Пересказанный Далем, он не был использован Пушкиным в «Истории Пугачева». Освещая в третьей главе пребывание Пугачева в Бердской слободе, автор лишь кратко отметил, что «Пугачев, будучи раскольниковым*, в церковь никогда не ходил» (IX, 26). Как справедливо полагает Н. В. Измайлов, «анекдот» был отвергнут по той причине, что высокомерно тенденциозно подчеркивал полное невежество Пугачева, а это не соответствовало действительности и шло вразрез с представлениями Пушкина о предводителе народного движения.

ВСТРЕЧА И БЕСЕДА С ИРИНОЙ БУНТОВОЙ

Утром 19 сентября 1833 года Даль отправился с Пушкиным из Оренбурга в Бердскую станицу, бывшую столицу Пугачева. «Я взял с собою ружье,— вспоминал

* Пугачева убежденным раскольниковым считать нельзя; он был человеком, равнодушным к вопросам веры, но, учитывая реальные обстоятельства, охотно использовал поддержку со стороны старообрядцев и служителей официальной церкви.

Даль,— и с нами было еще человека два ** охотников».

Дорога оказалась недальней — каких-то шесть или семь верст от города. С северо-восточного склона Маячной горы путникам открылась панорама «мятежной слободы», раскинувшейся на берегу Сакмары-реки. Здесь с ноября 1773 по март 1774 года располагалась ставка Пугачева, здесь был тогда главный лагерь повстанческого войска. Отсюда водил Пугачев свои отряды на приступы к осажденному Оренбургу, а его атаманы отправлялись в дальние походы к Уфе и Самаре, Челябинску и Гурьеву, Кунгуру и Казани. В Бердской слободе действовала Военная коллегия, отсюда рассылались манифесты, сулившие трудовому народу волю и землю. В те времена пугачевская столица — Берда насчитывала всего лишь до сотни дворов. Защищенная с запада рекой Сакмарой, а с юга, со стороны Оренбурга, огромным буераком, она обнесена была еще обветшалым бревенчатым тыном и рогатками; на углах крепостцы и в проезжих ее воротах стояли пушки³⁵. К 1833 году тут произошли перемены: число казачьих дворов выросло почти вдвое, снесен был за ненадобностью окружавший слободу бревенчатый тын, на месте сгоревшего деревянного храма выстроили в 1824 году каменную церковь во имя Казанской богоматери.

Еще до поездки в Бердскую станицу Даль говорил Пушкину о живших там старухах, современницах Пугачевского восстания, которые помнили события той поры и рассказывали о них. Каких из этих «бердинских старух» могли застать Пушкин и Даль? Сохранившаяся в Оренбургском архиве книга ревизских сказок населения Бердской станицы по VIII ревизии, проводившейся 12 апреля 1834 года, указывает на нескольких старых казачек, которые в дни своей молодости были очевидцами

** Одним из них был Константин Демьянович Артюхов, инженер-капитан, директор Оренбургского кадетского корпуса, другим — кто-то из адъютантов губернатора В. А. Перовского (либо гвардии капитан Никита Макарович Калустов, либо надворный советник камер-юнкер Николай Николаевич Дурасов, либо гвардии ротмистр Сергей Гаврилович Чилиев; последнего Пушкин знал по встрече в Закавказье летом 1829 г.

восстания и видели самого Пугачева. В их числе — Наталья Козлова (78 лет), Авдотья Воробьева (75 лет), Агафья Ситникова (73 года), Василиса Строганова (73 года). Была среди них и 100-летняя Анна Кононова, которой в дни восстания исполнилось сорок³⁶.

Но в книге ревизских сказок оказался и существенный пробел.

Даль вспоминал, что когда он с Пушкиным и другими попутчиками приехали в Бердскую станицу, «пора была рабочая, казаков ни души не было дома, но мы отыскивали старуху, которая знала, видела и помнила Пугача. Пушкин разговаривал с нею целое утро». Вспоминая встречу с этой старухой, поэт писал жене: «В деревне Берде, где Пугачев простоял 6 месяцев, имел я *une bone fortune* * — нашел 75-летнюю казачку, которая помнит это время, как мы с тобою помним 1830 год. Я от нее не отставал...» (IX, 83). Записанные со слов старой женщины воспоминания о Пугачеве и его времени Пушкин отметил ремарками: «Старуха в Берде», «В Берде от старухи» (IX, 496, 497).

Свидетельства о встречах с нею приводятся также в письмах Е. З. Ворониной³⁷, в дневнике К. А. Буха³⁸, в мемуарной заметке А. И. Макшеева³⁹, но и из них никто не назвал имени бердской собеседницы Пушкина.

Фамилию ее впервые установил оренбургский краевед С. Н. Севастьянов, посетивший Бердскую станицу в 1899 году. Он встретился там с казачкой Акулиной Тимофеевной Блиновой, очевидицей пребывания поэта в Бердской станице. Блинова рассказала, что с Пушкиным в тот памятный день беседовала (и пела ему песни) бердская казачка Бунтова, старушка лет за шестьдесят; ее имени и отчества она не могла вспомнить⁴⁰.

Этими скудными данными и исчерпывались до недавнего времени сведения о пушкинской собеседнице Бунтовой.

Но вот в последние годы стали известны новые материалы для биографии Бунтовой, открытые краеведом С. А. Поповым в фондах Государственного архива Оренбургской области. В делах губернской казенной палаты, среди материалов VII ревизии, Сергей Александрович в 1965 году обнаружил книгу ревизских сказок на-

* Большой успех.

селения Бердской станицы по состоянию на октябрь 1816 года. Среди других жителей там значилась «вдова Ирина Афанасьева дочь, по мужу Бунтова, 55 лет», с 18-летней дочерью Натальей и 14-летним сыном Иваном⁴¹.

Ревизские сказки впервые указали и полное имя Бунтовой, и ее возраст. По всему выходило, что родилась она около 1760 года и при Пугачеве была 13-летней девочкой — отроческий возраст, впечатления которого сохраняют свежесть на всю жизнь. В 1833 году, при встрече с Пушкиным, Бунтовой исполнилось 73 года, но, по свидетельствам знавших ее, она хранила живую память о Пугачеве. Именно под впечатлением бесед с Бунтовой и другими современниками Пугачевского восстания в Приуралье и Поволжье Пушкин писал, что имя Пугачева «гремит еще» в этих краях и «народ живо еще помнит» ту пору, «которую — так выразительно — прозвал он пугачевщиною» (IX, 81).

12 апреля 1834 года в Бердской станице проходила VIII ревизия населения. В книге ревизских сказок учтен «Иван Степанов Бунтов, в службе в Оренбургском казачьем полку с 1825 года»⁴². По отчеству сына видно, что мужа Ирины Афанасьевны Бунтовой звали Степаном. А вот она сама по каким-то причинам в записи оказалась не упомянутой. Это дало С. А. Попову повод предположить, что, возможно, Бунтова умерла вскоре после сентября 1833 года, а потому в ревизские сказки 1834 года и не попала. Однако ее не оказалось и среди умерших, учтенных в метрической книге «Бердской подгородной слободы Богородицкой церкви» за 1833 и 1834 годы.

Да ведь она и не могла быть записанной в числе умерших, ибо жила и здравствовала еще много лет! 8 июля 1835 года видел ее захавший в Бердскую слободу из Оренбурга инженер-прапорщик К. А. Бух. Служивший здесь в 1847—1853 годах А. И. Макшеев писал, что он в 1848 году посетил Берды, где застал еще в живых девяностолетнюю современницу Пугачева, ту самую казачку, к которой «ездил А. С. Пушкин в бытность свою в Оренбурге, когда собирал материалы для истории Пугачевского бунта и расспрашивал ее о Пугачеве».

При Макшееве она была ветхой старушкой, забывшей уже многое из далеких пугачевских времен. Но са-

мого Пугачева помнила еще отчетливо, и на вопрос — каков он был — отвечала, по-прежнему называя его царем: «Молодец был батюшка-государь Петр Федорович!»

Макшеев оказался последним из заезжих, которые спрашивали И. А. Бунтову о Пугачеве. Вскоре она скончалась. Точную дату ее смерти установил в 1976 году тот же неутомимый С. А. Попов. Просматривая метрическую книгу церкви Казанской богородицы, он обнаружил запись о том, что 4 июля 1848 года умерла «Бердской станицы вдова, казачья жена Ирина Афанасьевна Бунтова, 96 лет, холерою»⁴³. В этой записи верна лишь точно указанная дата смерти. Что касается возраста, то он завышен лет на восемь.

Бунтова намного пережила своего знаменитого собеседника — Пушкина...

Небезынтересны биографические сведения об отце Бунтовой и ее муже. Из ее рассказов Пушкину и Ворониной видно, что она в девичестве была казачкой Нижнеозерной крепости, где-то в 1780-х годах вышла замуж за казака Бердской слободы Степана Бунтова, у них родилось шестеро детей, из которых четверо умерли в младенчестве. Сам Степан Бунтов, согласно записи в метрической книге Георгиевской церкви, скончался 25 января 1813 года, в возрасте 60 лет⁴⁴, следовательно, родился в 1753-м и, будучи в 1773—1774 годах молодым 20-летним казаком, являлся очевидцем событий Пугачевского восстания, в том числе тех из них, которые происходили в Бердской слободе, где в течение пяти месяцев располагалась ставка Пугачева и главная квартира его войска. Воспоминания Степана во многом послужили для его жены источниками рассказов о событиях в Бердской слободе при Пугачеве.

Род Бунтовых восходил, как свидетельствуют архивные документы, к яицким казакам времен Петра I, а позднее — к первопоселенцам Бердской слободы, основанной как крепость в 1737 году. В одной из сенатских книг ЦГАДА содержится «перепись Бердской крепости атаману, старшинам и казакам, и их женам и детям.— мая... дня 1740 году», где значится рядовой казак «Петр Андреев сын Бунтов, тридцати шести лет, Яицко-

го городка казачий сын, и с того городка записался в Бердскую крепость в казаки тому три года; у него жена Марфа Степанова тридцати лет, Яицкого городка казачья дочь, ис того городка сошла с мужем своим обще, при них дети: Никифор четырнадцати,— Дмитрий десяти,— Агафья пяти лет, Авдотья году»⁴⁵. Все они были старшей родней Степана Бунтова и родственниками Ирины Афанасьевны Бунтовой по мужу.

Беседуя с приехавшими 25 ноября 1833 года в Бердскую слободу самарскими дворянами Шелашниковыми и Ворониной, Бунтова сказала о себе, что она дочь казака Нижнеозерной крепости, где и жила в дни Пугачевского восстания, что отец ее служил в отрядах Пугачева под Оренбургом, начальствуя казачьей командой. Он-то и рассказал ей о многих событиях того времени — в частности, о расстреле вдовы коменданта той крепости Е. Г. Харловой и ее малолетнего брата⁴⁶.

Совокупность трех несомненных фактов — отца Бунтовой звали, судя по ее отчеству, Афанасием, был он казаком Нижнеозерной крепости и служил у Пугачева — явилась отправным ориентиром в последующем биографическом разыскании.

Ему способствовала находка в архивных материалах Оренбургской секретной комиссии именного списка «Нижнеозерной крепости казакам и разного звания людям», составленного 9 апреля 1774 года в походной канцелярии генерал-майора П. Д. Мансурова. В списке учтено все мужское население — 143 человека — как находившееся в момент переписи в крепости, так и отсутствовавшее в ней по различным причинам. Лишь два Афанасия внесены в список. Один из них Афанасий Фролов, казачий «малолеток» (до 18 лет) явно не мог быть отцом 13-летней в то время Ирины. Им наверняка был казак Афанасий Бородулин, о котором в списке сказано, что он в момент переписи отсутствовал, так как был в числе 42 казаков-пугачевцев «в злодейской толпе»⁴⁷. Большая их часть весной 1774 года оказалась в плену и содержалась под следствием в Оренбургской секретной комиссии.⁴⁸ Афанасия Бородулина там не было. Неизвестно, в каких местах и долго ли еще продолжались его «пугачевские странствия», но, вероятно, осенью того же года он возвратился к семье в Нижнеозерную и возобновил прежнюю службу. Со временем

начальство забыло его «прегрешения». Три года спустя Бородулин имел уже унтер-офицерский казачий чин — служил капралом⁴⁹.

Даль вспоминал, что старая казачка указала Пушкину «на Гребени*», где, по преданию, лежит огромный клад Пугача, зашитый в рубаху, засыпанный землей и покрытый трупом человеческим, чтобы отвести всякое подозрение и обмануть кладоискателей, которые, дорывшись до трупа, должны подумать, что это — простая могила».

Рассказ Бунтовой о пугачевском кладе родственен традиционным и излюбленным в народном творчестве преданиям о знаменитых кладах (Ивана Грозного, атамана Кудеяра, Степана Разина) — всегда преувеличенным, а в подавляющем большинстве и совершенно недостоверным. Столь же сомнительно предание о пугачевском кладе на Гребенях, ибо известно, что Пугачев часть трофейного имущества хранил в Каргалинской слободе в доме своего полковника Мусы Алеева⁵⁰, а наиболее ценные вещи (золото, драгоценные камни, жемчуга, дорогую одежду и посуду, меха и др.) отсылал на хранение в Яицкий городок, в «дворец» своей жены «императрицы» Устиньи Петровны Кузнецовой⁵¹; позднее все это было захвачено карателями и передано властям.

Вопреки фактам, рассказ о пугачевском кладе, якобы зарытом на Гребенях, продолжает жить в народных преданиях о Пугачеве⁵².

Даль писал, что «старуха спела также несколько песен, относившихся к тому же предмету, и Пушкин дал ей на прощанье червонец». Акулина Тимофеевна Блинова рассказывала в 1899 году, что день той памятной ей встречи был теплым и ясным. Двенадцатилетняя Блинова сидела у дома Бунтовой, нянчившей малых детей. К ним подошли двое господ в штатском, «один высокий**», другой — пониже — курчавый», — это и был

* Гребени — горный отрог в 10—12 верстах от Бердской станции, к северо-востоку от нее и выше по реке Сакмарю.

** К. Д. Артюхов.

Пушкин. Далее Блинова рассказывала: «у него лицо белое, а губы большие, толстые, да уж очень меня занял ноготь на пальце — длинный-предлинный, у нас таких и не носят». Пушкин спросил Бунтову: «Знает ли она что-либо про Пугачева?» Та ответила, что «все знает про Пугачева и даже песню, что про него сложена». Попросили спеть. «Бунтова спела им одну песню». Приезжие сказали: «Правда, правда, бабушка», а сами «между себя смеются» и снова просят: «А ну-ка еще спой!» Бунтова спела им еще две песни. «Какие слова этих песен, я не упомяну, но говорилось про Пугачева, как он воевал, как вешал», — рассказывала Блинова. Потом она вспомнила, что в одной из песен были слова: «Не умела ты, ворона, ясна сокола поймать». Эта песня высмеивала царского генерала (возможно, В. А. Кара, командира первой карательной экспедиции против восставших), не сумевшего поймать «ясна сокола» — Пугачева.

Посетившая Бердскую станицу 25 ноября 1833 года Воронина писала, что старая казачка (Бунтова) «сказывала... сочиненные в то время песни, и мы записывали их».

Судьба записей, к сожалению, не известна.

В. И. Даль и Е. З. Воронина вспоминали забавную историю, приключившуюся с казачкой после встречи с Пушкиным.

На прощание гость подарил ей червонец. «Мы уехали в город, — писал Даль, — но червонец наделал большую суматоху. Бабы и старики не могли понять, на что было чужому, приезжему человеку расспрашивать с таким жаром о разбойнике и самозванце, с именем которого было связано в этом краю столько страшных воспоминаний; но еще менее постигали они, за что было отдать червонец. Дело показалось им подозрительным: чтобы после не отвечать за такие разговоры, чтобы не дожить до какого греха-напасти. И казаки на другой же день снарядили подводы в Оренбург, привезли и старуху, и роковой червонец и донесли: «Вчера-де приезжал какой-то чужой господин, приметам: собой невелик, волос черный, кудрявый, лицом смуглый, и подбивал под «пугачевщину» и дарил золотом: должен быть анти-

христ, потому что вместо ногтей на пальцах когти»*. Пушкин много тому смеялся».

Сама Бунтова рассказывала о том же Ворониной: «Только он со двора, бабы все так на меня и накинулись. Кто говорит, что его подослали, что меня в тюрьму засадят за мою болтовню, кто говорит: «Антихриста видела, когти-то у него какие. Да и в писании сказано, что антихрист будет любить старух, заставлять их песни петь и деньгами станет дарить». На другой день, рассказывала Бунтова, явилась она с казаками в Оренбург к начальству: «Смилуйтесь, защитите меня, коли я чего наплела на свою голову, захворала я с думы». А те смеются: «Не бойся,—говорят,—это ему сам государь позволил о Пугачеве везде спрашивать».

История, приключившаяся с Бунтовой после ее встречи с Пушкиным, отражена и в неопубликованном дневнике К. А. Буха.

Ирина Афанасьевна Бунтова была замечательной хранительницей народной памяти о Крестьянской войне. В ее рассказах Пушкину Пугачев запечатлен как выдающийся предводитель восставших, как человек, отзывчивый к интересам простого народа. «В Берде Пугачев был любим; его казаки никого не обижали»,—записал ее слов поэт (IX, 496).

В воспоминаниях Даля упомянуто не многое из того, что рассказывала о Пугачеве старая казачка. Гораздо полнее ее рассказы учтены в рукописях Пушкина, на листах его так называемых «оренбургских записей» и на страницах дорожной записной книжки (IX, 493, 496—497).

Содержание этих рассказов и характер использования их в пушкинских произведениях исследуются в работе Н. В. Измайлова «Оренбургские материалы Пушкина для «Истории Пугачева» и «Капитанской дочки». Эта же тема рассматривается мною в подготовленной к изданию книге «Над «пугачевскими» страницами Пушкина»; там впервые использованы новые архивные документы, дополняющие и корректирующие рассказы Бунтовой. Из этой книги я и приведу здесь раздел, о вещающий «разинское» ее предание.

* «Пушкин носил ногти необыкновенной длины; это была причуда его» (прим. В. И. Даля).

СТЕПАН РАЗИН — ПУГАЧЕВЕЦ

Со слов Ирины Афанасьевны Бунтовой Пушкин записал краткий — всего в несколько строк — рассказ о старой казачке Разиной, долго искавшей своего сына среди погибших пугачевцев:

«Когда разлился Яик, тела (повстанцев, убитых в сражении 22 марта 1774 г. под Татищевой крепостью.— Р. О.) поплыли вниз. Казачка Разина, каждый день прибревши к берегу, пригребала пешнею* к себе мимо плывущие трупы, переворачивая их и приговаривая: — Ты ли, Степушка, ты ли, мое детище? Не твои ли черны кудри свежа вода моет? — Но видя, что не он, тихо отталкивала тело и плакала» (IX, 497).

Эту картину, с поэтической выразительностью передающую горе матери, оплакивающей пропавшего сына, Пушкин перенес на страницы «Истории Пугачева», придав рассказу художественную завершенность:

«Вскоре настала весенняя оттепель; реки вскрылись, и тела убитых под Татищевой поплыли мимо крепостей. Жены и матери стояли у берега, стараясь узнать между ними своих мужей и сыновей. В Озерной старая казачка каждый день бродила над Яиком, клюкою пригребая к берегу плывущие трупы и приговаривая: «Не ты ли, мое детище? Не ты ли, мой Степушка? Не твои ли черные кудри свежа вода моет? — И видя лицо незнакомое, тихо отталкивала труп» (IX, 51).

К словам «старая казачка» дано лаконичное, без каких-либо комментариев, примечание: «Разина» (IX, 112).

В таком виде текст вошел в рукопись пятой главы «Истории Пугачева».

В середине декабря 1833 года рукопись первых пяти глав была представлена на рассмотрение Николая I и в конце января 1834 года возвращена с замечаниями царя.

Возражение, в частности, вызвал эпизод с казачкой Разиной. Сочетание этой многозначительной фамилии с именем «Степушка» превращало исторического Степана Разина в участника восстания Пугачева⁵³. Сближение

* Это слово в автографе Пушкина (Отдел рукописей Пушкинского Дома — далее: ПД. ф. 244, оп. 1, инв. № 371, л. 3) написано не вполне отчетливо; составители Большого академического издания прочли и напечатали его ошибочно: «налкою».

имен двух великих мятежников таило в себе не до конца ясное, но явно «подозрительное» намерение Пушкина указать на внутреннюю связь Разинского и Пугачевского восстаний. В эмоциональной окрашенности рассматриваемого эпизода царь не мог не усмотреть поэтизации Степана Разина и других мятежников. А ведь на недопустимость этого он однажды уже указывал Пушкину!

Именно такими соображениями руководствовался, видимо, Николай I, когда, отчеркнув пушкинский текст (всю фразу: «В Озерной старая казачка... тихо отталкивала труп»), написал сбоку, на правом поле рукописи: «Лучше выпустить, ибо связи нет с делом» (IX, 471).

Пушкин, конечно, с мнением «августейшего» цензора не посчитаться не мог. Учитывая, однако, то, что указание Николая I не имело категорически-запретительного характера, поэт, дорожа рассказом, перенес его в примечания, выпустив при этом фамилию «Разина», что вполне «обезвреживало» текст.

В таком виде эпизод был напечатан в прижизненном издании «Истории Пугачева», так он печатался и в последующих собраниях сочинений Пушкина, вплоть до середины тридцатых годов. Только тогда Т. Г. Зенгер-Цявловская, изучив рукопись, цензурованную Николаем I, установила первоначальный текст, а для безымянной (по прежним изданиям) старой казачки ее фамилию «Разина». «Историю Пугачева» стали печатать в том виде, в каком она была написана⁵⁴.

Исследователи, обращавшиеся к «разинскому» эпизоду, считали, что упоминаемый в нем Степан Разин — не реальный пугачевец, а всего лишь ассоциативный образ, связующий собою — и в рассказе Бунтовой, и в произведении Пушкина — два великих народных движения. Подтверждения находили в том, что соединение Разина и Пугачева было для автора характерным: в одном из примечаний к десятой главе «Истории Пугачева» он сопоставлял «ужасные успехи» этих предводителей, а также обстоятельства их казни (IX, 148); в записке, отправленной 9 сентября 1834 года к А. И. Тургеневу, поэт писал: «Симбирск в 1671 году устоял противу Стеньки Разина, Пугачева того времени» (IX, 189)⁵⁵.

Значит, только образ? Нет, не только.

В декабре 1976 года я получил из Оренбурга письмо от С. А. Попова. Среди прочего он сообщил, что при просмотре в областном архиве огромного фолианта с ревизскими сказками казаков Уральского войска по VIII ревизии ему встретилась запись о 82-летнем отставном казаке Степане Андреевиче Разине, жившем с семьей в Кинделинском форпосте (на берегу Урала, вблизи Илецкого городка)⁵⁶. Попов высказал предположение, что этот казак и есть, видимо, тот самый Степушка Разин из рассказа Бунтовой и «Истории Пугачева», но только не погиб он в пугачевское время, а, прожив после того шестьдесят лет, оказался современником Пушкина.

С доводами Сергея Александровича не согласиться невозможно. Биографические данные о Степане Разине и в рассказе Бунтовой, и в ревизской сказке 1834 года в основном совпадают. В обоих источниках он по происхождению казак с Яика. Полное сходство в имени и фамилии. И по возрасту Степан Андреевич Разин вполне мог участвовать в Пугачевском восстании: в 1774 году был 22-летним казаком.

Находка С. А. Попова поставила рассказ Бунтовой на почву реальных фактов.

Заманчиво, конечно, было бы найти прямые документальные свидетельства о службе Разина в отрядах Пугачева. С этой целью я внимательно обследовал находящиеся в фондах Центрального государственного архива древних актов (ЦГАДА) собрания следственных дел о пленных пугачевцах. Нашлись документы и о Степане Разине. Но, к сожалению, оказался он не яицким казаком, а мастеровым Билимбаевского завода под Екатеринбургом. При аресте у него отобрали «злодейский билет» — документ, удостоверяющий факт присяги на верную службу «Петру III». 5 января 1775 года начальник Казанской секретной комиссии генерал-майор П. С. Потемкин предписал: «мастерового Степана Разина за именные злодейского билета наказать батогами», а затем, растолковав ему всю тяжесть его преступления, освободить из-под стражи⁵⁷.

Неудачи в розыске данных о пугачевском прошлом Степана Андреевича Разина несколько, однако, не уменьшили убежденности в том, что был он участником Пугачевского восстания и реальным персонажем рассказа Бунтовой.

В пушкинской «Истории Пугачева» эпизод со старой казачкой Разиной отнесен к событиям, имевшим место в Нижнеозерной крепости. Исходя из этого, можно было предположить, что Степан Разин являлся казаком именно этой крепости.

Истинность предположения следовало подкрепить документами.

Обратился к именному списку жителей Нижнеозерной, составленному в апреле 1774 года⁵⁸.

Но среди 143 казаков, отставных солдат и своекоштных жителей крепости, названных в списке, ни одного человека с фамилией «Разин» не оказалось.

Следовательно, Разины не были жителями Нижнеозерной — ни в то время, ни позднее.

Да ведь и пушкинская запись рассказа Бунтовой не содержит прямого указания на то, что эпизод с казачкой Разиной происходил в Нижнеозерной! Судя по рассказу, событие это случилось в каком-то из селений на Яике и вполне может быть, что в том самом Кинделинском форпосте, где в 1834 году проживал так нас заинтересовавший Степан Андреевич.

С. А. Попов, сообщив мне данные VIII ревизии об означенном Разине, выдвинул любопытную генеалогическую задачу: выяснить, не было ли у предков этого казака какой-либо родственной связи с предводителем Крестьянской войны 1670—1671 годов Степаном Тимофеевичем Разиным.

Приступая к решению этой задачи, я исходил из того, что Разин Степан Андреевич был яицким казаком, а значит, предков его следует искать среди казаков Яицкого войска. Имеющиеся в литературе упоминания о переписи яицких казаков в 1723—1724 годах комиссией полковника И. И. Захарова⁵⁹ направили поиски в Центральный государственный военно-исторический архив, в дела Казачьей экспедиции Военной коллегии. Здесь хранятся и две переписные книги.

В одной из них искомые сведения о Разиных нашлись. В числе казаков Шестой сотни был записан рядовой «Микифор Минеев, сын Разин, у него сын Алексей двенадцати лет. А по скаске ево, от роду ему, Никифору, шестьдесят пять лет; дед и отец ево и он родиню Саран-

ского уезду дворцового села Ромодановского казаки; пришел он, Никифор, ис того села на Яик во сто восемьдесят шестом году^{*}, и служит в казаках с того году»⁶⁰.

Свидетельство переписной книги требует некоторых пояснений. Прежде всего надо заметить, что он родился в 1658 году и 12-летним подростком был очевидцем Крестьянской войны 1670—1671 годов, охватившей и территорию Саранского уезда⁶¹. В том уезде находилось родное для Н. М. Разина дворцовое село Ромодановское, известное с начала XVIII века как частновладельческое село Ромоданово (Никольское тож). Сей Разин называл себя выходцем из белопахотных казаков; эта категория служилых людей версталась из крестьян, освобождаемых от платежа податей с двора и пашни, но призванных нести сторожевую службу по охране селений, дорог и засечных линий. В 20-летнем возрасте Никифор бежал на вольный Яик. Яицкое казачье войско процентов на девяносто было сформировано за счет беглых крестьян, посадских людей, стрельцов, казаков Поволжья и центра страны, а также их потомков, ставших казаками во втором-третьем поколениях.

По соседству с материалами комиссии полковника Захарова в архивном фонде находятся дела следственной комиссии поручика Е. И. Кроткова, производившей в 1719 году розыск по доносу на атамана, старшин и казаков Яицкого войска⁶². Комиссия составила именной список казаков. Никифор Минеевич Разин по каким-то причинам в список включен не был (возможно, находился в служебной отлучке). Но зато встретилась тут совершенно поразительная запись: в перечне казаков Шестой сотни упомянут рядовой «Стефан Тимофеев сын Разин»⁶³. Еще один яицкий казак Разин, да к тому же и полный тезка предводителя Крестьянской войны. Других биографических данных о нем в списке не сообщается, но обнаружились они в той же книге, в протоколе допроса этого казака⁶⁴, где записано, что он, Степан Тимофеев сын Разин, «Саранского уезда села Ромодановского крестьянин, ис того села бежал и пришел на Яик», что он был в отряде яицких казаков, посланном с экспедицией А. И. Бековича-Черкасского в Хиву (1716),

^{*} По летоисчислению от «сотворения мира» (7186); в переводе на современное летоисчисление это соответствует 1677/78 гг.

с того времени «за суетами своими» в церкви не исповедывался и «святых тайн» не сподоблен, но к расколу никогда не приставал, ни в каких изменнических замыслах не участвовал и ничего о них не знает⁶⁵.

Само собой напрашивается сопоставление биографий яицких казаков Разиных. Оба из одного села, состояли, видимо, в родстве, в конце 1670-х годов бежали на Яик, где и стали служить рядовыми казаками. Их отдаленным потомком, как думается, является тот Степан, которого знала и о котором рассказала Пушкину бердская казачка Ирина Афанасьевна Бунтова.

Пушкин на пути из Оренбурга в Уральск, проезжая поздно вечером 20 сентября 1833 года через Кинделинский форпост, не знал, что здесь доживает свой век один из персонажей будущей «Истории Пугачева» — ветеран-пугачевец Степан Разин.

«ЗОЛОТЫЕ» ПАЛАТЫ ПУГАЧЕВА

Накануне поездки в Бердскую станицу Даль говорил Пушкину «о бердинских старухах, которые помнят еще «золотые» палаты Пугачева, то есть обитую медною латунью избу».

Среди оренбургских жителей издавна бытовало предание о «золотом дворце» Пугачева. Сообщение об этом было обнародовано в печати известным литератором П. П. Свиным. В 1824 году он, будучи чиновником Министерства иностранных дел, посетил Оренбург. С памятными местами города его знакомили местные литераторы А. П. Крюков и П. М. Кудряшов. С их, видимо, слов Свиный, сам не бывавший в Бердской слободе, писал, что Пугачев имел «свою резиденцию в близлежащем селе Берды, где показывают доселе избу, бывшую дворцом сего разбойника, которую для величия сана своего приказал он обить латунью внутри и снаружи»⁶⁶.

Пушкин осмотрел этот дом, и в повести «Капитанская дочка», в XI главе, названной «Мятежная слобода», в рассказе героя повести прапорщика Петра Гринева изобразил «государев дворец» Пугачева так: «Нас привели прямо к избе, стоявшей на углу перекрестка... Я вошел в избу, или во дворец, как называли ее мужики. Она освещена была двумя сальными свечами, а стены оклеены были золотою бумагою; впрочем, лавки, стол, рукомойник на веревочке, полотенце на гвозде, ухват в углу

и широкий шесток, уставленный горшками,— все было как в обыкновенной избе» (VIII, 347). Нетрудно заметить, что это описание составлено по личным наблюдениям; так, вероятно, выглядел этот дом в 1833 году. И лишь одна деталь описания относится к реалиям пугачевского времени — необычная для казачьей избы золотая бумага, коей были оклеены стены. Эта деталь, как будет видно дальше, имеет решающее значение для доказательства факта знакомства Пушкина с убранством дома, служившего резиденцией Пугачева.

Кто же был более точен в указании на примечательную особенность убранства «дворца» Пугачева: Пушкин, писавший об обоях из золотой бумаги, или Свиньин и Даль, сообщавшие об украшении избы обшивкой из латунных листов?

Ближе к истине оказался Пушкин. Более того, его данные полностью подтвердились при обращении к документам, сохранившимся в фондах Центрального государственного архива древних актов. Командир пугачевской «гвардии» (личной охраны) сотник яицких казаков-повстанцев Т. Г. Мясников на допросе в Оренбургской секретной комиссии 9 мая 1774 года показал, что после вступления в Бердскую слободу Пугачев «жил в доме берденского жителя Ситникова, так как етот дом был из лутчих, и назывался дворцом государевым... Покой у него был обит вместо обоев шумихою»⁶⁷. Шумихой в разговорном обиходе XVIII—XIX веков называлось сусальное золото — тончайшая бумага (или пленка) золотистого цвета, изготовленная из двусернистого олова. Удалось установить обстоятельства появления шумихи в стане Пугачева. В конце октября 1773 года повстанцы задержали под Орской крепостью бухарский торговый караван и пригнали его в Берду. Среди захваченных товаров (меха, чай, китайское серебро и др.) было до двух десятков ящиков шумихи. Часть ее взяли для оклейки избы Ситникова⁶⁸.

Факт осмотра этого дома Пушкиным устанавливается по нескольким источникам. Прежде всего свидетельствует сам Даль: Пушкину «указали, где стояла изба, обращенная в золотой дворец». Любопытно показание А. Т. Блиновой, которая рассказывала С. Н. Севастьянову, что Пушкин попросил Бунтову «показать дом, где жил Пугачев». Та повела их. «Дом этот стоял на Боль-

шой улице, на углу, на красной стороне... Он был на шесть окон. Со двора открывался чудесный вид на Сакмару, озеро и лес. Сакмара подходила совсем близко ко дворам. Курчавый господин похвалил место, говорит — «Прекрасное!»⁶⁹. Наконец, в дорожной записной книжке Пушкина имеется такая запись: «В Берде Пуг (ачев) жил в доме Конст(антина) * Ситникова, причем слово «Константина» написано взамен зачеркнутого «Карпа»⁷⁰.

Совсем недавно С. А. Попов, просматривая в Оренбургском архиве книгу ревизских сказок населения Бердской станицы по VIII ревизии, обнаружил запись о 50-летнем Карпе Константиновиче Ситникове⁷¹. Из записи следует, что Карп был современником Пушкина и, вероятно, очевидцем его приезда в Бердскую слободу.

В ревизской сказке казак записан полным его именем, что дало возможность установить имя отца — Константин. Он-то и был современником Пугачева и в этом именно значении упомянут в записной книжке Пушкина.

Во второй половине XIX века кто-то из потомков Константина Ситникова продал родовое дворовладение со знаменитым домом — пугачевским «золотым дворцом» бердскому казаку Михаилу Дмитриевичу Козлову. А. Т. Блинова, рассказывая С. Н. Севастьянову о встрече с Пушкиным, упомянула, что теперь, в 1899 году, прежнего дома «на шесть окон», стоявшего «на Большой улице на углу, на красной стороне», уже нет⁷².

На том месте, на углу современных улиц Восстания (быв. Большой) и Салавата Юлаева (быв. Средней), стоит ныне совсем другой дом: скромная, заурядная изба в три окна по фасаду. Когда именно была она поставлена, точно неизвестно. Можно лишь предположить, что это произошло где-то во второй половине XIX века. Наша современница, 90-летняя Евгения Степановна Бунтова, правнучка И. А. Бунтовой, собеседницы Пушкина, не помнит старого дома Ситниковых, но с детских лет знает стоящий на его месте дом Козловых (ныне принадлежащий Смолиным).

Единственное, что отличает современный дом Смоли-

* В изданиях этой записи слово «Константина» дано в неверном прочтении — «Кондратия» (IX, 493).

ных от сотни таких же строений в бывшей слободе,— это стоящая сбоку от него белокирпичная стена с укрепленной на ней мемориальной доской: «На этом месте стоял дом, в котором с ноября 1773 г. по март 1774 г. жил вождь крестьянского восстания Емельян Пугачев». Ниже ее, у подножия стены, установлена пушка пугачевских времен.

Думается, что придет время, когда на этом самом месте будет восстановлен дом Константина Ситникова, а в нем воссоздана обстановка «дворца» Пугачева с вещами того времени и документами, отражающими происходившие здесь события Крестьянской войны. И украсит воссозданный по описаниям XVIII—XIX веков дом доска с более обширной и точной надписью:

«Здесь, в доме бердского казака Константина Егоровича Ситникова, с 4 ноября 1773 по 23 марта 1774 года располагалась ставка предводителя Крестьянской войны Емельяна Ивановича Пугачева.

19 сентября 1833 года этот дом осматривал Александр Сергеевич Пушкин».

* * *

Беседы с Далем и местными старожилками обогатили Пушкина новыми познаниями об осаде Оренбурга Пугачевым и о пребывании его в Бердской слободе. 20 сентября 1833 года поэт отправился в Уральск, намереваясь осмотреть в пути казачьи станицы (бывшие крепости) и побеседовать здесь с престарелыми современниками Крестьянской войны.

В конце февраля 1835 года Пушкин послал В. А. Перовскому записку, а с нею экземпляр «Истории Пугачева». Три других экземпляра книги предназначались В. И. Далю, К. Д. Артюхову («тому охотнику, что вальшнепов сравнивает с Валленштейном или с Кесарем») ⁷³ и наказному атаману Уральского казачьего войска В. О. Покатилову, в доме которого в Уральске поэт останавливался 21—23 сентября 1833 года.

Записку к Перовскому Пушкин заключил словами: «До свидания, в степях или над Уралом» ⁷⁴.

Но побывать в тех местах еще раз ему не довелось.

В последний раз Даль встретился с Пушкиным в Петербурге; два дня (28 и 29 января 1837 года) провел он

у постели смертельно раненного на дуэли Александра Сергеевича. В записке «Смерть Пушкина» Даль писал, что не отходил от умирающего «до конца страшных суток», и «в первый раз сказал он мне «ты»,— я отвечал ему тем же, и побратался с ним уже не для здешнего мира».

Как знать, может, в те минуты, когда тяжкие муки от раны на время утихали, поэт, глядя на Даля, вспоминал встречу с ним в Оренбурге, поездку в Бердскую станцию, рассказы о пугачевских временах...

ЕХАЛ ПОЭТ В ОРЕНБУРГ

Куда ехал, зачем ехал — это известно давно.

7 августа 1833 года Пушкин получил разрешение на поездку в Оренбург и Казань, 17 августа он выехал из Петербурга. Началась еще одна знаменательная страница его жизни — путешествие в Поволжье и Оренбургский край по местам событий Крестьянской войны под предводительством Емельяна Пугачева¹.

Пушкин проехал через Москву, Нижний Новгород, Чебоксары, с 5 по 8 сентября пробыл в Казани, потом взял курс на Симбирск, откуда заезжал в имение своего друга поэта Н. М. Языкова, а затем, в Симбирск возвратившись, 12 сентября отправился к конечному пункту маршрута — Оренбургу.

Отъехав три станции, путник вернулся обратно. В письме жене он 14 сентября по этому поводу писал:

«Опять я в Симбирске. Третьего дня, выехав ночью, отправился к Оренбургу. Только выехал на большую дорогу, заяц перебежал мне ее. Черт его

С. ПОПОВ

ДОРОГИ СЕНТЯБРЯ

*Страницы
оренбургской
Пушкинианы*

побери, дорого бы дал я, чтобы его затравить. На третьей станции стали мне закладывать лошадей — гляжу, нет ямщиков — один слеп, другой пьян и спрятался. Пошумев изо всей мочи, решил я возвратиться и ехать другой дорогой; по этой на станциях везде по шесть лошадей, а почта ходит четыре раза в неделю. Повезли меня обратно — я заснул — просыпаюсь утром — что же? Не отъехал я и пяти верст. Гора — лошади не взвезут — около меня человек 20 мужиков. Черт знает как бог помог — наконец, взехали мы, и я воротился в Симбирск... Теперь еду опять другим трактом. Авось без приключений...» (XV, 80—81) ².

Каким именно «другим трактом» поехал Пушкин из Симбирска в Оренбург?

В сохранившейся части Дорожной записной книжки поэта есть краткая запись в три строчки:

«Оцюшь кайбас, бог.
Панин. Дом Пустынникова,
Смышляевка».

Возможно, что написаны они не одновременно, не сразу и притом независимо одна от другой. Из этих лаконичных строк автора больше интересует последняя: «Смышляевка». Но предварительно несколько слов о двух первых, долгое время остававшихся загадочными.

Исследованиями И. К. Инжеватова и А. И. Носкова доказано, что слова «Оцюшь кайбас», действительно, как поясняет сам Пушкин, означают имя бога, высшего языческого божества мордвы — «Оцю Шкай паз». Пушкин, не зная мордовского языка, записал это имя так, как воспринял его на слух ³. Исследованиями Р. В. Овчинникова разъясняется и вторая строчка. Смысл ее в том, что во время подавления восстания Е. И. Пугачева главнокомандующий карательными правительственными войсками граф П. И. Панин останавливался в Симбирске в сентябре 1774 года в каменном доме известного горнозаводчика И. С. Мясникова, именовавшегося также Пустынниковым.

Вернемся, однако, к третьей строке — с записью «Смышляевка». Пушкинисты полагают, что она означает название села бывшей Самарской губернии (ныне Куйбышевской области), находившегося в то время верстах в двадцати на восток от г. Самары. В старину, во времена Пушкина, Смышляевка являлась крупной почтовой

станцией. С одной стороны, она стояла на «Большой почтовой дороге из города Самары в Оренбург»⁴, с другой — на нее выходила дорога из Симбирска, шедшая левобережьем Волги. «Смышляевка» в дорожной записи говорит, очевидно, о том, что Пушкин был в этом селе по дороге в Оренбург.

Какой дорогой прибыл Пушкин в Смышляевку из Симбирска: почтовым трактом по правобережью Волги через Самару или менее известной дорогой по левобережью? Судя по всему — левобережьем. Косвенным подтверждением этому является эскизный набросок в Дорожной записной книжке, изображающий обрывистый берег Волги у Симбирска с домами и церковью. Под рисунком подпись «Смоленская гора. Церковь Смол (енская) и дом Карамзина. 15 сентября. Волга». Рисунок, несомненно, сделан с левого берега реки или же с парома во время переправы через Волгу. 15-е сентября — вероятная дата выезда Пушкина из Симбирска в Оренбург. Подтверждением того, что путь Пушкина был именно таким, является беловой автограф «Капитанской дочки», в котором герой романа Петруша Гринев едет на службу в Оренбург по степям заволжским, и видит одни бедные мордовские и чувашские деревушки (VIII, ч. 2, 860). Именно левобережная дорога шла через мордовские и чувашские села. Пушкин вел своего героя тем же трактом, по которому ехал сам⁵.

Из Смышляевки, в которую Пушкин прибыл, должно быть, 16 сентября, он ехал на Оренбург «Большой почтовой дорогой». На основании карты Оренбургской губернии 1831 года можно перечислить населенные пункты с почтовыми станциями, через которые следовал поэт. В пределах нынешней Куйбышевской области это были Мочинская слобода, село Федоровка, Борская крепость⁶, село Новинки или Мойка. Последующие почтовые станции находились в пределах современной Оренбургской области: крепость Елшанская (современное село Старая Елшанка Бузулукского района), г. Бузулук, редут Погромный (ныне село Погромное Тоцкого района), крепость Тоцкая (с. Тоцкое, районный центр), крепость Сорочинская (г. Сорочинск), хутор Воробьевский (стоял в устье речки Воробьевки, левого притока Самары), крепость Новосергиевская (рабочий поселок Новосергиевка), крепость Переволоцкая (рабочий поселок Перево-

лоцк), крепость Татищева (с. Татищево Переволоцкого района) и, наконец, последний населенный пункт с почтовой станцией перед Оренбургом — крепость Чернореченская (с. Черноречье Оренбургского района).

18 сентября, в понедельник, Пушкин приехал в Оренбург. Случилось это, вероятно, в первой половине дня.

Но мы спешить не станем — представим себе его еще в пути.

По дороге из Симбирска в Смышляевку Пушкин беседовал с людьми. В той же Дорожной книжке сохранилась краткая запись беседы с каким-то мордвином. Пушкин взял себе на заметку: «нынче калмыки так обрусели, что готовы с живого шкуру содрать». Запись помечена: «слова мордвина. 16 сент.». Дата заставляет думать, что беседа с неизвестным мордвином состоялась по дороге от Симбирска к Смышляевке. Речь шла, очевидно, о ставропольских калмыках, живших в то время неподалеку от тракта, по которому ехал Пушкин. Н. Ф. Калинин считает, что мордовский крестьянин говорил об усилении эксплуатации со стороны богатых калмыков, которые стали не хуже русских помещиков драть шкуру с бедняков⁷. Продолжая путь, поэт продолжал и свои беседы. Сам он свидетельствует, что встречался с современником восстания Е. Пугачева в бывшей Сорочинской крепости. От него и записал: «Бунтовщики 1771 года посажены были в лавки Менового двора. Около Сергиева дня, когда наступил сенокос, их отпустили на Яик, — сядясь в телеги, они говорили при всем торжище: «То ли еще будет? Так ли мы тряхнем Москвою?»

— Молчать, курвины дети, — говорили им оренбургские казаки, их сопровождавшие, но они не унимались». (IX, 495).

Эта запись помечена Пушкиным — «Папков в (Переволоцкой) Сорочинской». По мнению Н. В. Измайлова, Пушкин «не помнил твердо, в какой из станиц-крепостей он слышал рассказ», и это сказалось на записи в автографе⁸.

Изучение ревизских сказок Переволоцкой станицы показывает, что в ней не было ни одного жителя с фамилией «Папков». Между тем в Сорочинской, в ревизской сказке 7-й ревизии, составленной 21 сентября 1816 года, среди жителей назван 69-летний отставной казак Иван Ларионов сын Попков с сыновьями. Следовательно,

во время приезда Пушкина ему должно было быть 86 лет, а во время событий Крестьянской войны 26—27⁹.

По дороге на Оренбург (или же по пути из Оренбурга в Уральск) Пушкин нашел собеседников и в нынешнем селе Татищево. Свою запись он пометил «Матрена в Татищ(евой)». Пушкин записал ее короткий рассказ об атамане Татищевой крепости, будто бы казненном Пугачевым за то, что он скрыл запасы провианта. Заканчивается запись несколькими словами о дочери Елагина, командира Татищевой крепости во время этих событий: «Лиз. Фед. Елагина выдана была в Озерную за Харлова весною (имеется в виду крепость Нижнеозерная). Она была красавица, круглолица и невысока ростом» (IX, ч. 2, 495). Весь текст записи свидетельствует, что собеседник Пушкина — человек весьма осведомленный. Пушкинской «Матреной», возможно, была 83-летняя казачья вдова Матрена Дехтярева; в дни восстания ей исполнилось 23—24 года¹⁰.

ИЗ ОРЕНБУРГА В УРАЛЬСК

20 сентября Пушкин выехал из Оренбурга в Уральск. Выезд не был поздним, так как Е. З. Воронина, приехавшая «часа в два по полудни», его уже не застала.

Пушкин ехал в Уральск почтовым трактом, который в то время шел по правому берегу Урала через нынешние села Оренбургской и Уральской областей — бывшие крепости, форпосты, редуты времен Крестьянской войны под предводительством Е. Пугачева. Основываясь на карте Оренбургской губернии 1831 года, можно перечислить населенные пункты с почтовыми станциями, через которые должен был проследовать Пушкин. В пределах Оренбургской области это Черноречье и Татищево, затем Нижнеозерное, Рассыпное, Мухраново, Студеное, Кинделя, Иртек; в Уральской области — через села Кирсаново, Январцево, Рубежное, Володарка (бывшее Гнилое). Нет никаких данных о том, что Пушкин сворачивал с почтового тракта, чтобы заехать в нынешнее с. Илек — районный центр на левом берегу Урала, бывший Илецкий казачий городок в прошлом. Запись в Дорожной записной книжке: «Карницкий, Ил(ецкий) Гор(одок)» (IX, ч. 2, 493) не может служить доказательством посещения Пушкиным Илецкого городка, тем более, что, по

мнению пушкинистов, запись сделана не Пушкиным, а кем-то другим, неизвестным. Чтобы попасть в Илецкий городок, необходимо было свернуть с почтового тракта, проехать около 15 верст от почтовой станции в Мухраново до р. Урала, переехать с правого берега на левый, а затем снова тем же путем вернуться на почтовый тракт. Это отняло бы много времени, а Пушкин спешил в Болдино.

Расстояние от Оренбурга до Уральска по карте 1831 г. составляло 281 версту. Почта в 1833 году преодолевала его за 30 часов. Она выходила из Оренбурга по вторникам в первом часу пополудни и прибывала в Уральск в среду в семь часов вечера¹¹. Следовательно, если Пушкин выехал из Оренбурга в первой половине дня 20 сентября, то в Уральск он мог приехать вечером 21 числа. Заметим, что в 1837 г. этой же почтовой дорогой проехал будущий император Александр II, в свите которого состоял В. А. Жуковский. Переезд занял около 20 часов. Конечно, надо иметь в виду, что для проезда наследника престола всюду были подготовлены лучшие лошади¹².

В литературе высказывалось мнение, что будто бы Даль сопровождал Пушкина в Уральск. Сам Даль в воспоминаниях о Пушкине об этом не упоминает ни словом. Известно, что 21 сентября, то есть на следующий день после отъезда поэта, Даль в Оренбурге подал Перовскому рапорт о возвращении ему денег, истраченных во время командировки в область Уральского казачьего войска и в Букеевскую орду. Следовательно, Даля с Пушкиным в поездке не было¹³.

Остановившись в пути, Пушкин беседовал со старожилыми и современниками восстания Емельяна Пугачева. Сохранилась довольно обширная запись — беловая обработка черновых набросков, сделанных в бывшей Нижнеозерной крепости. По-видимому, здесь Пушкин задержался дольше, чем в других попутных селениях. Интерес к этому месту у него был вызван рассказами И. А. Бунтовой. Не приводя полностью пушкинский текст, отметим, что в нем говорится о взятии повстанцами крепости Озерной, о судьбе ее коменданта майора Харлова, о сержанте Карницком (в документальных материалах — сержант Кальминский), перешедшем на сторону восставших, о татарине Бикбае (в документах —

казачий капрал Бикбай), повешенном пугачевцами за шпионство, о Киселеве, в подвале которого Харлов спрятал «пожитки свои и все добро».

Особый интерес представляют строки, где говорится о самом Пугачеве.

«Поутру Пугачев пришел. Казак стал остерегать его: — Ваше ц. (арское) в. (еличество), не подъезжайте, неравно из пушки убьют.

— Старый ты человек, — отвечал ему Пугачев, — разве на царей льются пушки?..

...Пугачев был так легок, что когда он шел по улице к магазинам, то народ не успевал за ним бегом» (XIX, ч. 2, 496).

Как видно из текста, в рассказе превосходно отразилось народное представление о Е. Пугачеве как смелом вожде восстания, человеке, обладающем особыми качествами, свойственными необычным людям. Рассказ о предупреждении казака — не подъезжать близко к крепости, как, впрочем, и значительную часть записи о штурме Озерной, Пушкин почти дословно включил в «Историю Пугачева».

Слова старого казака, который остерег Пугачева, почти полностью совпадают с показаниями сотника Тимофея Мясникова: «...когда случалось на сражениях каких против воинских команд, то всегда был (Пугачев.—С. П.) сам наперед, нимало не опасаясь стрельбы ни из пушек, ни из ружей. А как некоторые из его доброжелателей уговаривали его иногда, чтоб он поберег свой живот, то он на то говаривал: «Пушка-де царя не убьет, где-де это видано, чтоб пушка царя убила»¹⁴.

Следовательно, собеседники Пушкина не народное предание излагали, а передавали подлинные слова Е. И. Пугачева, сохранившиеся в их памяти. Это еще раз говорит о том, что лица, с которыми Пушкин беседовал в Озерной, хорошо помнили события.

В этом отношении любопытна также запись о Полежаеве и о Киселеве.

«Он (то есть Пугачев.—С. П.), проезжая по Озерной к жене в Яицк, останавливался обыкновенно у казака Полежаева, коего любил за звучный голос, большой рост и проворство». Заметим, что в Дорожной записной книжке Полежаев упоминается также. Вероятно, со слов

И. А. Бунтовой поэт записал: «В Берде Пугачев жил в доме Конст(антина) Ситникова, в Озерной у Полежаева». Полежаев — личность подлинная. В 1777 г. в Нижнеозерной крепости жил ссыльный «своекоштный» Петр Полежаев. Очевидно, это и был тот самый человек, которого Пугачев любил, и собеседники Пушкина в 1833 году его хорошо помнили¹⁵.

Киселев упоминается в связи с Харловым (у него в подвале тот спрятал имущество). Израненный Харлов «думал откупиться, и повел казаков к избе Киселева: «Кум, дай мне 40 рублей,— сказал он.— Хозяйка все у меня увезла в Оренбург». Кис(елев) смутился — казаки разграбили имущество Хар(лова). Дочь Кис(елева) упала к ним в ноги, говоря: «Государь, я невеста, этот сундук мой». Каз(аки) его не тронули». Упоминаемый в записи Киселев мог быть отставным солдатом Степаном Киселевым, который, как и своекоштный Петр Полежаев, упоминается в списке жителей Нижнеозерной крепости в 1777 году.

Пушкин не указал своего собеседника или собеседников. Но упоминание в тексте фамилии «Киселев» заставляет нас обратить внимание на семейство 65-летнего казака Ивана Степановича Киселева, показанного в ревизской сказке 8-й ревизии Нижнеозерной крепости от 16 апреля 1834 г., и особенно на сына отставного солдата Степана Киселева, жившего в Нижнеозерной крепости в 1777 г. Не исключено, что именно он и был одним из собеседников поэта¹⁶.

Путешествуя по Оренбургскому краю, Пушкин делал наброски, рисунки эскизного характера. На сохранившихся листах Дорожной записной книжки находятся четыре рисунка: Смоленская гора у Симбирска и три женских портрета. Возможно, рисунков было больше и они выполнялись также на отдельных листах. В этом отношении представляет особый интерес отдельный листок с греческим текстом («Одиссея») и рисунком под ним. Рисунок изображает карету или коляску с тройкой лошадей, скачущую по направлению к высокому мысу с крутым обрывом и силуэтами строений.

Этот набросок Пушкина настолько близок облику мест, ведущих к с. Нижнеозерному со стороны Оренбурга, что заставляет думать о нем, как о дорожной зарисовке именно этого дня¹⁷.

«БЕЛОГОРСКАЯ КРЕПОСТЬ»

Главные события романа «Капитанская дочка» происходят в Белогорской крепости, стоящей на высоком берегу Яика. Невольно у читателя возникает вопрос: существовала ли она в действительности?

Автор романа определил местоположение крепости географически точно. В главе «Крепость» читаем: «Белогорская крепость находилась в сорока верстах от Оренбурга. Дорога шла по крутому берегу Яика» (VIII, ч. I, 294). В главе «Пугачевщина» сказано: «Неожиданная весть сильно меня поразила. Комендант Нижнеозерной крепости, тихий и скромный молодой человек, был мне знаком: месяца за два перед тем проезжал он из Оренбурга с молодой своею женою и останавливался у Ивана Кузьмича. Нижнеозерная находилась от нашей крепости верстах в двадцати пяти» (VIII, ч. I, 319).

Таким образом, Белогорская крепость находилась на крутом берегу Яика между Оренбургом и Нижнеозерной — в 40 верстах от первого и в 25 от последней.

Однако в действительности ни в эпоху Крестьянской войны 1773—1775 гг. (и ни до того, ни после) на указанном Пушкиным месте крепости с таким названием не существовало. Пушкин дал ей имя вымышленное и условно поместил примерно на месте бывшей Татищевой крепости (нынешнего села Татищево, Переволоцкого района), через которую дважды проехал во время своего путешествия.

Тем не менее это не означает, что Белогорская и Татищева — одно и то же. Белогорская крепость — типизированный, обобщенный образ пограничных приицких крепостей XVIII века, составлявших в своей совокупности огромную по протяженности Оренбургскую военную пограничную линию. Это своеобразная художественная иллюстрация к характеристике приицких крепостей, данной Пушкиным в «Истории Пугачева»: «Крепости, в том краю выстроенные, были не что иное, как деревни, окруженные плетнем или деревянным забором. Несколько старых солдат и тамошних казаков, под защитою двух или трех пушек, были в них безопасны от стрел и копий диких племен, рассеянных по степям Оренбургской губернии и около ее границ» (IX, ч. I, 17).

Ко времени путешествия Пушкина по Оренбургскому

краю бывшие крепости, через которые проехал Пушкин, следуя в Оренбург, а позднее и в Уральск, не имели уже оборонительных сооружений. От них лишь частично уцелели земляные укрепления в виде заплывших рвов и следов земляных валов. Создавая этот образ, Пушкин основывался на документальных и литературных материалах, которые изучал, работая над «Историей Пугачева» и «Капитанской дочкой». В то же время и в описании, и в названии крепости отразились его собственные дорожные наблюдения и впечатления.

Остановимся сначала на названии — «Белогорская».

Еще в 1916 году оренбургский ученый Д. Н. Соколов указывал, что название «Белогорская крепость» дано Пушкиным по «Белой» (меловой) горе, которую он встретил по дороге из Оренбурга в Уральск, неподалеку от села Нижнеозерного. Это объяснение нашло признание и вошло в литературу¹⁸.

Пушкин выехал из Оренбурга, вероятно, утром, так как успел побеседовать и в Татищевой, и в Нижнеозерной. Ехал он в сухую солнечную погоду. Вспомним, что в письме к жене от 2 октября из с. Болдино Пушкин писал, что лишь при выезде из г. Уральска, вечером 23 сентября, пошел дождь — «первый по моем выезде». «Надобно тебе знать,— писал Пушкин,— что нынешний год была всеобщая засуха, и что бог угодил на одного меня, уготова мне везде прекраснейшую дорогу» (т. XV, стр. 83). Часть пути (через современные села Черноречье, Татищево, Зубочистенку 1-ю, Чесноковку и Нижнеозерное) протяженностью, по крайней мере, около 90 верст, он, несомненно, проехал еще засветло. Следовательно, подъезжая к Чесноковке (она ниже Татищева), поэт не мог не заметить высокие крупные меловые обнажения, расположенные в верховьях речки Чесноковки (правый приток Урала) и отчетливо заметные с возвышенных мест дороги на протяжении нескольких километров. Эти меловые обнажения известны среди местных жителей-татар 1-й и 2-й Зубочистенок и Чесноковки под именем «Ак-тау», а среди русского населения — «Белы горы». Нет ничего удивительного, что сверкавшие на солнце белые меловые отложения привлекли внимание Пушкина, и он, как любознательный путешественник, постарался узнать название гор.

Название крепости — «Белогорская» — возникло у

Пушкина не сразу. В первоначальном варианте романа оно отсутствует; вместо него стоят звездочки (VIII, ч. 2, 866, 874 и др.). Лишь в процессе дальнейшей работы над романом возникло то ее название, которое известно читателям сейчас.

Если в названии «Белогорская» мы видим отражение местных природных особенностей, то в самом описании укрепления — типизированном образе приицкой крепости периода Крестьянской войны 1773—1775 гг. — видны отчетливые черты, ведущие нас опять-таки к дорожным наблюдениям и впечатлениям Пушкина.

При упоминаниях Белогорской крепости в романе автор подчеркивает, что она находилась «на высоком берегу Яика» (глава «Мятежная слобода»).

Это подчеркивание заставляет нас обратить внимание на бывшую крепость Нижнеозерную. Именно она выделялась своим местоположением на высоком, каменистом и обрывистом берегу Урала от остальных крепостей по Уралу ниже Оренбурга. Отмеченную особенность Нижнеозерной Пушкин подчеркнул также в «Истории Пугачева»: «Она выстроена на высоком берегу Яика» (IX, ч. 1, 100).

Личными наблюдениями объясняются и такие строки из главы «Мятежная слобода»: «Вдруг увидел я деревушку на крутом берегу Яика, с частоколом и с колокольней — и через четверть часа въехали мы в Белогорскую крепость». Путнику, едущему ныне в село со стороны Оренбурга, сразу бросается в глаза расположение его (особенно старинной части, именуемой «Гора») на берегу, напоминающем издали высокий мыс.

Не случайным в описании Белогорской крепости является упоминание о ветряной мельнице: «С одной стороны стояли три или четыре скирды сена, полузанесенные снегом; с другой скривившаяся мельница, с лубочными крыльями, лениво опущенными...» По рассказам старожилов Нижнеозерного, в прошлом рядом с селом и впрямь стояли ветряные мельницы.

Черты Нижнеозерного, вошедшие в описание Белогорской, объясняются тем, что с бывшей крепостью Нижнеозерной Пушкин ознакомился более подробно, чем с остальными, расположенными вниз по реке Уралу. Внимание к этому месту возбудили в нем, несомненно, рассказы «старухи в Берде» — уроженки крепости.

Помимо дорожных наблюдений и впечатлений, в описании места действия романа сказались также литературные источники. Одним из них была небольшая повесть «Рассказ моей бабушки», напечатанная в сборнике «Невский альманах» за 1832 год. «Невский альманах» издавался в Петербурге Е. В. Аладьиним в 30—40-е годы XIX века при участии Пушкина, Жуковского, Козлова, Языкова и других.

Подписана повесть только инициалами «А. К.» Исследователями установлено, что за этими инициалами скрылся современник Пушкина — оренбургский поэт и писатель Александр Павлович Крюков (1803—1833). Автор назвал повесть «старинной былью». Она написана в форме рассказа бабушки, якобы дочери коменданта Нижнеозерной крепости Оренбургской пограничной линии, своему внуку о переживаниях во время нахождения крепости в руках повстанцев во главе с атаманом Хлопушей и его есаулом Топорком.

Повесть далека от исторической действительности. Видно, что автор был слабо осведомлен как о фактических событиях восстания Е. Пугачева, так и о его руководителях. Хлопушу он именует Панфилом Саватейчем, Пугачева называет уральским казаком. К восстанию Крюков относился с явной неприязнью.

Сюжет повести прост: дочь коменданта Нижнеозерной крепости капитана Шпагина Настя любит приехавшего в крепость поручика Бравина, который отвечает ей взаимностью. Происходит обручение, но свадьба откладывается из-за неожиданного перевода Бравина в Оренбург. Между тем начинается Пугачевское восстание. Нижнеозерную захватывает Хлопуша. Капитан Шпагин погибает. Настю укрывает вдова мельника, но в девушку влюбляется атаман. Мельничиха спасает ее от притязаний Хлопуши. Повесть заканчивается приходом правительственных войск и свадьбой — героиня повести выходит замуж за Бравина.

В пушкиноведческой литературе указывалось, что Пушкину эта повесть была известна и что в какой-то степени она послужила источником при создании «Капитанской дочки»²⁰. Вероятно, именно эту повесть имел в виду Пушкин в незаконченной предисловии к роману: «Несколько лет тому назад в одном из наших Альманахов напечатан был...» (VIII, ч. 2, 928).

Героиней романа «Капитанская дочка», как известно всем, является скромная девушка, дочь капитана — Маша Миронова.

Невольно возникает вопрос: почему свою героиню автор назвал «Мироновой»?

В ответ на запрос цензора Н. А. Корсакова, которому Пушкин представил рукопись для просмотра, — «существовала ли девица Миронова и действительно ли была у покойной императрицы» — он отвечал: «Имя девицы Мироновой вымышлено. Роман мой основан на предании, некогда слышанном мной, будто бы один из офицеров, изменивших своему долгу и перешедших в шайки Пугачевские, был помилован императрицей по просьбе престарелого отца, кинувшегося ей в ноги» (XVI, 177).

Не касаясь вопросов создания романа и его источников (этому посвящена значительная литература), остановим наше внимание на фамилии героини: не заимствована ли она из исторической действительности и не имеет ли отношения к какому-либо событию из времен восстания Е. Пугачева?

В проекте начатого предисловия к роману Пушкин писал:

«Анекдот, служащий основанием повести, нами издаваемой, известен в Оренбургском краю.

Читателю легко будет распознать нить истинного происшествия, проведенную сквозь вымыслы романтические...» (VIII, ч. 2, 928).

Что это за анекдот, «известный в Оренбургском крае»? Вряд ли то предание об офицере, перешедшем на сторону Пугачева, о котором Пушкин писал в письме цензору Корсакову. Этим анекдотом, по всей вероятности, является трагическая история жены командира Нижнеозерной крепости майора Харлова.

Известно, что незадолго до начала Крестьянской войны майор Харлов — комендант Нижнеозерной крепости женился на дочери коменданта Татищевой крепости полковника Григория Мироновича Елагина. С приближением повстанческого отряда во главе с Пугачевым Харлов отправил жену к ее отцу в крепость Татищеву. 26 сентября Нижнеозерная была взята повстанцами. Майор Харлов погиб. Через день, 27 сентября, повстанцы за-

хватили Татищеву. Полковник Елагин с женой были убиты. Майорша Харлова и ее малолетний брат попали в руки пугачевцев. Судьба их оказалась печальной: они погибли в Бердской слободе. Пушкину это событие было известно. Современники восстания не преминули о нем рассказать. От «Матрены в Татищевой» Пушкин записал: «Лиз. Фед. Елагина выдана была в Озерную за Харлова весною. Она была красавица, круглолица и невысока ростом» (XIX, ч. 2, 495). От «старухи в Берде» Пушкин услышал рассказ о расстреле ее и ее брата «по наговору яицких казаков» и коротко записал его (XIX, ч. 2, 496). Кроме того, случай с Харловой известен был Пушкину также из «Летописи» П. И. Рычкова опубликованной им как приложение к «Истории Пугачева» (IX, ч. 1, 217).

Основываясь на рассказах очевидцев, а также данных Рычкова, Пушкин посвятил эпизоду с Харловой несколько строк в «Истории Пугачева».

Вот они: «Пугачев поражен был ее красотой и взял несчастную к себе в наложницы, пощадив для нее семилетнего ее брата...» (IX, ч. 1, 19).

«Молодая Харлова имела несчастье привязать к себе самозванца. Он держал ее в своем лагере под Оренбургом. Она одна имела право во всякое время входить в его кибитку; по ее просьбе прислал он в Озерную приказ — похоронить тела им повешенных при взятии крепости. Она встревожила подозрения ревнивых злодеев, и Пугачев, уступив их требованию, передал им свою наложницу. Харлова и семилетний брат ее были расстрелены. Раненые, они сползлись друг с другом и обнялись. Тела их, брошенные в кусты; оставались долго в том же положении» (IX, ч. 1, 27—28).

Н. В. Измайлов считает, что в «Капитанской дочке» в портрете Маши Мироновой отразилось описание внешности Харловой. Но не только внешнее сходство сближает героиню романа с молодой майоршей. Чтобы подчеркнуть историческую основу романа, Пушкин наделил ее отца фамилией «Миронов», взяв для этого отчество полковника Елагина, отца Харловой, полное имя и отчество которого он легко мог встретить в изучавшихся им архивных материалах²¹.

Судьбы героини романа Маши и майорши Харловой различны. «Нить истинного происшествия» Пушкин

провел «сквозь вымыслы романтические». Если Харлова погибает в стане восставших в Бердской слободе, то Маша Миронова сохраняет свою честь и жизнь благодаря великодушию Е. Пугачева и его искреннему стремлению защитить сироту.

Так преломился в романе «анекдот, известный в Оренбургском крае». А Пушкин еще раз показал свое отношение к образу вождя крестьянского восстания, подчеркнув человечность, благородство и великодушие Пугачева.

Подчеркнув, вопреки насаждавшимся представлениям о нем, как о «злодее» и «изверге».

* * *

Дороги сентября, встречи и знакомства этого путешествия обогатили Пушкина-художника, Пушкина-историка, нашли свое отражение в дальнейшем его творчестве.

В Оренбурге много особенностей, резкой чертой отличающих его от других городов России...

А. Н. Плещеев

Ю. ЗОБОВ
ОРЕНБУРГ
ПУШКИНСКОЙ
ПОРЫ

Оренбург к числу старинных русских городов отнести нельзя — он сравнительно позднего возникновения. На том месте, где город стоит сейчас, его заложили в апреле 1743 года. Основание Оренбурга явилось результатом деятельности сформированной по решению правительства специальной «Оренбургской экспедиции», направленной для создания цепи крепостей по вновь образованной укрепленной пограничной линии.

По замыслу организаторов, Оренбург должен был стать оплотом царизма на юго-востоке страны, главной крепостью и «столицей» обширного края, «вратами» для торговли с Казахстаном и Средней Азией.

Царское правительство предоставило Оренбургу ряд льгот и привилегий. В результате этого город в первые годы рос сравнительно быстро. Через четверть века, по данным академика И. П. Фалька, в нем насчитывалось 1533 обывательских дома, несколько церквей, административных зданий, Гостиный двор в центре кре-

пости и Меновой двор в нескольких верстах южнее, на левой, «бухарской», стороне Яика. В Оренбурге находилась резиденция губернатора и располагались значительные контингенты войск. Понимая значение Оренбурга как военного и административного центра края, предводитель начавшейся в 1773 году Крестьянской войны Е. И. Пугачев главные силы повстанческой армии сосредоточил именно против Оренбурга: овладение городом он считал главной своей задачей на начальном этапе восстания.

После подавления Крестьянской войны царское правительство провело административные преобразования, направленные на укрепление дворянской диктатуры на окраинах. В 1781 году Оренбургская губерния была упразднена. Уфимское наместничество (с центром в городе Уфе) просуществовало до 1796 года. Затем Оренбургскую губернию восстановили, а Оренбург объявили губернским центром. Но несколько лет спустя, в 1802-м, губернским городом вновь стала Уфа. Оренбург же, вплоть до 1865 года, был городом уездным, но военный центр края оставался здесь.

До середины тридцатых годов город строился медленно. С 1801 по 1833 год численность домов увеличилась всего на 150.

В первой половине 30-х годов XIX века в Оренбурге проживало около 10,5 тысячи жителей. По численности населения город занимал тогда третье место среди городов Урала (после Екатеринбурга и Тюмени). В губернии же он был самым крупным. Позднее, в 1850-х годах, Оренбург оказался среди уральских городов на 9—10 месте, заметно отстав от них в своем развитии.

В тридцатых годах прошлого столетия Оренбург делился на три части: крепость, обнесенную земляным валом и рвом длиной более 5 верст, и два предместья — с восточной стороны Форштадт, насчитывавший около двух тысяч человек, главным образом оренбургских казаков, и Голубиную слободку (по-иному Солдатская или Старая слободка), которая охватывала город с западной стороны; в ней проживало более 800 жителей.

Размеры города были невелики. В. И. Даль писал, что с каждого перекрестка на все четыре стороны был виден крепостной вал. Границы крепости проходили в районе современных улиц Бурзянцева, Володарского,

Студенческой и набережной реки Урал. Сохранялись крепостные ворота — Сакмарские, Орские, Водяные и Чернореченские.

Форштадт занимал территорию в границах современных улиц Красная площадь, Тимирязева, Степана Разина и берега поймы Урала. Голубиная слободка шла от Сакмарских ворот (пересечения современных улиц Советской и Володарского) на юго-запад, вплоть до Урала. Это территория, ограниченная Проездом Коммунаров, улицами Чичерина, Пионерской, Суворовской.

Предместья отделялись от крепости большими площадями, на которых в интересах обороны застройка тогда запрещалась.

Подъезжая к городу, после переправы через реку Сакмару, путник мог видеть справа гору Маяк, на которой находились казенные каменоломни и дача наказного атамана Оренбургского казачьего войска. Ближе к центру располагались казенные кирпичные заводы. На месте современной второй городской больницы находился загородный дом военного губернатора, окруженный садом. Неподалеку от него располагались постройки военного госпиталя.

От губернаторского дома вела дорога, обсаженная по сторонам деревьями. Проехав по ней, путник через Сакмарские ворота и каменный мост, перекинутый через сухой ров, попадал в крепость. В ней его внимание привлекал прежде всего огромный, четырехугольный в плане Гостиный двор, занимавший квартал, ограниченный современными улицами Кирова, 9-го Января, Пушкинской и Советской.

На набережной с высокого берега Урала открывался вид на Зауральную рощу, разбитую в конце 1820-х гг. по типу английского парка, с беседками и мостиками. Вдали, за рощей, виднелся Меновой двор, а за ним растянулась бескрайняя степь.

С 1837 года в северной части стала строиться Новая слободка. Ее возникновение было связано с тем, что военный губернатор В. А. Перовский, стремясь улучшить внешний вид города, требовал вести внутри крепости строительство только каменных зданий и по «образцовым (типовым.— Ю. З.) проектам». Тем жителям, которые имели ветхие дома и строительства осуществить не

могли, власти предлагали переселяться на новые места, к северу.

Всего в Оренбурге в середине 30-х годов насчитывалось 80 улиц и переулков, около 100 каменных зданий и 1446 деревянных домов, две площади, обширный Гостиный двор, 7 каменных церквей, в том числе лютеранская кирха, две мусульманских мечети¹. Строилось несколько довольно крупных зданий. В 1830-м было заложено главное здание военного госпиталя, в 1832-м построен манеж (позднее переделанный в городской театр); в 1836-м, уже после приезда Пушкина, началось строительство губернаторского дворца и знаменитого Караван-сарая².

Каждое лето через реку Урал сооружались два моста — «один торговый на плашкотах для сообщения с Азиатским меновым двором и Ново-Илецкою линиею, а другой пешеходный на лодках, для сообщения с Зауральною рощею». Через реку Сакмару у горы Маяк устраивалась паромная переправа³.

Отличительной особенностью Оренбурга, придававшей ему неповторимый облик, был необычайно пестрый, неоднородный социальный и национальный состав населения.

Будучи военным центром края, он являлся преимущественно городом военных, которые в середине 30-х годов составляли 78 процентов населения⁴. Среди них были дворяне и чиновники, которые составляли 17 процентов, солдаты с семьями — 33,6, казаки — 27. По численности дворян и чиновников (около полутора тысяч человек) Оренбург занимал первое место как среди городов края, так и всего Урала. Причем подавляющее большинство их составляли потомственные дворяне⁵.

Преобладание военного элемента дало ученому путешественнику, посетившему Оренбург, основание сделать заключение, что он «скорее похож на колонию военных, чем на буржуазный город»⁶. Купцы, мещане и разночинцы составляли около 20 процентов населения.

По данным 1834 года численность купеческого населения возросла до 400 человек. Рост его шел преимущественно за счет разбогатевших государственных крестьян, а также купцов иногородних.

Состав мещан города Оренбурга также был неоднороден по своему происхождению. Около ста человек яв-

лялись выходцами из крепостных крестьян и дворовых людей, добившихся «вольности». Среди них, как показали ревизские сказки, встречаются бывшие крепостные «из киргизской и каракалпакской наций»⁷.

В делах городской думы мы находим прошения русских и нерусских крестьян, казаков, торгующих татар и даже «бухарцев» о причислении их в оренбургское мещанское общество. Прощения эти, как правило, удовлетворялись. По данным начала 40-х годов, 12 домов в городе принадлежало «азиатцам» и 5 немецким колонистам⁸. После подавления польского восстания 1830—1831 гг. образовалась колония ссыльных поляков.

Путешествие А. С. Пушкина в Оренбургский край проходило в трудное для города и края время. В 1829—1833 годах здесь распространилась эпидемия холеры. В Оренбурге от холеры умерло около тысячи человек, в губернии, по неполным данным, — более 12 тысяч⁹.

В дополнение к эпидемии край постигло другое бедствие — в 1831 и 1832 годах в губернии был неурожай. Хлеба почти совершенно не уродились, травы выгорели до того, что даже летом скот падал от бескормицы. В зиму 1832/33 гг. начался голод.

Особенно трудным оказалось положение крестьян-переселенцев из других губерний, приток которых в эти годы приобрел массовые масштабы. Лишь за 1830—1834 гг. в пределы губернии переселилось более 60 тысяч государственных крестьян¹⁰.

В 1833 году, как отмечалось в отчете гражданского губернатора, урожай также был «скудным». Отсюда — повышение цен на продовольствие. В Оренбурге удорожание продуктов питания ощущалось особенно остро. Из всей городской земли, насчитывавшей 16 тысяч десятин, пахотная составляла только 1800. Остальная часть была занята пастбищными, сенокосными угодьями и свободной, еще не освоенной землей¹¹.

Промышленность в Оренбурге находилась в зачаточном состоянии. В первой половине 30-х годов тут действовали один кожевенный, один мыловаренный, один свечной и несколько кирпичных заводов. За городом, вблизи Менового двора, находились деревянные сало-

топни. На всех этих небольших и немногочисленных предприятиях были заняты вольнонаемные рабочие. Не получили развития и ремесла. По признанию военного губернатора П. П. Сухтелена, в 1831 году «в двенадцати городах сей обширной губернии» почти не было «ни одного ремесленника для самых необходимых изделий»¹².

Главное экономическое значение Оренбурга в то время заключалось в ином, а именно в развитии торговли России с Казахстаном и Средней Азией.

Этой торговлей занимались наиболее крупные оренбургские купцы: Деев, годовой оборот которого достигал 160 тысяч рублей серебром, братья Путоловы (оборот до 130 тыс.), Дюков (до 85 тыс.), братья Кривцовы (до 86 тыс.). Общий же объем товарной продукции, проходившей через Оренбург за год, выражался в сумме более 3 миллионов рублей.

Из Средней Азии через Оренбург, Троицк и другие торговые центры края во внутренние районы страны поступали хлопок, пряжа, шелк, ковры, кашмирские шали. Некоторые из товаров (бязь, халаты, кушаки, сухофрукты) расходились по Оренбургской линии, Башкирии, горнозаводским районам. Из Казахстана в продажу поступал главным образом скот.

Ежегодно летом и осенью в город прибывало несколько караванов из Хивы и Бухары, в сотни верблюдов каждый. В 1833 году, например, в июне к городу прибыл караван в 496 верблюдов, затем караван в 700 верблюдов и, наконец, третий — в 250¹³.

Внутригородская торговля в Оренбурге сосредоточивалась на рынке, который находился на базарной площади, примыкавшей с западной стороны к Гостиному двору, и был окружен рядами каменных лавок. В северном ряду торговали посудой, стеклом, «колониальными товарами», в западном — железом, в южном — кожами. На рыночной площади в многочисленных деревянных лавках располагались мелочные торговцы, продавцы овощей, табака, менялы, ветошники и прочие. Башкиры и казахи торговали кошмами и кожами, разложив их прямо на земле¹⁴. По данным начала 1840-х годов, в городе насчитывалось 140 лавок.

Военно-политическое значение Оренбурга определялось прежде всего тем, что здесь находились главный правитель края — военный губернатор, он же командир

Отдельного Оренбургского корпуса, военная администрация, многочисленные военные учреждения и значительные контингенты регулярных и иррегулярных войск (в 1833-м — 5124 человека).

Для управления казахскими ордами (жузами), находившимися в российском подданстве, правительство имело в Оренбурге своеобразный филиал Министерства иностранных дел — Пограничную комиссию. Комиссия ведала дипломатическими сношениями с казахскими и среднеазиатскими ханствами, следила за происходившими в них событиями, осуществляла сбор и изучение материалов по истории, географии, экономике, этнографии.

Организацией торговли с Казахстаном и Средней Азией, а также сбором таможенных пошлин занимались Оренбургский таможенный округ и Оренбургская пограничная таможня.

Уездная администрация и уездные учреждения осуществляли управление обширным Оренбургским уездом, насчитывавшим, по данным 1833 года, 3850 тысяч десятин земли и до 50 тысяч человек населения, 12 крепостей, 15 редутов, один городок, 2 слободы, 5 сел, 7 селеч и 254 деревни¹⁵.

В органах городского управления все дела вершили представители купечества. Городским головой являлся купец 3-й гильдии Ф. П. Жилкин. Главные статьи дохода в бюджете города составляли сборы с купеческих капиталов. Более половины средств шло на содержание думы, магистрата и полиции и лишь незначительная часть — около 11 процентов — расходовалась на учебные заведения, здравоохранение и благоустройство.

Улицы города были пыльными и грязными. Лишь одну — Водяную (ныне М. Горького) — замостили и одну — Губернскую (ныне Советская) — осветили фонарями.

Ко времени приезда Пушкина, в Оренбурге уже существовал водопровод, по которому вода из Урала двумя конными насосными машинами подавалась в центр города, где на плацпарадной площади были устроены водоразборный бассейн и фонтан. Но водопровод действовал плохо, деревянные трубы часто лопались, и жители города обычно брали воду либо прямо из Урала, либо из колодцев (насчитывалось их три).

В городе существовали «больница» на четыре койки и «богадельня» на 25 человек. Военный госпиталь и казенная аптека предназначались только для обслуживания войск. На весь Оренбургский уезд были всего один гражданский врач и одна повивальная бабка. В других местах края с медицинским обслуживанием обстояло еще хуже.

Не находя средств на развитие здравоохранения, местные власти гораздо больше внимания уделяли прибыльному «питейному» делу. В начале сороковых годов в Оренбурге насчитывалось 7 трактиров, 1 «ресторация», 2 харчевни, 5 винных погребов, 11 питейных домов и 1 лавочка. Ежегодно в город завозилось до 86 тысяч ведер вина и спирта. Причем «потребление вина в Оренбурге вообще бывает почти без остатку»¹⁶.

С 20—30-х годов XIX века в городе начинает развиваться народное просвещение. Существовавшее еще с конца XVIII века (1797) Главное народное училище, в 1822 году было расширено и переименовано в Уездное. В 1832-м от него «отпочковалось» приходское училище, насчитывавшее 60 учащихся. Городская дума выделяла на содержание училищ мизерную сумму — немногим более 700 рублей в год. Да и то выплачивались деньги не регулярно. Так, в марте 1833 года, в ответ на прошение училища о выделении дополнительной суммы, дума постановила: «Уездному училищу дать знать, что денег, на сей предмет положенных, ныне налицо не имеется»¹⁷.

В 1825 году в Оренбурге было создано Неплюевское военное училище; в 1833 г. оно насчитывало 80 воспитанников, преимущественно из детей дворян и чиновников. Училище готовило офицеров для казачьих частей, а также гражданских чиновников. В нем было два отделения: европейское и восточное. На восточном обучались преимущественно дети казахской и башкирской знати. В 1832 году при Неплюевском училище было образовано девичье, на 50 учениц (30 — дочери военных и 20 — дети «всякого звания»). По свидетельству современника, уездное училище, а также, видимо, и Неплюевское, посетил А. С. Пушкин.

Оренбург, наряду с Уфой, являлся культурным центром края. В 1832 году здесь была предпринята попытка издания первой газеты — «Оренбургские периодические заметки». При Неплюевском училище организо-

вали типографию, имевшую и восточное отделение: тут печатались книги арабским шрифтом. В начале 30-х годов в городе был создан первый в крае музей.

Среди передовой общественности Оренбурга в те годы было немало людей образованных, прогрессивно настроенных. Развитию свободомыслия во многом способствовали ссылаемые сюда за «политические преступления»; одним из центров ссылки Оренбург стал еще в конце XVIII века. Пребывание Пушкина совпало со следствием о якобы существовавшем тут революционном заговоре польских ссыльных.

Край издавна привлекал исследователей. В Оренбурге побывали многие крупные ученые того времени: в 1828 и 1834 годах — геолог Гельмерсен, в 1829 году — великий немецкий ученый Гумбольдт, в 1832-м — доктор астрономии Федоров, в 1832—1834 годах — профессор-натуралист Лессинг. Да и путешествие А. С. Пушкина преследовало, как известно, научные цели.

Немало энтузиастов-исследователей было и среди оренбургских чиновников, служивших при военных губернаторах, в пограничных и других учреждениях. Среди них следует назвать таких, как Г. Ф. Генс, многие годы (1825—1844) являвшийся председателем Пограничной комиссии и собравший обширный материал по истории и географии края, известный востоковед и дипломат Ян Виткевич, Э. А. Эверсманн, И. Ф. Бларамберг, Н. В. и Я. В. Ханьковы, В. В. Вельяминов-Зернов, В. В. Григорьев, А. А. Бобровников и другие. Они внесли большой вклад в изучение народов Башкирии, Казахстана и Средней Азии.

* * *

Такова краткая справка об Оренбурге той поры. Поры, когда побывал в нем великий сын и поэт земли русской.

Яицкий городок, переименованный **А. БЕЛЫЙ** после казни Емельяна Пугачева в Уральск, был колыбелью Крестьянской войны 1773—1775 годов. Тут собирались первые силы повстанцев, здесь Пугачев объявил себя Петром III, городок на Яике явился первой крепостью, осажденной пугачевцами.

●
**„ТРИ ДНИ“
В УРАЛЬСКЕ**

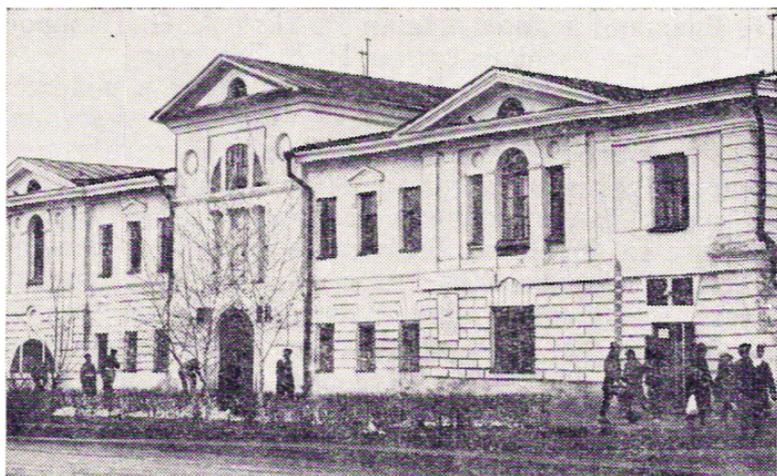
Само собой разумеется, Уральск привлекал к себе Пушкина.

Но решение посетить его было принято, по нашему мнению, не сразу. Утвердилось оно в поэте уже в ходе самого путешествия.

В Уральске Пушкин пробыл недолго: 21 сентября 1833 года после полудня приехал, а 23-го к вечеру уехал.

Сам он писал: «...тамошний атаман и казаки приняли меня славно, дали два обеда... наперерыв давали мне все известия, в которых имел нужду».

Обеды того времени, да еще званные, да к тому же в честь именитого столичного гостя, длились обычно долго. По словам поэта, его угощали икрой, при нем же изготовленной. Свежая икра готовится, как прави-

Дом наказных атаманов, в котором А. С. Пушкин останавливался 21—23 сентября 1833 года. Дом охраняется государством. В нем недавно открыт литературный музей

ло, на реке, из тут же пойманной рыбы. Значит, Пушкин побывал на Урале, около учуга, где угощали икрой почетных гостей. Учуг стоял в «куреньях» — старой части города; там и происходили интересовавшие его события.

Кто же те «атаман» и «казаки», которые «славно» приняли? Горожане, снабдившие поэта наиболее интересными и достоверными сведениями?

Атаманом Уральского казачьего войска был в то время Василий Осипович Покотилев (Покотилев). По окончании кадетского корпуса он служил в артиллерии. С 1821 года Покотилев пребывал на командных должностях в Оренбурге. С августа 1830 года он «временно» (до декабря 1833-го) исполнял обязанности наказного атамана, после чего стал им официально. В этой должности генерал-майор В. О. Покотилев и умер в конце 1838 года; похоронен он в Уральске¹. Покотилев был человеком образованным, хлебосольным хозяином. Это он явился организатором в Уральске первого духового оркестра; к созданию его был прямо причастен известный композитор А. А. Алябьев. Один из авторских экземпляров своей «Истории Пугачева» Пушкин прислал в подарок В. О. Покотилеву.

На обедах в честь почетного гостя могли присутствовать наиболее значительные лица войска: полковник

Ф. Г. Бизянов, подполковники П. П. и А. П. Назаровы, есаул Ширван Узбеков, сотник Н. А. Донсков.

Федот Григорьевич Бизянов занимал в войсковой канцелярии должность советника. Он был участником похода русских войск в Швейцарию в составе корпуса Римского-Корсакова и сражения под Цюрихом в 1798—1800 годах. В заграничном походе Русской армии в 1814 году во Францию Бизянов командовал полком и удостоился орденов. Круг интересов его был широким. Об этом, в частности, говорит тот факт, что он — единственный в городе! — подписался на первое посмертное издание сочинений А. С. Пушкина 1837—1838 годов². Один из предков Бизянова — Петр — был дружкой на свадьбе Пугачева с Устиньей Кузнецовой в Уральске. Так что полковник мог поведать гостю интересное и из пугачевского времени. Не случайно он упоминается Пушкиным в его Дорожной записной книжке³.

Петр Петрович Назаров также исполнял должность советника. Он являлся участником Отечественной войны 1812 года, заграничных походов русской армии, брал Париж в 1814-м.

Анатолий Петрович Назаров, родной брат его, участвовал в экспедициях в глубь степей и к Аральскому морю, командовал полком, а в 1833 году исполнял должность полицмейстера в Уральске.

Есаул Ширван Узбеков был и экзекутором, и почтмейстером. Он знал «российскую и татарскую» грамоту, преуспел в науках «истории, географии и арифметике».

Сотник Никита Акимович Донсков служил чиновником по особым поручениям и принадлежал к ближайшему окружению наказного атамана.

Встречался Пушкин в Уральске со многими, но особенно привлекали его сторожилы. Таким был М. Д. Пьянов; во время встречи с поэтом ему шел 95-й год⁴. Тем не менее память Миханла Денисовича была свежа, и он охотно рассказывал о Пугачеве — «государе Петре III»⁵.

Возможно, что Пушкина познакомили также с другими стариками, помнившими Пугачева и его время. Ими могли быть Жигулин Андриан Егорович (90 лет), Синельников Григорий Васильевич (76 лет), Кучкин Григорий Яковлевич (80 лет), Кузнецов Иван Иванович (86 лет), Мизинов Петр Андреевич (92 года). Овчинников Иван Лукьянович (88 лет), Солодовников Степан

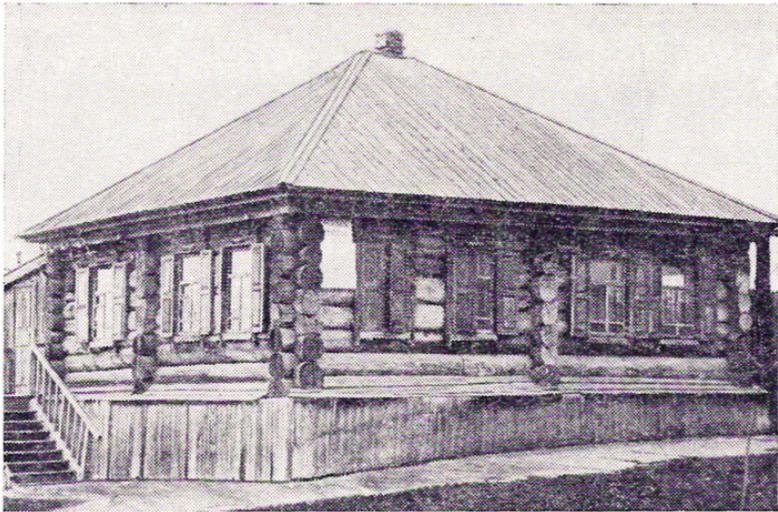

Петропавловская церковь, где венчался 1-го февраля 1774 года Емельян Пугачев с Устишей Кузнецовой. А. С. Пушкин мог осмотреть лишь обгоревшие стены церкви, т. к. в 1833 году после пожара 1821 года, здание восстановлено не было (фото 70—80-х годов XIX века)

Сергеевич (88 лет), Овчинников Яков Афанасьевич (80 лет) и другие⁶.

Еще об одном собеседнике Пушкина в Уральске часто упоминают местные экскурсоводы — священнике Михайло-Архангельского собора В. И. Червякове; о нем говорят, как о свидетеле событий 1773—1774 годов в Яицком городке.

Документы, однако, убеждают, что в то время священника с такой фамилией здесь не было⁷. Наверное, появился он в городке позднее. В 1833 году в Петропавловской церкви (а не в Михайло-Архангельском соборе) священник В. И. Червяков служил. Возможно, что

Дом семейства Кузнецовых в Уральске. По преданию здесь состоялось сватовство «набеглого царя» к молодой казачке. А. С. Пушкин мог осматривать этот дом во время своего посещения города в 1833 году. Дом реставрирован, охраняется государством. В доме сейчас располагается библиотека и пугачевский мемориал

Пушкин с ним, 88-летним старцем, встречался, и тот рассказывал ему сохранившиеся в памяти воспоминания — свои или услышанные.

Между прочим, в здании бывшего Михайло-Архангельского собора (ныне здесь филиал областного музея) есть подобие гробницы, в которой, якобы, захоронен священник, отказавший венчать Пугачева с Устиньей Кузнецовой. Это явная фантазия. Из допроса пугачевского атамана в Яицком городке М. П. Толкачева явствует, что при венчании Пугачева с Кузнецовой «...в церкви у Петра и Павла, поп при том был — Сергей (Михайлов), который и ныне на Яике»⁸.

Становится очевидным, что Пушкин не ограничивался сведениями, полученными от чиновников Уральского войска. Поэт встречался с казаками — участниками или свидетелями пугачевского движения, с жителями Уральского, память которых хранила многое. От них, например, исходил рассказ, составивший основу записи в Дорожной книжке Пушкина, — той, где упомянут Плотников.

Василий Якимович Плотников — отставной яицкий

казак. К началу восстания Пугачева ему было уже 39 лет. Он вместе с И. Почиталиным и Т. Мясниковым приехал 16 сентября 1773 года к Пугачеву в Усихину росошь. Вечером того же дня Пугачев и его соратники, узнав о посланной за ними карательной команде, уехали на Толкачевы хутора.

Плотников остался, ибо у него не было лошади, чтобы уехать. 17 сентября его схватили каратели и доставили в Яицкий городок, где пленник находился под караулом до весны 1774 года. В мае того года Плотникова доставили в Оренбург, а в ноябре 1774 года — в Москву, на процесс Пугачева. По определению Сената от 10 января 1775 года В. Я. Плотников был бит кнутом, ему вырвали ноздри, клеймили и сослали на каторгу в Рогервик (ныне Палдиски, Эстонской ССР); но по пути туда он умер.

Итак, Плотников встречался с Пугачевым всего один раз. Вполне очевидно, что Пугачев не мог быть у него в работниках — тем более, что, по документам, Плотников относился к казакам несостоятельным. Возможно, что Пугачев останавливался у Плотникова **под видом работника**. Но документального подтверждения этой версии нет. Кто сообщил Пушкину то, что было взято им на заметку, неизвестно.

В архиве Уральского казачьего войска Пушкин не работал. Для этого у него не оказалось времени. Да и изучил он архивные материалы, в том числе относящиеся к Уральску, достаточно хорошо уже в столицах. К тому же, надо полагать, атаман и другие войсковые чины знали о царившем в их архиве беспорядке и не проявили рвения к тому, чтобы в этом убедился их гость. Чего доброго, доложит высшим властям и тогда бед не обернется...

Но поездка дала многое. В «Истории Пугачева» из восьми ее глав в пяти (1, 2, 3, 5 и 8) описаны события, происходившие в Яицком городке и его окрестностях; прибавьте сюда еще и строки «Приложения». Пушкинские описания городка и его округа подробные, точные до деталей. Это описания художника и ученого одновременно.

Академик Л. В. Черепнин отмечал, что характерной особенностью источниковедческих приемов А. С. Пушкина было сочетание данных письменных памятников с

Михайло-Архангельский собор, сооруженный в середине XVIII века (без колокольни) — свидетель восстания Пугачева. Поэт осматривал этот собор в «курнях» скорее всего 22 сентября (5 октября) 1833 года. (Фото 70—80-х годов XIX века)

материалами личных наблюдений в тех местах, где происходили события, опросом их очевидцев и пр⁹.

Назовем места Уральска, которые он мог видеть и посетить в те «три дни».

Остановился Пушкин в доме наказного атамана В. О. Покотилова, где и жил все дни¹⁰.

Поэт, несомненно, осматривал старую часть города — «курени», где происходили основные события, связанные с Пугачевым в Уральске¹¹.

В «курнях» Пушкин мог видеть остатки «кремля», его валов. Здесь же возвышалось здание Михайло-Ар-

хангельского собора. Осмотрел он, вероятно, и площадь перед собором, где некогда собирался казачий круг, упраздненный властями¹².

Подъезжая к старой части города, Пушкин, конечно, обратил внимание на обгоревшие стены церкви Петра и Павла, в которой венчался Пугачев с Устиньей Кузнецовой.

Представляли для него интерес дома У. Кузнецовой¹³, М. Толкачева, С. Тамбовцева, А. Бородина, ветхие остатки здания войсковой канцелярии¹⁴.

Все они довольно точно описаны А. С. Пушкиным в «Истории Пугачева».

...Дни пролетели быстро. Впечатлений было много, путешествие оказалось интересным и полезным. «Сплю и вижу приехать в Болдино...» Приехать для работы! «Прости — оставляю тебя для Пугачева» — это тоже жене, но уже из Болдино, куда прибыл 1 октября 1833 года.

Пушкина ждала будущая книга о Крестьянской войне, потрясшей всю империю.

Под утро жителей Уфы разбудила пушечная канонада, доносившаяся с юго-запада, из-за реки Белой. В той стороне, в селе Чесноковке и окрестных деревнях, стояли лагерем отряды пугачевского атамана Ивана Никифоровича Зарубина-Чики. Вот уже четыре месяца, с конца ноября 1773 года, они держали Уфу в блокаде¹, дважды бросались на штурм города, надеясь на поддержку их атак со стороны уфимской бедноты. Гарнизон Уфы, с трудом отбив оба отчаянных штурма, пассивно выжидал прибытия регулярных войск, которые, по слухам, еще в начале января 1774 года выступили из Казани для деблокады Уфы, Оренбурга, Кунгура и Екатеринбурга, осажденных повстанческими отрядами. Что же означала пушечная пальба из десятков орудий, начавшаяся в третьем часу ночи 24 марта 1774 года над Уфой: новый ли штурм города отрядами атамана Зарубина,— или, может быть, бой, развернувшийся между повстанцами и прибывшими на помощь Уфе карательными войсками? В про-

Р. ОВЧИННИКОВ
●
**ПУШКИНСКАЯ
КАРТА
ОКРЕСТНОСТЕЙ
УФЫ**

мозглую мартовскую ночь из Уфы выступает конная и лыжная разведка, ориентируясь на орудийные вспышки у Чесноковки и у деревень вдоль Казанского тракта. Через пару часов разведчики возвращаются в город и приносят весть о том, что отряды Зарубина вступили в бой против корпуса карательных войск, возглавляемых подполковником И. И. Михельсоном².

В битве, развернувшейся 24 марта 1774 года у деревень Третьяковой, Зубовки и села Чесноковки, десяти-тысячное войско Зарубина в течение четырех часов упорно отбивало атаки регулярных армейских команд, но, наконец, не выдержав натиска, дрогнуло, побросало пушки, было рассеяно на мелкие группы и начало поспешное отступление. Сам Зарубин с небольшим отрядом бросился по Оренбургской дороге к Табынску, башкирская конница скрылась в окрестные леса. На поле битвы пало до пятисот повстанцев, 560 человек попали в плен к Михельсону, он захватил в числе трофеев 25 пушек, много боеприпасов, ручного огнестрельного и холодного оружия, большие запасы продовольствия, несколько десятков бочек с деньгами в медных монетах. В ночь на 25 марта предательски схвачены были под Табынском атаман Зарубин и верные его сподвижники, которых на другой день выдали подоспевшей туда карательной команде.

Битва 24 марта 1774 года впервые была изображена в отечественной литературе Пушкиным. В «Истории Пугачевского бунта» (СПб., 1834) он подробно воссоздал важнейшие события битвы, отметив ожесточенное сопротивление повстанцев: «Бунтовщики дрались храбро» (IX, 50). Рассказ Пушкина о битве под Уфой документально достоверен и точен, он целиком построен на использовании рапорта подполковника Михельсона, составленного 24 марта 1774 года под свежим впечатлением только что закончившегося сражения. Рапорт этот Пушкин обнаружил среди документов Секретной экспедиции Военной коллегии в архиве Военного министерства³, в «архивных тетрадах» Пушкина, хранящихся ныне в отделе рукописей Пушкинского дома в Ленинграде, находится собственноручно сделанный им подробнейший конспект рапорта Михельсона⁴. Конспекту рапорта предшествует выполненная рукой Пушкина карта, на которой изображены окрестности Уфы. Это одна из не-

многих карт в обширном графическом наследии Пушкина-рисовальщика. На карте обозначены города Уфа и Табынск, реки Белая и Уфа, Казанская дорога, а также селения, вблизи которых развернулись главные события сражения 24 марта 1774 года: село Чесноковка, деревни Арова, Жукова, Третьякова, Зубовка⁵. Карта позволила Пушкину уточнить расположение географических пунктов в окрестностях Уфы, яснее представить ход битвы в ее пространстве и в динамике событий.

Какие же пособия использовал Пушкин при составлении карты? Хорошо известно, что во время его путешествия осенью 1833 года на Урал ему не удалось побывать в Уфе. Значит первоисточник пушкинской карты окрестностей Уфы следует искать в картографических изданиях начала XIX века. А может быть, в библиотеке самого Пушкина сохранились карты и атласы того времени?

Библиотека Пушкина находится ныне в Пушкинском доме. Еще в 1910 году выдающийся пушкинист Б. Л. Модзалевский составил каталог с подробным описанием книг библиотеки Пушкина⁶. В каталоге учтено 3560 томов — 1522 названия, из которых 529 на русском языке и 933 на четырнадцати иностранных языках. По разделу географии в каталоге значится 42 книги, но среди них нет картографических изданий с подробными картами юго-востока России. Казалось, что нить поиска по библиотеке Пушкина прервалась и нужно было идти по другому пути.

Однако выяснилось, что в нынешнем составе библиотеки Пушкина сохранились далеко не все те книги, которые находились в рабочем кабинете поэта-историка в доме на набережной Мойки, 12, в 1837 году. После гибели Пушкина была учреждена правительством опека по делам и имуществу покойного поэта, которая и поручила Н. Тарасенко-Отрешкову, Ф. Менцову и барону Вельберху составить опись книг библиотеки Пушкина. Эта работа была выполнена ими в 1837 году. Уже в советское время, в конце 1920-х годов, эту опись купил на книжном развале в Ленинграде литературовед и историк П. Е. Щеголев⁷. В этой описи наше внимание привлекли два атласа. Первый из них значился в описи под названием «Атлас Российский, состоящий из 19 специальных карт. СПб., 1745», второй — «Подробная карта Россий-

ской империи. Фон Сухтелен П.К. и Опперман К. И.» Как установил известный пушкинист Л. Б. Модзалевский, составивший подробное библиографическое описание дополнительного состава книг библиотеки Пушкина по описи опеки 1837 года⁸, первый из этих атласов носит следующее полное название: «Атлас Российский, состоящий из 19 специальных карт, представляющих Всероссийскую империю с пограничными землями, составленный по правилам географическим и новейшим наблюдениям, с приложенной при том генеральной картою великия сия империи, старанием и трудами Императорской Академии наук. В Санкт-Петербурге. 1745». Это один из первых географических атласов России. Но в нем не оказалось карты, идентичной пушкинской зарисовке. Второй атлас из библиотеки Пушкина, как выяснил Л. Б. Модзалевский, носит название: «Подробная карта Российской империи и близлежащих заграничных владений. Сочинена, гравирована и печатана при собственном его императорского величества Депо карт. Его императорскому величеству государю императору Александру Павловичу подносят генерал-квартирмейстер фон Сухтелен, генерал-майор Опперман» (СПб., 1816). В атласе 114 листов карт большого формата, охватывающих всю территорию Европейской и Азиатской России⁹.

Один из экземпляров атласа Сухтелена и Оппермана сохранился в Государственной публичной исторической библиотеке в Москве. Открываем массивную крышку переплета, обтянутую кожей, тисненной золотом надписей и орнамента. На 77 листе подробная карта Уфимской губернии со смежными землями. На карте обозначены почти все те объекты, которые указаны и на пушкинской карте окрестностей Уфы (в отличие от пушкинской карты в карту 1816 года не внесены лишь три деревни: Арова, Третьякова и Зубовка). Значит карта 1816 года из атласа Сухтелена и Оппермана и являлась тем первоисточником, на который опирался Пушкин, составляя свою карту в 1833 году. В этом нас убеждает и полное сходство в употреблении условных обозначений городов и селений на обеих картах: на карте Пушкина как и на карте 1816 года крупные города (Уфа) обозначены схематическим рисунком соборной церкви с двумя приделами, небольшие города (Табьинск) — рисунком церкви с одним приделом, села

(Чесноковка) — кружком, увенчанным одним крестом, а деревни — простыми кружками.

Сохранившаяся в рукописном наследии Пушкина карта окрестностей Уфы графически воскрешает арену одного из драматических событий Крестьянской войны. Карта восполняет ту картину битвы 24 марта 1774 года, которая с большой художественной выразительностью изображена Пушкиным на страницах «Истории Пугачева».

Если вам приходилось ездить по старому правобережному тракту от Оренбурга вниз по Уралу, то прежде чем читать дальше, посмотрите на рисунок и фотографию: где вы такой пейзаж видели?

В. САВЕЛЬЗОН

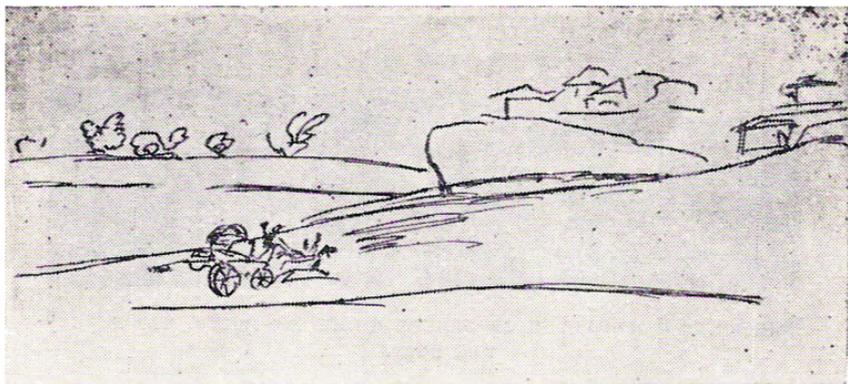
●
**РУКОЮ
ПУШКИНА**

Да, это Нижнеозерное. Вот характерный обрыв к Уралу, вот место, которое и сейчас зовется в этом селе «гора», вот ложбинка между «горой» и остальным селом, пологий подъем дороги к северо-восточной окраине, низкий лесистый левый берег реки.

Пушкин проезжал здесь осенью 1833 года. В Нижнеозерном он беседовал со стариками, помнившими «Пугача», делал записи в путевой тетради, рисовал.

Да, и рисовал. Известно несколько рисунков из своеобразного пушкинского путевого изорепортажа. Они вошли в книгу А. Эфроса «Рисунки поэта»; изданная в 1933-м, она давно стала библиографической редкостью.

Рисунок, который вы видите, А. М. Эфрос осторожно относит к «волжской группе» — наряду с пейза-

Дорожный рисунок А. С. Пушкина, предполагается, что он сделан во время путешествия в Оренбург

жами, изображающими холмы у реки и церквушку с деревом. «Связь с путешествием Пушкина,— пишет он,— засвидетельствована совершенно виртуозным наброском дорожного экипажа, запряженного тройкой мчащихся лошадей». И предполагает: «мы имеем дело... с путешествием в Оренбург».

Но не слишком ли — требовать от дорожных рисунков Пушкина полной географической достоверности?

Автора книги «особенно привлекала задача распознавания, кто те, которые послужили прототипами профилям, головам, фигурам, усеявшим страницы пушкинских тетрадей». Почему не включены сюда пейзажи?

В последние годы появилось немало подтверждений тому, что рисунки Пушкина зачастую точны как документ. Заместитель директора Всесоюзного музея А. С. Пушкина в Ленинграде А. Минина рассказывала мне, что кронверк Петропавловской крепости и крыльцо Лицея были заново построены по мимолетным рисункам Пушкина. Чертежи обнаружались позже. Сравнили — и ахнули: так точно сумел великий поэт воспроизвести очертания, масштабы, пропорции.

Давайте снова рассмотрим рисунок, но в несколько неожиданной плоскости. Ведь это же готовая авторская иллюстрация к «Капитанской дочке»!

Помните, как Петруша Гринев подъезжает к Белогорской крепости на обрывистом берегу Урала, с комендантским домом на самом высоком месте? Только здесь

Нынешняя фотография, сделанная с того же места, что и рисунок поэта

не возок, а бричка, и на облучке не ямщик, а две фигуры — видимо, кучер и слуга.

Значит, можно, наверно, поставить этот рисунок в ряд с пушкинскими авторскими иллюстрациями к «Гробовщику», «Домику в Коломне», «Сказке о попе и его работнике Балде».

На чем основана эта параллель: Нижнеозерное — и пушкинская Белогорская крепость?

Вы уже прочли статью оренбургского историка С. А. Попова и его точку зрения знаете. Автор этих заметок думает, прежде всего, о Нижнеозерном. Одно из подтверждений — рисунок, который, на наш взгляд, графически подчеркивает характерные черты Белогорской крепости, описанные Пушкиным.

Можно предположить, что рисунок Пушкин сделал тут же, в Нижнеозерном, когда все было перед глазами. Впрочем, зрительная память была у Пушкина прекрасная, и поразивший его вид он мог несколькими штрихами воспроизвести позже.

* * *

Со времени путешествия поэта изменилось многое. Тем более заманчиво «привязать» этот пушкинский рисунок к определенной точке на современной карте Оренбуржья.

Сопоставим рисунок с нынешней фотографией, сделанной с того же места.

Обратим внимание на возвышение у обрыва. В пугачевские времена там стояла крепость, при Пушкине —

видите, — тоже толпились строения, но они уже пошли и вправо, к низине, к степи. А сейчас на этом месте пусто.

Местные жители называют его «Буркиной горой» — по ныне исчезнувшей в селе фамилии Буркиных, дом которых стоял на самом краю крутояра. Старожилы села Владимир Иванович Настеров и Виктор Алексеевич Кожевников считают, что люди ушли с Буркиной горы из-за плохой каменистой почвы, из-за того, что зимой на гору грузы возить нелегко, а скот отсюда гонять через разросшееся село было далеко. Терпели, пока была угроза набегов и безопасность приходилось ставить выше удобств, когда же надобность в крепости отпала, люди стали селиться на ровное место. Правда, сейчас село растет, и опять наступают улицы на «Буркину гору».

* * *

Бесконечно дорого нам все, что касается Пушкина. И если удалось мне убедить читателя в том, что аргументы автора — совпадение не случайное, можно будет считать, что еще один рисунок великого поэта приобрел адрес: Оренбургская область, Илекский район, село Нижнеозерное.

Счастлив тот, кто обладает чувством незримой, но нерасторжимой связи со славными страницами прошлого, чувством неразрывности времен. Именно это особенно волновало нас, челябинцев, участников фольклорной экспедиции по Оренбургской области, когда маршрут совпадал с пушкинским. Читая страницы «Истории Пугачева», то и дело встречаешь знакомые названия: Челябин, Оренбург... Троицкая, Магнитная, Уйская, Степная... Симский, Белорецкий заводы... И вдруг с какой-то ревностью обнаруживаешь: во всех изданиях сочинений Пушкина, в том числе академических, дается искаженное название Чебаркульской крепости — теперешнего города Чебаркуля, Челябинской области. Дважды в шестой главе мы читаем: «Чербакульская». Или название было исковеркано в архивном документе, которым пользовался Пушкин; или это промах текстологической работы; или все началось когда-то при первом печатании, а потом стало кочевать из издания в издание...

В. МИХНЮКЕВИЧ

●
**„ПУШКИН
СЛУШАЛ
ВСЕ ЭТО
С БОЛЬШИМ
ЖАРОМ...“**

...Однако цель настоящих заметок — не в уточнении топонимики. Нас вела по пушкинскому маршруту другая цель: запись фольклора, в том числе пугачевского, которым поэт интересовался особо. Какую картину бытования пугачевского фольклора на Южном Урале застал Пушкин в 30-х годах прошлого века? Как использовал свои фольклорные материалы? Наконец, как пугачевский фольклор изменился?

Въехав в пределы Оренбуржья, Пушкин по-особому обостренно воспринял рассказы о Крестьянской войне. Недаром Владимир Иванович Даль подчеркивает: «Пушкин слушал все это с большим жаром...»

Такой энтузиазм собирателя, казалось бы, противоречит тому, что в дорожных записных книжках Пушкина сравнительно немного фольклорных записей: не более полутора десятка кратко зафиксированных преданий и легенд. (Мы не считаем тут заметки о прослушанных поэтом устных рассказах, представлявшие собой, видимо, простую хронику событий, безотносительно к фольклору.) Записана всего одна песня, и та антипугачевская.

Чем объяснить малочисленность записей? Конечно, и тем, что повествования на пугачевскую тему первому встречному не рассказывались; в народе помнили, что еще совсем недавно было опасно произносить само имя Пугачева. И Пушкин сразу же отметил эту черту: «Доныне престарелые свидетели тогдашнего смятения неохотно отвечают на вопросы любопытных». С другой стороны, существуют многочисленные свидетельства современников, из которых явствует, что Пушкину удалось прослушать значительно больше повествований и песен на интересующую его тему, нежели в записных книжках отложилось. Так, В. И. Даль рассказывает о встрече Пушкина с 75-летней казачкой Бунтовой; в текстах «Истории Пугачева» и «Капитанской дочери» обнаруживаются пересказы (или даже цитация) преданий, которым нет аналогий в записных книжках Пушкина (таков, например, интереснейший диалог Пугачева со старым казаком во время осады Нижнеозерной. «Он ехал впереди своего войска. «Берегись, государь,— сказал ему старый казак,— неравно из пушки убьют». — «Старый ты человек,— отвечал самозванец,— разве пушки льются на царей?»).

Не исключено, что Пушкин многие социально заостренные предания, легенды, песни не записывал, а сохранял в памяти. В то же время можно предположить, что записи существовали, но хранились с особой тщательностью. В этом случае они либо утрачены навсегда, либо разделили судьбу X главы «Евгения Онегина», почти полностью уничтоженной автором, либо еще не обнаружены.

Во всяком случае очевидно, что Пушкин был удачливым и умелым собирателем-фольклористом. И это несмотря на его «странную», на взгляд беседовавших с ним простых людей, внешность.

Очень важна пушкинская запись, пересказывающая воспоминания Ивана Андреевича Крылова, отец которого — капитан Андрей Прохорович Крылов — руководил защитой от пугачевцев Яицкого городка (теперешнего Уральска), в то время как будущий баснописец находился с матерью в Оренбурге. Крылов рассказал Пушкину, что после подавления восстания в Яицком городке «завелась игра в пугачевщину»: «Дети разделились на две стороны, городовую и бунтовскую, и драки были значительные».

Крылов, как сын капитана, был предводителем «городовой» стороны. Детвора выдумала: разменивая пленных, лишняя сечь, отчего произошло «такое остервенение, что принуждены были игру запретить».

Пушкинская запись ценна тем, что, пожалуй, впервые регистрирует факт: предания о Пугачеве и событиях Крестьянской войны воплощались в игровых ситуациях.

Уже не раз писалось об использовании Пушкиным фольклора в произведениях разных жанров. И все же хочется поделиться некоторыми своими наблюдениями.

Мастерски передает Пушкин во второй главе «Капитанской дочки» разговор «вожатого» (Пугачева) с хозяином постоялого двора, широко пользуясь при этом образцами народной эзоповской речи, пересыпанной пословицами, присловьями и загадками:

«...Хозяин вынул из ставца штоф и стакан, подошел к нему и, взглянув ему в лицо:

— Эхе,— сказал он,— опять ты в нашем краю! Отколе бог принес? — Вожатый мой мигнул значительно и отвечал поговоркой:

— В огород летал, конопля клевал; швырнула бабушка камушком — да мимо. Ну, а что наши?

— Да что наши! — отвечал хозяин, продолжая иносказательный разговор. — Стали было к вечеру звонить, да попадья не велит: поп в гостях, черти на погосте.

— Молчи, дядя, — возразил мой бродяга, — будет дождик, будут и грибки; а будут грибки, будет и кузов. А теперь (тут он мигнул опять) заткни топор за спину: лесничий ходит...»

Уже из этого отрывка явствует, что писатель был знатоком народных и профессиональных аргов, с помощью которых народные массы конспирировали свои чаяния и цели.

Пушкинское художественное чутье проявляется и в том, что наиболее выразительные, «ударные» в художественном отношении предания он приводит в своей «Истории» дословно. Пушкин не всегда ограничивался пересказом услышанных преданий. То, что поражало его необычностью сюжетной ситуации или меткостью, образностью словесного выражения, он записывал дословно. Это, в частности, краткое повествование глубокого трагического содержания о казачке Разиной. Интонации и поэтические формулы народного плача слышатся здесь отчетливо.

Нельзя пройти мимо такого явления: пушкинские мотивы проникают в фольклор. Еще в 30-е годы на Южном Урале была записана сказка-притча об Орле и Вороне; она явно ведет свое происхождение от «Капитанской дочки».

Мы можем засвидетельствовать, что в Переволоцке и Татищеве современные люди единодушно и с горячей верой утверждали, что знают место, где состоялась дуэль Гринева и Швабрина (у Пушкина она описана в конце четвертой главы). А в Татищеве даже показывали «это место».

Таким образом, Пушкин, делая фольклорные записи в Оренбургском крае и используя их в своих произведениях, оставил неоценимые свидетельства об особенностях бытования пугачевского фольклора, главным образом прозаического, в 30-е годы прошлого века. Уясняя принципы использования им этого фольклорного материала, мы глубже проникаем в творческую лабораторию Пушкина — исследователя и исторического романиста.

В БАШКИРСКОЙ СТЕПИ

Уходит вдаль воспоминаний цепь,
 И наполняет сердце человека
 Башкирская нетронутая степь
 С дорогою длиною в два долгих века.
 И грустный Пушкин едет в Оренбург.
 День короток в его дороге дальней,
 И колокольчик захлебнулся вдруг,
 Повиснув под дугой луны печальной.
 Слилась со степью пепельная высь,
 И так поля спокойны после бунта.
 Какой восторг и ужас пронеслись
 Среди этой мглы совсем недавно будто!
 Каких коснулось царственных дворцов
 Дыханье грозовой степи, как пламя!
 А мало ль непокорных удальцов
 С отрезанными были языками?
 Молчит поэт, летит кибитка вскачь,
 Стучат колеса новенькие глухо.
 Башкирские мелодии, как плач,
 Мерещатся внимательному слуху.
 Порой мелькнет улыбка среди полей
 Красавицы башкирки чернобровой.
 А то в шубейке заячьей своей
 Сам Пугачев появится суровый.
 Вот падает с подкошенным конем
 Джигит, смертельной мукою объятый.
 Играя ослепительным огнем,
 Юлаи скачут в бой и Салаваты,
 И я из глубины минувших лет
 Восторженно бегу за ними следом
 В степи башкирской, может быть, поэт
 С моим далеким повстречался дедом.
 Батыры нестареющей земли!
 Сердца их в нас живут на самом деле.
 Недаром в цепенеющей дали
 Их песни сердце Пушкина задели.
 Подобно звонкой радости гонцу,
 Он в нашу степь несет слова привета.
 И ныне в гости к первому певцу
 Мы ходим каждый день дорогой этой.
 Сверкает снег, волнуется толпа,
 И вдохновенье озаряет лица.
 Вовек не зарастет, не запылится
 Та светлая великая тропа.

В 1918 году Пермский университет приобрел огромное собрание книг академика А. Н. Веселовского. В сохранившихся инвентарных списках университетской библиотеки по счету Веселовского значится 3975 томов неперIODических и 792 тома периодических изданий. В дальнейшем университетская библиотека была передана новому вузу города — пединституту. Среди изданий с пометкой «акад. Веселовский» перешли туда и две тетради, исписанные стремительным «старинным» почерком. Они лежали десятилетиями, как и положено рукописям — храня молчание, пока их не обнаружил библиограф институтской библиотеки В. Мерлин.

Тетради невелики. Одна сшита из девятнадцати листов плотной белой бумаги, вторая — из пяти.

В большой тетради на первом листе помещено оглавление: басни Дениса Давыдова и неизвестные эпиграммы генерала Ермолова, стихи князя Вяземского и Милонова, сатиры неизвестных авторов. И наконец: Алек-

И. МАЛЫШЕВА

●
**ТЕТРАДИ
ТОЙ ПОРЫ
ДАЛЕКОЙ**

сандр Пушкин — ода «Вольность», «Послание к цензору». Когда начинаешь вчитываться в тексты, становится ясно, что тетрадь составлялась кем-то для себя, а не писцом по заказу. Владелец неоднократно возвращался к текстам, делая в них своей рукой поправки, вставки, уточнения. Стало быть, у него были для этого основания — знакомство с другими списками, более близкими к автографам. В частности, многие поправки в списках стихотворений Пушкина приближают их к наиболее авторитетным копиям.

В меньшей тетради другой рукой переписан «Императрице Елизавете Петровне всеподданнейший доклад Светлейшего Правительствующего синода о Ломоносове марта 6 дня 1757 года» с приложением ломоносовского «Гимна бороде», который вызвал возмущение авторов доклада. А на последнем листе снова Пушкин — стихотворение «Деревня» с полным именем автора и датой написания — 1819 год.

Можно с уверенностью утверждать, что тетради составлены в первой четверти прошлого века современником Пушкина. Об этом свидетельствуют почерк, бумага, а главное — состав записей, содержание произведений и время их создания. Это обстоятельство делает тетрадь интереснейшим документом, характеризующим особенности литературной жизни первых двух десятилетий прошлого века, накаленной политической атмосферы лет, предшествовавших восстанию декабристов. Объектом резких нападков в собранных здесь произведениях являются такие реакционные деятели, как Аракчеев, Ростопчин, Чичагов, И. Пестель, Голицын, Красовский, всевозможные консерваторы от литературы. А произведения с обобщающим «адресатом» (басни Давыдова, «Вольность» и «Деревня» Пушкина) резко критикуют те общественные институты, которые защищались реакционерами: самодержавную тиранию и крепостное право.

В тетрадях неоднократно встречаются антирелигиозные, антицерковные мотивы. Видимо, не случайно вторая из них начинается с «Гимна бороде» и комической, с точки зрения вольнодумцев, жалобы высокопоставленных попов на его автора. Кстати, исследователи вольной русской поэзии нового времени ведут ее начало именно от ломоносовского «Гимна бороде».

Составной частью борьбы с реакцией стала в 10—20-е годы борьба с «кнутобойной» цензурой. И в рукописных сборниках тоже отчетливо выражена ненависть передового общества к оскорбительной опеке цензуры. В тетради, например, переписана «Быль, которая сбудется» («Цензор») Вяземского — сатира на Красовского, который прославился как самый тупой, беспощадный и ханжеский цензор 20-х годов.

В рукописи есть существенные разночтения с печатным текстом сатиры. Причем в большинстве своем те же, что и в дошедшем до нас письме Вяземского, в котором приведен самый полный ее текст. Судьба сатиры, история ее напечатания интересны сами по себе, однако в данном случае волнует отношение к ней неизвестного хозяина рукописных тетрадей и тех, чьих имен мы никогда не узнаем, кто так же бережно переписывал вольнолюбивые стихи Пушкина.

Некоторые из них в тетради изменений почти не претерпели. Скажем, ставшая хрестоматийной, а некогда строжайше запрещенная пушкинская «Деревня».

Однако в пушкинском «Послании к цензору» обращают на себя внимание два разночтения. В седьмой строке читаем: «Их мыслей не темнит цензурная расправа» (речь идет о настоящих писателях). У Пушкина в оригинале — «не теснит».

Интересен и вариант восьмидесятой строки. Вместо известного:

Радищев, рабства враг,
цензуры избежал,
И Пушкина стихи в печати
не бывали,
Что нужды? Их и так иные
прочитали.

— в тетради находим:

Что нужды? Нас и так иные
прочитали.

Общеизвестно, что автор имел в виду не себя, а своего дядюшку В. Л. Пушкина с его поэмой «Опасный сосед». Но читатели преддекабристской поры воспринимали как выдающегося «бесцензурного» поэта прежде всего самого Александра Сергеевича Пушкина...

Две небольшие рукописные тетради дают исследователю массу материала для раздумий.

А. КОРОВИН 20 октября 1826 года вернувшийся
● из ссылки А. С. Пушкин вписал в аль-
1 бом Екатерины Александровны Тима-
шевой свои стихи:

**„СОПЕРНИЦА
ЗАПРЕТНОЙ
РОЗЫ“**

Я видел вас, я их читал,
Син приметные создания,
Где ваши томные мечтания
Боготворят свой идеал,
Я пил отраву в вашем взоре,
В душой исполненных чертах,
И в вашем милом разговоре,
И в ваших пламенных стихах.
Соперница запретной розы,
Блажен бессмертный идеал.
Стократ блажен, кто вам внушал
Немного рифм, и много прозы.

Кто же адресат этих взволнованных строк?

Жена наказного атамана Оренбургского казачьего войска, красавица и умница, поэтесса — автор известных в свое время произведений.

Она принадлежала к роду Загряжских, из которого происходила и Н. Н. Пушкина. Прожила Тимашева долгую жизнь (1798—1881).

Осенью 1815 года, семнадцатилет-

ней девушкой, Екатерина вышла замуж за Егора Николаевича Тимашева; это произошло в Дорогобуже, где стоял уланский полк, в котором служил участник Отечественной войны 1812 года, тогда ротмистр лейб-гвардии. Через несколько лет после бракосочетания супруги надолго переселились в Оренбургский край, где началась жизнь не одного поколения Тимашевых, являвшихся едва ли не самыми крупными здешними помещиками.

Е. А. Тимашева вошла в воспоминания многих своих современников, ей посвящали стихи и Е. Баратынский, и Н. Языков, и Е. Растопчина. Близко знавшая ее Растопчина писала так:

Нет, счастье вас не баловало!
Знаком вам звук судьбы угрозы:
Вас жало скорби растерзало,
Вы разгадали тайну слез.
Вы свыклись с трауром страдания,
И чашу горестей испив,
Без упований, без желанья
Забыли радости порыв.

«Печаль, печаль — души ее царица» — в те же, тридцатые, годы писал Е. А. Баратынский.

Пушкин знал ее сокровенное желание: найти в себе силы, чтобы разорвать оковы «света» и обрести истинную свободу. Достигнуть этого в XIX веке было очень нелегко.

Между прочим, откуда пришло в стихотворение А. С. Пушкина выражение «соперница запретной розы»? Что оно означает?

Это становится ясным при чтении «Святочной шутки» П. А. Вяземского. «Запретной розой» поэт назвал племянницу Тимашевой красавицу Елизавету Киндякову, насильно выданную замуж за старого и нелюбимого князя И. А. Лобанова-Ростовского. (В 1828-м, добившись развода, она вышла замуж за А. В. Пашкова). Пушкин, вписывая свой стих в альбом Е. А. Тимашевой, словами «соперница запретной розы» подчеркнул неувядающую, по-особому привлекательную прелесть владелицы альбома. Потом, уехав в деревню, он спрашивал Вяземского: «Что запретная роза? Что Тимашева? Как жаль, что я не успел с ней завести благородную интригу. Но и это не ушло».

Они искренне уважали друг друга. Екатерина Алек-

сандровна преклонялась перед Пушкиным. На запись в альбоме она откликнулась «Посланием к учителю».

Где ты, учитель мой минутный,
Когда и кем ты увлечен
Иль в вихре вальса, в зале шумной
Ты снова ножкой поражен...
Иль может быть воспоминашя
Тебя далеко увлекли...
Друзей погибших, их страдания
Невольно душу потрясли.
Ах, прах невинных кто слезою
Горячей в дашь не оросил
И кто об них в душе с тоскою
Не вспоминал и не тужил!

Три дня спустя Тимашева посвятила Пушкину такие строки:

Он бы желал к брегам свободы
Как лорд Байрон направить путь,
Сняв иго рабства с вас, народы,
Свободу, славу в вас вдохнуть.

О, она понимала, что творилось в душе А. С. Пушкина после приговора его друзьям — декабристам!

...Приходится сожалеть, что большинство стихотворений Е. А. Тимашевой до нас не дошло...

2. „ПОЛКОВНИК Г.С.О.“

Известный издатель и публицист пушкинской эпохи П. П. Свиньин (1787—1839) в своем очерке «Посещение Илецкой Защиты в 1824 году» писал: «Проведя... несколько часов... у командира Первого Тептярского полка полковника Г. С. О..., признаюсь, пленился еще более прелестными стихами Пушкина, прелестно декламированными милою, прекрасною хозяйкою».

«Отечественные записки» постоянно читал А. С. Пушкин и, бесспорно, эти строки ему были известны.

Кого же укрыл под инициалами «Г. С. О.» автор очерка?

При помощи работников Военного отдела Библиотеки СССР имени В. И. Ленина и Центрального военно-исторического архива удалось выяснить, что с декабря 1819 года командиром Первого Тептярского полка, расквартированного в Илецкой защите, являлся Г. С. Окунев, числившийся по кавалерии.

Дальнейшие поиски показали, что был он человеком настоящей боевой судьбы.

В официальном «Русском биографическом словаре» о нем сказано: «Окунев Гавриил Семенович, генерал-майор. Родился 14 марта 1785 г. Зачисленный пажем, он закончил свое образование в Пажеском корпусе, откуда в 1805 году был выпущен в лейб-гвардии Семеновский полк с производством в прапорщики. Приняв участие в первой войне с Наполеоном, он, за оказанные в сражениях с французами отличия, произведен в подпоручики. Произведенный в 1811 году в штабс-капитаны, Окунев в следующем году принял участие в Отечественной войне, и по изгнании французов из России, участвовал в походе русских войск за границу...»

Командиром Первого Тептярского казачьего полка Окунев стал в декабре 1819 года. Тут, в 1823-м, его произвели в полковники. В 1829 году его от этой должности уволили «по ранению».

О взглядах Г. С. Окунева в некоторой степени говорит «Список масонов», помещенный в «Русской старине» (т. 131, 1907, июль), где в разделе «Полковники 20-х годов XIX века» значится «Окунев Г. С.— командир Первого егерского полка, член ложи «Трех коронованных шпаг» (в Митаве)». В этом списке названы многие будущие декабристы (Ентальцев, Бестужев, Митьков, Вадковский, Башмаков, Глинка, Пестель, Трубецкой, Муравьев-Апостол и другие). Уместно сказать, что Окунев лично знал ряд будущих участников восстания 1825 года по боевым сражениям 1812 года, походу на Париж и другим операциям.

Сергей Трубецкой на следствии справедливо подчеркивал, что «связи, сплетенные на бивуаках, на поле битвы, при делении одинаковых трудов и опасностей, бывают, особенно между молодыми людьми, откровеннее, сильнее, живее».

Вот кем был «Г. С. О...», в доме которого в Илецкой Защите П. П. Свинын убедился, что тут господствует поэзия А. С. Пушкина.

После оставления Оренбуржья Окунев некоторое время лечил свои раны, а затем получил место коменданта в Могилеве. Выйдя в 1840 году в отставку, он скончался в 1843 году в Петербурге.

Занимаясь исследованием истории пермского рода Дягилевых, наиболее известным представителем которого был Сергей Павлович Дягилев (1872—1929), мы обнаружили данные о более чем вековой связи этого уральского рода с пушкинским.

*Е. СУББОТИН,
Е. ЕГОРОВА*

● **ПУШКИНСКИЕ
СВЯЗИ
РОДА
ДЯГИЛЕВЫХ**

Началось с того, что пермский губернский казначей, надворный советник Д. В. Дягилев, изрядно похлопотав, устроил старшего сына в Благородный пансион для подготовки его к учению в Лицее.

Пермский недоросль Иван Дягилев учился прекрасно и был среди первых кандидатов на перевод в Лицей. Но в мае-июне 1816 года случилось непоправимое. Вот как сказано об этом в отысканном нами официальном «Отчете о состоянии Благородного Пансиона, учрежденного при Императорском Лицее»: «...В сем году Пансион имел несчастье лишиться смертью одного из отличнейших и достойнейших своих воспитанников Ивана Дягилева... Он

заболел губчатую опухолью на левой ноге... Отнятие ноги сделалось необходимым. Операция учинена весьма удачно и счастливо; на 21 день после оной, однако, нервическая горячка окончила жизнь и страдания сего любезного молодого человека...»

...В пансионе Дягилев учился с братом Александра Пушкина — Львом.

Ниточка связей, выходит, оборвалась?

Нет.

В 1855 году второй сын пермского губернского казначея, Павел Дмитриевич Дягилев, выдавал в Петербурге замуж свою старшую дочь Анну. Женихом красавицы «Ноночки» был Владимир Дмитриевич Философов, представитель старинного дворянского рода, человек образованный, знаток и ценитель литературы. Связав свою судьбу с Философовым, Дягилева стала время от времени жить в родовом имени мужа в селе Богдановском Псковской губернии. Здесь-то и произошло второе соприкосновение Дягилевых с Пушкиными. По соседству было Михайловское, которое принадлежало младшему сыну поэта, Григорию Александровичу. Бывая в Богдановском на вечерах Анны Павловны, которая к тому времени стала известна как активная деятельница феминизма в России, сын поэта пленился этой замечательной женщиной. Однако, как явствует из письма А. П. Философовой к Ивану Сергеевичу Тургеневу, взаимности Григорий Пушкин не добился.

Сама же она любила поэзию А. С. Пушкина и свято хранила память о нем. О давности интереса Анны Павловны к поэту говорит уже тот факт, что первая запись, сделанная ею в своих воспоминаниях, связана с именем Пушкина: «Родилась я в год великой скорби для нашей родины, в год смерти нашего великого поэта А. С. Пушкина».

Уместно задать вопрос: «Если сын поэта во время своего проживания в Михайловском посещал Богдановское, то делал ли это ранее А. С. Пушкин?» Да, Александр Сергеевич бывал в Богдановском у родителей мужа Анны Павловны, его возил туда И. М. Рокотов. Но самое интересное это то, что будущий супруг Дягилевой, маленький Володя, читал наизусть Пушкину «первую песнь Онегина» и памятью своей удивил его.

Шли годы и в губернском городе Перми подрастал еще один представитель рода Дягилевых, весь жизненный путь которого потом был отмечен общением с Пушкиным.

2

Правнук пермского губернского казначея, о котором мы поведем наш рассказ, Сергей Дягилев в 1890 году окончил курс Пермской мужской классической гимназии. Аттестат зрелости без награды, полученный им после окончания гимназии, педагогический совет счел достойным итогом его семилетнего пребывания в гимназических стенах. Родители же Сергея думали иначе и наградили сына путешествием за границу.

Путешествие Сергей должен был совершить с двоюродным братом Дмитрием Философовым, который в тот год также окончил гимназию — только в столице. Для этого Сергей приехал на Псковщину, в Богдановское. Тут-то произошло его первое соприкосновение с пушкинскими местами. Оно произвело на него самое сильное впечатление. 2 июля 1890 года в письме к родителям в Пермь Дягилев писал: «На возвратном пути я остановлюсь на могиле Пушкина. А теперь, когда проезжали мимо, ее видно было с дороги, и я с неподдельным благоговением снял шапку и поклонился ей».

Из этого по-мальчишески чистого, искреннего письма мы видим, какое уважение к великому поэту воспитали в Сергее родители и педагоги. Не случайно, что именно произведение Пушкина («Борис Годунов») выбрал он в качестве либретто для своей юношеской оперы. Не последнюю роль в изучении творчества гения сыграла прекрасная библиотека деда, которой ему разрешали пользоваться. И конечно, не мог не заинтересовать юного Дягилева рассказ деда об учебе с Пушкиным в Царском Селе брата Ивана.

1899-й год Дягилев (теперь уже 26-летний Сергей Павлович) встретил на посту редактора незадолго перед тем увидевшего свет журнала под названием «Мир искусства». Год был знаменательный — Россия готовилась торжественно отметить 100-летие со дня рождения А. С. Пушкина. К юбилею любимого поэта имелись статьи Д. С. Мережковского и Н. М. Минского, но ему хотелось, чтобы по поводу праздника высказался

Л. Н. Толстой. Лев Николаевич встретил Дягилева тепло. В беседе он высказал немало интересных суждений о своем отношении к Пушкину и его чествованию, но писать статью отказался.

Раскрыв 16—17 номера журнала за 1899 год, читатели могли прочесть статью Дягилева «Иллюстрации к Пушкину»; на примерах иллюстраций к юбилейным изданиям сочинений поэта, выполненных такими художниками, как Бенуа, Врубель, Коровин, Лансере, Левитан, Репин, Серов, Суриков и другие, он разобрал требования к иллюстрации вообще и к произведениям А. С. Пушкина в особенности, подчеркнув со всей категоричностью: «Иллюстрация вовсе не должна ни дополнять литературного произведения, ни сливаться с ним, а наоборот, ее задача — освещать творчество поэта остро индивидуальным, исключительным взглядом художника, и чем неожиданнее этот взгляд, чем он ярче выражает личность художника, тем важнее его значение».

Кроме издания журнала, Дягилев проявил себя как талантливейший организатор художественных выставок в России и за границей. Лучшей из них была «Историко-художественная выставка русского портрета» в Петербурге, открытая в марте 1905 года в залах Таврического дворца. «Эрой русского искусства» назвал эту выставку Грабарь.

«Русские сезоны» в Париже! Кто не слышал о них? Именно тут особенно проявились организаторский талант Дягилева и его безграничная любовь к русской культуре. Напомним читателю лишь тот факт, что первым спектаклем, показанным им в Париже, была опера «Борис Годунов» Мусоргского с Федором Шаляпиным в заглавной роли. И позднее в антрепризе Сергея Дягилева ставились спектакли по произведениям Пушкина: «Руслан и Людмила», «Домик в Коломне», «Сказка о золотом петушке».

...Письма Пушкина к невесте! Сколько разговоров было вокруг них в свое время! Какие заявления по поводу писем делала последняя их обладательница — внучка поэта графиня Торби!

Как оказались они у Дягилева?

В последние годы жизни С. П. Дягилевым овладело новое увлечение — страсть к собирательству автографов выдающихся деятелей русской культуры, а также

редчайших книжных реликвий его родины, России.

Результаты этого увлечения были поразительны. В течение короткого времени ему удалось собрать около двух тысяч книжных раритетов. Что касается автографов, то в его коллекции оказались Пушкин, Лермонтов, Державин, Карамзин, Жуковский, Гоголь, Крылов, Вяземский и многие, многие другие. Большой интерес представлял фонд старинной музыкальной партитуры.

Какую цель преследовал Дягилев, создавая эту коллекцию экспонатов русской культуры, считавшуюся крупнейшей и уникальнейшей за пределами России?

Как пишет человек, близко знавший Сергея Павловича, «им руководило единственное желание — вернуть России ее великое культурное сокровище».

Пушкиниана Дягилева являлась подлинной жемужиной коллекции. Кроме почти всех прижизненных изданий произведений Пушкина, в собрании Дягилева оказались десять писем Пушкина к невесте. Одно из писем Дягилеву было завещано внучкой поэта, графиней Торби, с которой Сергей Павлович был хорошо знаком; остальные из этих писем, а также письмо Пушкина к матери Натальи Николаевны, Дягилеву уступили после смерти графини дети и муж Торби. В Пушкиниане Дягилева были и следующие автографы поэта: стихотворение «К морю», письмо к Г. Ф. Розену, дарственная надпись О. М. Сомову на первом издании пятой главы «Евгения Онегина», дорожная, выданная Пушкину 5 мая 1820 года на проезд в Кишинев, и письмо статс-секретаря Д. Н. Блудова к Пушкину от 19 января 1831 года о «дозволении» ему работать над архивными материалами по истории Петра I.

С огорчением приходится говорить, что лишь незначительная часть этого уникального собрания, благодаря труду доктора искусствоведения И. С. Зильберштейна, вернулась на родину коллекционера. Неожиданная смерть Дягилева в 1929 году в Венеции помешала ему осуществить благороднейшее желание — передать собрание России...

Хочется надеяться, что жизнь и деятельность Сергея Павловича Дягилева, интерес к которой в нашей стране стал особенно проявляться в последние годы, привлечет внимание советских исследователей, и этому замечательному человеку будет воздано должное.

Любознательному читателю, наверное, небезынтересны источники, которыми пользовались авторы. Назовем основные.

Данные о воспитаннике Благородного пансиона Императорского Царскосельского Лицея Иване Дягилеве обнаружены нами в рукописном отделе Пушкинского Дома¹, а также в издании, ставшем библиографической редкостью².

Письма и записи А. П. Дягилевой (в замужестве Философовой) опубликованы в двух изданиях³, а выдержка из письма Сергея Дягилева в Пермь воспроизведена с оригинала, также хранящегося в Пушкинском Доме⁴.

Оренбургская поездка А. С. Пушкина дала могучий толчок его дальнейшим углубленным занятиям прошлым России. До конца своей жизни он думал над темами отечественной истории и работал в архивах.

А. СВИТЕНКО
● **„В АРХИВАХ**
Я БЫЛ...“

Как гениальный поэт, Пушкин известен всему миру.

Его проза — в золотом фонде русской и мировой литературы.

Но был он не только художником, а и ученым. В своих исследованиях он являет нам всем пример образцового историка, кропотливо и вдумчиво изучавшего архивные материалы. «Зарыться в архивы» (по образному выражению самого Пушкина) значило для него окунуться в атмосферу прошлого, проникнуться духом времени.

В фондах Центрального государственного архива древних актов (ЦГАДА) — крупнейшего архивохранилища нашей страны по истории феодализма — собраны обширные комплексы документов по вопросам разви-

тия России, классовой борьбы, международных отношений, истории войн, истории культуры; здесь наряду с материалами эпохи Петра I и Крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева, хранятся документы, свидетельствующие о занятиях над ними А. С. Пушкина.

В фонде Канцелярии Московского Главного Архива Министерства иностранных дел обнаружен еще один, ранее не публиковавшийся документ об архивных занятиях поэта. Это подлинник уведомления Департамента хозяйственных и счетных дел МИДа от 3 марта 1836 г. за № 1253 в Московский Главный Архив о командировании для занятий в нем «титулярного советника в звании камер-юнкера» А. С. Пушкина.

«По предписанию Его сиятельства вице-канцлера, данному Департаменту Хозяйственных и Счетных дел 26 февраля сего года, состоящий в ведомстве Министерства Иностранных дел титулярный советник в звании камер-юнкера Александр Пушкин командирован временно для известных г. вице-канцлеру занятий по делам службы в Главный Московский Архив.

О чем Департамент Хозяйственных и Счетных дел имеет честь уведомить помянутый Архив.

Директор граф Внелъгорский»¹.

На полях документа сохранилась пометка, сделанная рукой видного русского историка-архивиста, директора архива А. Ф. Малиновского: «Принять к сведению 9 марта 1836. А. Малиновский».

«Известным господину вице-канцлеру (графу К. В. Нессельроде, управлявшему Министерством иностранных дел) занятием» Пушкина была работа над «Историей Петра I».

Разрешение заниматься в архивах было дано Пушкину с условием, что он поступит на государственную службу. Так в 1831 году после семилетней отставки поэт снова стал чиновником этого министерства. С того времени каждый его шаг — истребование отпусков, финансовые дела, командировки в архивы, получение необходимых для занятий документов — фиксировался в официальных бумагах. В 1900 году Н. А. Гастфрейндом была осуществлена публикация «Пушкин. Документы Государственного и С.-Петербургского главного архивов Министерства Иностранных дел, относящиеся к службе

его 1831—1837 гг.»² В ней приводится и послужной список А. С. Пушкина. В небольшом по объему документе непосредственно перед лаконичной и бесстрастной строкой «Умер 29-го Генваря 1837 г.» значится: «командирован в Московский Главный архив для занятий по делам службы 1836 года Февраля 26-го».

К 1836 году Пушкин в создании своего труда продвинулся значительно. Исследователь творчества поэта И. Л. Фейнберг в монографии «Незавершенные работы Пушкина» (М., 1964) убедительно опроверг бытовавшую в течение долгого времени недооценку значения «Истории Петра I» как самостоятельного, полнокровного исторического сочинения.

По собственному признанию А. С. Пушкина, он был готов завершить работу над ним в «год-полтора». А в такой короткий срок можно только достроить в своей основе уже созданный каркас произведения. Но поэт сознательно не форсировал ход своей работы — отчасти потому, что тема захватила его до глубины души и он хотел постичь ее во всех тонкостях, отчасти и потому, что понимал: в первозданном виде труд не напечатают по цензурным соображениям. Вот почему Пушкин, уже готовый, в принципе, писать «Историю Петра» набело, решил использовать 1836 год (последний, как оказалось, год своей жизни) для еще более углубленного изучения материалов. Для этого он и намеревался предпринять поездку в Москву для занятий в МГАМИДе, хранившем документы о внешнеполитических связях России в начале XVIII века.

Осуществить свою поездку сразу после получения разрешения помешала Пушкину смерть матери — Надежды Осиповны³. В Москву он прибыл лишь в начале мая 1836 г. Целью его приезда, помимо занятий в архиве, были переговоры с московскими литераторами и издателями о распространении в Москве редактировавшегося им журнала «Современник».

Директор Московского Главного Архива А. Ф. Малиновский в письме к графу К. В. Нессельроде от 21 мая 1836 года уведомлял, что «прикомандированные на время к архиву чиновники г. Пушкин и г. Федоров* явились на службу при нем⁴.

* Младший секретарь Берлинской миссии России.

Анализ содержания дел Посольского приказа и Коллегии иностранных дел приводит к выводу о том, что Пушкин при первоначальном ознакомлении с ними нашел для себя массу интересного и необходимого материала.

Это дела о сношениях России со странами Европы (Австрией, Англией, Польшей, Францией, Данией, Швецией, Голландией, Германскими и Итальянскими государствами), со странами Азии (Персией, Турцией), с Курляндией и Лифляндией. Они содержали в себе дипломатическую переписку русских посланников и резидентов в зарубежных странах по вопросам международных отношений, торговли, внутреннего положения тех стран, в которых они пребывали, материалы Ф. Лефорта (1697—1698 гг.) о позиции различных европейских государств в Северной войне, о найме на русскую службу австрийских, голландских, прусских, греческих военных специалистов. «Рассуждение о причинах войны со шведами», сочиненное бароном П. П. Шафировым, манифесты Петра I и шведского короля Карла XII, международные договоры и конвенции, заключенные Россией с иностранными государствами, и многое другое. Кроме материалов внешнеполитического характера, внимание Пушкина должны были привлечь секретнейшие дела (перлюстрации) о событиях внутриполитических, например, копии следствия по делу царевича Алексея Петровича и царицы Евдокии Федоровны Лопухиной (1718 г.).

14 мая 1836 г. в письме к жене Пушкин писал: «В Архивах я был, и принужден буду опять в них зарыться месяцев на 6»⁵. На целых полгода нашел он для себя работу в Московском архиве. Несомненно, что если бы поэту удалось осуществить свое намерение до конца, его «История Петра I» пополнилась бы многими новыми страницами.

Даже в последние месяцы жизни, в атмосфере гнусной клеветы, отнимавшей последние нравственные и физические силы, Пушкин не оставлял своего замысла. «Желчный и угрюмый» на светских приемах и балах, он буквально преображался в беседах с друзьями и единомышленниками, когда речь заходила о Петре I. Об этом свидетельствует, в частности, известный общественный деятель, историк и литератор Александр Иванович Тургенев. В скорбные дни он оставил в своем дневнике сле-

дующие строки: «Сколько пропало в нем для России, для потомства, знают немногие; но потеря, конечно, незамеченная. Никто так хорошо не судил Русскую новейшую историю: он созревал для нее и знал и отыскал в известность многое, чего другие не заметили. Разговор его был полон жизни и любопытных указаний на примечательные пункты и на характеристические черты нашей истории. Ему оставалось дополнить и передать бумаге свои сведения. Великая потеря!»⁶

«Знал и отыскал... многое, чего другие не заметили...»

За этими словами множество дел и замыслов Пушкина, но на первом плане — История Пугачева.

Л. ОСИНЦЕВ

В ГОРОДЕ

ЗА

УРАЛ-КАМНЕМ

В тридцатых годах XIX века городничим в Шадринске был Арефьев. Большой поклонник А. С. Пушкина, он, узнав о смерти поэта, заказал по нему панихиду в Спасо-Преображенском соборе.

«Перед началом панихиды,— писал об этом событии В. П. Бирюков,— загудел большой, в несколько сот пудов весу, соборный колокол. Редкие, протяжные звуки колокола всполошили все население. Купцы позапирали свои лавки: «Что-де случилось? Не царь ли помер?» И потянулись в собор. Кроме протопопа, служили вместе с ним и другие «градские» попы. Словом, панихида вышла «на славу». Толков в городе было много...»¹

Чествование памяти Александра Сергеевича Пушкина стало для шадринцев традицией.

В день столетия со дня рождения поэта (1899) в городе прошел Пушкинский утренник, организованный по инициативе педагога В. И. Боброва.

Праздничным утром учащиеся городского, Маринского женского и

приходского училищ собралась в общественном городском саду. Учителя В. И. Бобров и М. И. Данилов познакомили юных горожан с биографией Пушкина, рассказали о его творчестве. Затем началась литературно-музыкальная часть: исполняли музыкальные произведения на слова поэта. В антрактах играл оркестр. Каждый гость уносил с собою томик пушкинских стихов².

Однако сохранила история и факты иного рода.

Глубокой осенью 1910 года в Шадринскую городскую управу пришло письмо от комитета по управлению имением Михайловским, в котором говорилось, что комитет постановил обратиться ко всем городским управам и другим учреждениям с воззванием о пожертвовании средств на содержание памятных пушкинских мест. Но... просьба Пушкинского комитета прозвучала «гласом вопиющего в пустыне». На документе появились бездушные слова: «Ход. (атайство) отклон. (ить)».

Так было в прошлом. В советское время Пушкин и его творения пришли в Шадринске к каждому. Его книги — во всех 50 наших библиотеках. Одна из лучших улиц города носит дорогое людям имя великого поэта.

**ПУШКИНСКИЕ
РЕЛИКВИИ
УРАЛЬСКИХ
МУЗЕЕВ**

**Маска
Пушкина**

И тот из посетителей музея, кто заранее не знает, что его в этой комнате ждет, и тот, кто идет сюда специально, испытывает, склоняясь над маленькой витриной, трепет непередаваемый.

Пушкин? Пушкин! Пушкин...

Посмертная его маска — реликвия поистине бесценная. И не только для оренбургского музея. Это удивительная редкость вообще.

Но откуда она здесь, в Оренбурге? Как в этот музей попала? От кого и через кого?

Вопросы кажутся простыми, да не так-то скоро ответ на них сыщешь.

Сергей Александрович Попов и Георгий Степанович Журавлев, музейщики опытные, искушенные, затратили на прояснение их не день и не месяц.

Об их поисках и пойдет речь. Только чуть позднее. Пока же надо изложить то, что отыскать может каждый. Прежде всего, в воспоминаниях о Пушкине, в переписке его друзей.

Так обратимся к источникам печатным — книгам.

Двухтомник «А. С. Пушкин в воспоминаниях современников» заканчивается двумя письмами Василия Андреевича Жуковского.

Первое из двух — к отцу поэта, Сергею Львовичу.

«...Когда все ушли, я сел перед ним и долго один смотрел ему в лицо. Никогда на этом лице я не видел ничего подобного тому, что было на нем в эту первую минуту смерти. Голова его несколько наклонилась; руки, в которых было за несколько минут какое-то судорожное движение, были спокойно протянуты, как будто упавшие для отдыха после тяжелого труда. Но что выражалось на его лице, я сказать словами не умею. Оно было для меня так ново и в то же время так знакомо! Это было не сон и не покой! Это не было выражение ума, столь прежде свойственное этому лицу; это не было также и выражение поэтическое! нет! какая-то глубокая, удивительная мысль на нем развивалась, что-то похожее на видение, на какое-то полное, глубокое, удовлетворенное знание. Всмотриваясь в него, мне все хотелось у него спросить: «Что видишь, друг?» И что бы он отвечал мне, если бы мог на минутку воскреснуть?..

...К счастью, я вспомнил вовремя, что надобно с него снять маску. Это было исполнено немедленно; черты его еще не успели измениться. Конечно, того первого выражения, которое дала им смерть, в них не сохранилось; но все мы имеем отпечаток привлекательный; это не смерть, а сон...»

К скульптору отправился — по его же свидетельству в письме к поэту В. Г. Теплякову — Петр Александрович Плетнев, видный петербургский литератор и добрый знакомый Пушкина, тоже находившийся у смертного одра.

«...Тотчас отправился я к Гальбергу. С покойника сняли маску, по которой приготовили теперь прекрасный бюст».

Маску снимал Самуил Иванович Гальберг — скульптор к тому времени известный, профессор Петербургской Академии художеств.

Снимать маску Гальбергу помогал — а, точнее, под его руководством снимал — опытный академический мастер-формовщик Балин. С удовольствием назвал бы

здесь имя-отчество, узнал сам и поведал другим его биографию, но... в литературе ее не нашел, и об этом сожалею. Ведь Балину поработать пришлось много. Снятие маски — дело не простое...

Масок первого отлива было, вероятно, не более пятнадцати. Это количество названо и в письме Н. И. Любимова к М. П. Погодину, посланном 22 февраля 1837 года. «Я хлопочу, чтобы достать его слепок, что довольно трудно, ибо заказано было не более 15-ти Жуковским и уже все розданы им...» — сообщал своему адресату корреспондент.

«Посмертная гипсовая маска Пушкина, снятая с него в день смерти, дает представление об облике поэта в последние годы его жизни и сохраняет непреходящее значение первоисточника для последующей иконографии», — заявила в своей статье «Первые скульптурные изображения Пушкина» исследовательница вопроса Л. П. Февчук и тут же сослалась на гравированный портрет работы Т. Райта и бюст, созданный С. Гальбергом, произведения, которые обрели свою жизнь в год, когда поэта не стало. «Прекрасный бюст» — отозвался о творении Самуила Ивановича Плетнев. Оценка, данная им, ничуть не преувеличена. Всмотримся в оригинал бюста, снабженный собственноручной подписью скульптора, сравним его с маской, и мы увидим, что лицо вылеплено с совершеннейшей точностью. Даже чуть сдвинутый влево рот не «поправлен», а сохранен скульптором... Ведь это Пушкин!

...У кого оказалась его посмертная маска? Кто стал обладателем дорогой реликвии?

Сам Жуковский, конечно. Сергей Львович, отец поэта. К. К. Данзас, лицейский товарищ Пушкина и его секундант на дуэли. Приятель по Кишиневу В. П. Горчаков, П. В. Нащокин, Е. А. Баратынский, С. П. Шевырев, Н. И. Любимов. М. П. Погодин. Барон Н. М. Сердобин. Художник Н. Н. Ге... Одни получили маску из рук Василия Андреевича, другие добыли ее сами, кто-то стал вторым, третьим, пятым обладателем гипсового воспроизведения пушкинского лица; в общем, «своя биография» сложилась и у каждого из экземпляров, да какая подчас сложная биография — не всегда и проследишь за ее извилистыми поворотами. «О дальнейшей судьбе принадлежавших им масок сведений мы не имеем», — пишет та

же Февчук, имея в виду большинство перечисленных выше лиц.

Сейчас их, масок первого отлива, сделанных на основе негативной формы — отпечатка лица в гипсе, всего несколько.

Во Всесоюзном музее А. С. Пушкина хранится маска, принадлежавшая графине Екатерине Федоровне Тизенгаузен, дочери Елизаветы Хитрово, знавшей и любившей поэта. Там же находится и еще одна — из парижского музея известного почитателя Пушкина и собирателя всего, что касалось его жизни, его творчества. Онегин-Отто дружил с сыном Жуковского, и маска, принадлежавшая Василию Андреевичу, оказалась в руках коллекционера-пушкиниста.

Известна и описана посмертная маска, что сейчас в Научной библиотеке Тартусского университета. Она когда-то принадлежала Прасковье Александровне Осиповой, владелице села Тригорского, а от нее перешла к историку, филологу и писателю профессору Розбергу Михаилу Петровичу, тоже знававшему Пушкина лично. Уже через Розберга попала реликвия в университетскую библиотеку; ее пришлось реставрировать, восстановление не было достаточно удачным, маска свой вид изменила...

И вот оренбургская — та, что в пушкинской комнате областного музея. Ее история интересует нас сейчас больше всего. Ею и занялись в свое время С. А. Попов и Г. С. Журавлев.

2

Оренбург в биографии Александра Сергеевича Пушкина занимает особое место. Сюда он стремился долгое время, пока, наконец, не добрался в сентябре 1833 года. Поездка была вызвана интересами творческими. Автору задуманной «Истории Пугачева» хотелось самолично познакомиться с местами, где разворачивались события Крестьянской войны 1773—1775 годов, увидеть их современников и участников, поговорить с ними.

В Оренбурге об этом знают и помнят. К всеобщему почитанию Пушкина как гения русской и мировой литературы присоединяется чувство, так сказать, «землячества»: здесь он жил, там бывал, это видел.

И так со времен давних...

В 1899 году вся Россия торжественно отмечала столетие со дня его рождения. Готовились к юбилею широко и разносторонне. В столицах и на дальних окраинах...

Деятельно включилась в подготовку Оренбургская ученая архивная комиссия. Во многих ее протоколах находим мы отголоски бурных дебатов, которые вела местная интеллигенция. Они касались подготовки сборника «Пушкин в Оренбурге», установки мемориальной доски, проведения научного заседания.

Возник разговор и о посмертной маске — она к тому времени была уже широко известна, ее выставляли для всеобщего обозрения и видеть мог каждый, кто хотел.

Из протокола № 3 от 8 февраля 1899 года:

«...10. Предположено к имеющему быть напечатанным сборнику «Пушкин в Оренбурге» приложить фотографии с дома И. В. Ладыгина (тогда ошибочно полагали, что Пушкин останавливался именно в нем.— Л. Б.), гипсовой маски Пушкина, хранящейся в музее Комиссии, и с одного из лучших портретов Пушкина 1830 г.

Постановлено: 1) просить фотографа Норвилло принять на себя труд сфотографирования названных предметов и 2) спросить Д. Н. Соколова об истории маски Пушкина, данной им в музей».

Из протокола № 5 от 15 марта того же года:

«...8. Заслушано отношение земского начальника 2-го участка Оренбургского уезда от 7 марта с. г. за № 755 о том, что сведения о маске А. С. Пушкина, хранящейся в музее Комиссии, напечатаны в февральской книге «Исторического вестника» за 1897 г.»

Земским начальником, приславшим «отношение», был тот самый Д. Н. Соколов, который маску передал.

...Как назло, февральской книги «Исторического вестника» за указанный в протоколе год Сергей Александрович Попов в библиотеках Оренбурга не обнаружил. Пришлось выписывать ее через межбиблиотечный абонемент, а, значит, ждать, и немало, пока она придет. Это очень трудно — ждать, когда не терпится найти разгадку.

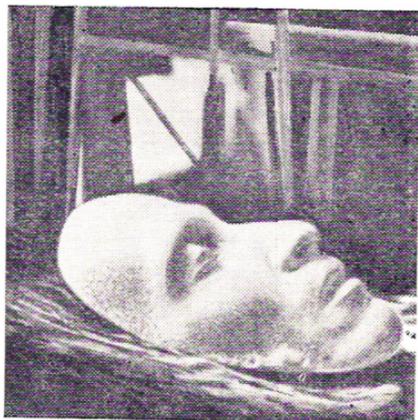
Наконец, книга пришла. Зорким взглядом исследователя Попов пробежал по строчкам оглавления.

Но здесь же о маске Пушкина нет ничего...

Перелистал страницу за страницей — ни-че-го.

Прочел многие статьи — о маске, быть может, упоминается попутно — не упо-ми-на-ет-ся.

Ошибся протоколист? Напутал Соколов? Так или иначе, но «Исторический вестник» не порадовал. Придется, наверное, запрашивать столичных библиографов — авось помогут. Но сколько времени пройдет в ожидании...

Огорчился и Журавлев. Однако доверия к самому факту публикации проясняющей статьи или заметки именно в «Историческом вестнике» он не утратил. Может, ошибочно указан номер, месяц? И отправившись в библиотеку областного архива, стал перелистывать все разрозненные комплекты журнала за этот и ближайшие годы.

«Маска Пушкина»! Автор: «Д. С.-ов»!

Заметка оказалась в февральском номере 1896 года. Совсем небольшая, в два десятка строк величиною: Соколов вполне мог воспроизвести ее в своем «отношении». Журнал наверняка находился у него под рукою, особых поисков вести не требовалось.

«Д. С.-ов» откликнулся на полемику, которая развернулась вокруг сообщения о маске в Юрьевском (Тартуском) университете. Кроме нее, тогда знали лишь о той, которая экспонировалась на Пушкинской выставке как собственность некоей госпожи Семечкиной.

«Считаю не лишним, — уведомлял он читателей, — указать на существование третьего экземпляра. Этот экземпляр, приобретенный моим дедом (умер в 1845 году), находится у меня и сохранился хорошо... Судя по описанию, он сходен с юрьевским...» Юрьевским (тартуским) — в противовес тем, которые отразили желание позднейших изготовителей масок возможно более приблизить их к живописным портретам поэта; с этой целью они приделывали и «волосы до половины головы», и некое подобие бакенбардов.

В Оренбургском краеведческом...

Пушкинский кабинет ИРЛИ

...Письмо в «Историческом вестнике» прочитано. Ну, и что из него явствует? Да, была передана в музей Д. Н. Соколовым. Да, приобрел ее еще дед, а так как скончался он в сорок пятом, то, следовательно, приобрел в течение первых семи или восьми лет после смерти Пушкина и появления на свет посмертной его маски... Сведения по-прежнему скупы. Как привлечь новые? И в каком направлении развивать поиск?

Конечно, надо постараться побольше узнать о Соколове-деде. Кем он был? Как складывалась его жизнь?

3

Исследователи погрузились в архивные дела.

Д. Н. Соколов значился оренбургским дворянином. Значит, материалы о его семье, его роде следовало искать среди бумаг сословной организации русского дворянства, а именно дворянского депутатского собрания. И родословные книги, и другие «единицы хранения» могли познакомить со всеми коленами, ветвями и ответвлениями рода Соколовых.

— Внимательно просматриваем опись, — рассказывает Попов. — Оказывается, что оренбургских дворянских семей, носящих эту фамилию, не одна и не две — несколько. Выписываем дела. Вот это — о внесении в дворянскую родословную книгу Николая Александровича Соколова, другое — о Соколове Зиновии Александровиче... К «нашему» они отношения не имеют...

Только после нескольких дней поисков попали наши следопыты на след. Это случилось в тот момент, когда из хранилища принесли дело № 441, на обложке которого значилось: «Прошение коллежского асессора Ивана Артемьевича Соколова о внесении его в дворянскую родословную книгу». Поначалу, собственно, ничего особенного оно не предвещало. Дело как дело, похожее на множество других. Но листы, оказавшиеся в конце, значение его поднимают сразу и высоко. Сомнения нет — Иван Артемьевич это и есть тот самый дед, который, по словам Д. Н. Соколова, приобрел гипсовую маску Пушкина.

Так кто он?

Тут же — «формулярный список о службе и достоинстве линейного оренбургского батальона № 2 штаб-лекаря коллежского асессора Соколова». Составляли список

в ноябре 1835 года. В дворянском сословии означенный лекарь в то время не состоял. Отец его был «духовного звания», сам он прошел «курс врачебных наук» в Московском университете; выпустили Ивана Артемьевича в 1822-м, причем с благодарностью за научную работу. В следующем, двадцать третьем, он получил назначение в Оренбург, в конно-артиллерийские роты казачьего войска, а в двадцать пятом — ординатором в военный госпиталь, где через год удостоился производства в штаб-лекари. Служил ученый медик и в Оренбургском Неплюевском военном училище, и в Оренбургском линейном батальоне № 2. «За отлично усердную и ревностную службу» его награждали то золотыми часами, то бриллиантовым перстнем, то орденом Анны третьей степени. Этот орден, вместе с присвоением чина коллежского асессора, давал ему право на получение дворянского звания, и положенного Соколов стал домогаться.

В ноябрьском прошении 1835 года, ходатайствуя о дворянстве, он указывал на то, что купил имение со 139 душами мужского пола, имение располагается в Оренбургском и Стерлитамакском уездах, но в родословную книгу просил включить по Оренбургскому.

Через пять месяцев, рассмотрев все документы, дворянское депутатское собрание решило: «внести его в... третью часть, дать грамоту и по состоящему за ним именно причислить в дворянство Оренбургского уезда».

Посмотрим на карту Оренбуржья. Вот Саракташский район, вот село Старый Сокулак... Оно и было местом расположения имения лекаря-помещика Соколова. Человека достойного и интересов широких.

Однако жил Иван Артемьевич большей частью не в Сокулаке — в Оренбурге.

Служба его продолжалась.

4

Журавлев и Попов радовались каждому новому штриху к портрету человека, с которого начиналась оренбургская история пушкинской маски. Крупица по крупице собирали они этот портрет.

...В 1829 году в Оренбургской губернии разразилась губительная эпидемия холеры. Соколов был среди тех немногих местных врачей, которые под постоянной угрозой смерти работали неустрашимо. Лечили и в то же вре-

мя искали пути борьбы с опустошительной болезнью. Один из самых толковых отчетов в Медицинский департамент принадлежал ему. Этот отчет даже напечатали в столице — в «Журнале Министерства внутренних дел». Он так и называется: «Описание холеры, явившейся в Оренбурге в сентябре 1829 г., лекаря Соколова». В книге «Холера 1829—1833 гг. в Оренбургском крае» видный деятель ученой архивной комиссии и весьма энергичный врач-организатор А. В. Попов много лет спустя (его труд вышел в свет в 1910-м) отмечал, что эта работа И. А. Соколова «представляет самый полный очерк из всех описаний холеры, во всех отношениях замечательный и для нашего времени».

Но приведенный факт касается профессиональных качеств медика. На то он и лекарь, чтобы лечить. Ну, а как проявлял себя в другом?

А в «другом» оказалось вот что.

Иван Артемьевич долгое время стихи писал.

Историей увлекался, в частности занимала его Крестьянская война под предводительством Пугачева.

Исторический роман написать мечтал...

! Сведения любопытные. От кого они исходят? Да от того же Д. Н. Соколова — внука лекаря.

Годы его жизни — 1867—1919. Был он тоже человеком разносторонним. Деда своего не знал — тот умер за двадцать с лишним лет до его рождения. Но учиться отправился в тот же Московский университет, по окончании физико-математического факультета вернулся, как и дед, в Оренбургский край, где зарекомендовал себя и геологом, и географом, и этнографом, и историком. Дмитрий Николаевич опубликовал 65 научных работ. 43 из них посвящались геологии губернии. Что касается других, то они были о разном. И в том числе о... Пушкине.

«Пушкин в Оренбурге» — так называлось его исследование.

Исследование с отчетливо выраженным «мемуарным элементом», для нас по-особому ценным...

5

По утверждению Д. Н. Соколова (а он опирался на сохранявшееся в семье предание), Пушкин был знаком с Иваном Артемьевичем лично.

Знакомство это произошло в 1833-м, в Оренбурге.

«Пушкин во время своего приезда в Оренбург беседовал о Пугачевском бунте с моим дедом, И. А. Соколовым,— писал внук.— В бумагах последнего сохранились отрывки исторического романа из времен Пугачевщины и предшествующего ей бунта 1771 г. в Уральске; их было несколько тетрадей черновиков и несколько глав, переписанных набело. Сохранялись и отрывки записей по истории Оренбургского края XVIII века. Предание наше гласит, что дед мой задумал писать историю Пугачевского бунта, но, повидавшись с Пушкиным и узнав, что сам Пушкин ею занят, уступил ему все пригодное из своего материала, а сам, чтобы использовать свои труды, стал писать исторический роман. До этого времени он писал только стихами...»

Бумаги Соколова, к сожалению, не сохранились.

«...В январе 1853 г. казанский профессор Брандт, по просьбе П. В. Анненкова, который тогда готовил свое издание сочинений Пушкина, обратился к моему отцу, тогда студенту Казанского университета, с вопросом, не может ли он доставить для Анненкова сведения о пребывании Пушкина в Оренбурге по оставшимся после деда записям. Оказалось, однако, что записки деда после смерти его были уничтожены его родственниками».

...Надо ли говорить, как увлекло исследователей то, что они прочли?

Работа Д. Н. Соколова была напечатана еще при жизни автора. Правда, не тогда, когда она готовилась к печати — на пороге нового века, в период подготовки к столетию со дня рождения великого поэта. Ее опубликовали в сборнике «Пушкин и его современники», вышедшем в 1916-м, в Петрограде. В этом сборнике, а точнее отдельном оттиске из него, и прочли цитированное Попов и Журавлев.

Прочли и задумались. Все это интересно, даже очень. Мемуарная страничка объясняет многое. Но в какой мере соответствует она истине?

Задумаемся вместе с ними. Могло ли такое быть? Могло.

В поисках материалов о Пугачеве и Крестьянской войне Пушкин специально приехал в Оренбург. Он старался не упустить ни малейшей возможности получить нужные ему сведения, увидеть и услышать тех, кто либо

помнил лихого казака Емельяна Ивановича, либо знал о нем больше других. Очень скоро Пушкин свел знакомство со множеством людей, его заинтересовавших.

Что из того, что Ивана Артемьевича в других источниках не называют? Его занятия историей Пугачевского восстания, и вообще местной историей, тайной в таком городе оставаться не могли.

Соколов был врачом — как и Владимир Иванович Даль, сопровождавший Пушкина повсюду. Так разве не мог свести их Даль?

Соколов был лекарем и в Неплюевском военном училище, у директора которого, Артюхова, Пушкин побывал в гостях. Так отчего не предположить, что познакомил их Артюхов?

Нет, семейное предание досужим вымыслом не кажется. Знакомство состояться могло. И беседа по интересовавшему обоих предмету могла иметь место.

...Но какое отношение имеет это к истории посмертной Пушкинской маски?

6

Преклонение перед Пушкиным в роду Соколовых шло от деда.

Пушкинская поэзия питала его собственные поэтические опыты. Пушкинские исследования Пугачевщины перекликались с теми, которые вел он. Иван Артемьевич отлично понимал, какая роль в жизни России принадлежала этому гению. И за счастье почитал уже то, что мог познать такую руку.

Естественно, что гибель Пушкина стала для него огромным личным горем. Естественно, что память о Поэте Соколов хранил свято. А коль так, то — и это тоже вполне естественно — пушкинская маска была для него святыней. Он стремился ее заполучить, он получил ее и — берег до конца жизни.

...Однако как, каким образом мог военный лекарь, да еще в далекой провинции, стать обладателем такой редкости? Причем не просто посмертной маски, а и самой-самой ценной — из первого отлива? Их было, вспомним, всего пятнадцать, ими распоряжался сам Жуковский, имена тех, кого он одарил, в значительной части учтены и известны.

Петербург, как место приобретения реликвии, исклю-

чается. По переписке ее не заполучишь, по почте не перешлешь, а поездок туда у Соколова не было, иначе они нашли бы отражение в формуляре.

Значит, Оренбург... А коль Оренбург, то... Даль?

Владимир Иванович Даль известен как крупный русский писатель, диалектолог, этнограф. Выдающийся знаток русского слова, он явился творцом «Толкового словаря живого великорусского языка», обессмертившего его имя. Этот словарь был задуман и начат в Оренбурге, когда Даль служил здесь чиновником особых поручений при военном губернаторе В. А. Перовском. В 1833-м, 18—20 сентября по старому стилю, он, Владимир Иванович, знакомил Пушкина с Оренбургом, возил гостя в Берды, участвовал в его беседах с современниками восстания, сам рассказывал все, что знал. Пушкин с Далем подружились. И надобно же было случиться такому, что в трагические дни января 1837-го, когда кровь поэта обогрела снег у Черной речки, он оказался в Петербурге и увидел Пушкина смертельно раненым, уже умирающим. «Я приблизился к одру смерти и не отходил от него до конца страшных суток»,— вспоминал потом Даль. А его самого вспоминают все мемуаристы, писавшие о тех непередаваемо мучительных днях. Вспоминают как человека, который не оставлял умирающего ни на минуту. Ободрявшего его участием. Облегчавшего страдания. Слышавшего последние слова: «Кончена жизнь... Теснит дыхание...» И принявшего последний вздох...

Даль среди обладателей маски Пушкина не упоминается нигде.

Сам он писал так:

«Мне достался от вдовы Пушкина дорогой подарок: перстень его с изумрудом, который он всегда носил последнее время и называл — не знаю почему — талисманом; досталась от В. А. Жуковского последняя одежда Пушкина, после которой одели его, только чтобы положить в гроб. Это черный сюртук с небольшою, в ноготок, дырочкою против правого паха... Сюртук этот должно бы сберечь и для потомства; не знаю еще, как это сделать; в частных руках он легко может затеряться, а у нас некуда отдать подобную вещь на всегдашнее сохранение».

Сам Даль приписал: «Я подарил его (сюртук.— Л. Б.) М. П. Погодину». Он, к сожалению, не сохранился.

Изумрудный перстень сейчас находится в фондах Всесоюзного музея А. С. Пушкина.

Но почему не упомянута ни в цитированных, ни в других далеvских заметках пушкинская посмертная маска? Может, потому, что в сравнении с перстнем-талисманом, с сюртуком, простреленным на дуэли, она в памяти Даля отступила на второй план? Да, это вполне могло случиться — тем более, что воспоминания его, в сравнении со многими другими, гораздо менее подробны и лишены порою даже значительных деталей. Другое дело, когда он высказывается о том, что ближе ему как врачу...

Даль медик. И Соколов медик. Не общаться они не могли.

Даль литератор. И Соколову литература близка. Это еще одна точка соприкосновения.

Даль принял последний вздох Пушкина, которого Соколов любил и почитал. Мог ли оренбургский лекарь не стараться услышать рассказ о том из первых уст?

«Я подарил его М. П. Погодину...» Это сказано Далем о пушкинском сюртуке. Точно так же он мог подарить посмертную маску оренбургскому почитателю Пушкина, к тому же лично с ним встречавшемуся.

Д. Н. Соколов говорил об экземпляре, «приобретенном» его дедом. Как толковал это понятие сам Владимир Иванович Даль? «Приобрести — 1) Достигнуть чего-нибудь, стать обладателем чего-нибудь... 2) Получить, начать иметь...» Значит, не о покупке речь — о получении!

7

Исследователи продолжали поиск.

И вновь он вел в архив — Государственный архив Оренбургской области, что расположен в двух кварталах от музея.

Соколов... Соколовы... Да ведь и Даль был женат на Соколовой!

Первая жена его умерла, он вел жизнь вдовца, пока не приглянулась дочь отставного майора Льва Васильевича Соколова — владельца небольшого имения в деревне Гнездовка неподалеку от Оренбурга, участника Отечественной войны 1812 года. Екатерина Львовна предложение приняла, родители благословили, и в июле 1840 года Даль вступил во второй брак.

Соколовы — фамилия распространенная. Но в данном случае родство, пусть отдаленное, было. Теща Ивана Артемьевича Вера Егоровна, носившая в замужестве фамилию Паскевичевой, доводилась Екатерине Львовне теткой.

Как говорят, «седьмая вода на киселе», а все же повод для общения есть. Тем более, если кроме этого налицо близость других интересов.

Даль с семьей оставляли Оренбург летом 1841 года. Возможно, гипсовая маска перешла к Соколову именно тогда...

...Маска Пушкина хранилась в этой семье много лет.

Дед передал ее сыну: Николай Иванович тоже был врачом и по окончании Казанского университета долго служил в Оренбуржье, снискав себе уважение и признание.

Отец передал ее Дмитрию Николаевичу, который и принес бесценную реликвию в музей.

Принес для того, чтобы ее могли видеть все. Но это вовсе не значит, что подарил.

Сохранилась старая, дореволюционная печатная этикетка. Она сообщает, что выставляемая маска являет собою «редкий экземпляр, один из трех существующих» и что это — «собственность члена Оренбургской ученой архивной комиссии Д. Н. Соколова».

Грянула социалистическая революция, и наследниками богатства Соколовых стали мы все.

Л. БОЛЬШАКОВ

Графическая Пушкиниана Пермской галереи

Пушкин, его жизнь, его произведения не перестают волновать творческое воображение художников. Каждое поколение обогащает изобразительную Пушкиниану новыми страницами.

В собрании Пермской государственной художественной галереи, благодаря целенаправленной собирательской деятельности, накоплено довольно много работ на пушкинские темы. Это произведения графики, живописи, скульптуры, фарфора, лаковой миниатюры. Пушкиниана галереи постоянно пополняется, что дает возможность не

только устраивать тематические выставки, но и изучать богатый материал, делая вполне определенные выводы.

Наиболее значительна и по количеству произведений, и по разнообразию жанров наша графическая Пушкиниана. О ней и пойдет рассказ дальше.

Начало графической Пушкиниане Пермской галереи положил «Портрет А. С. Пушкина» (1899 г.) работы известного русского гравера В. В. Матэ.

История появления портрета в этой коллекции тесно переплетается с историей формирования художественного отдела музея, а впоследствии галереи *. В 1902 году группа пермских энтузиастов разослала письма в Москву и Петербург с просьбой пожертвовать их городу предметы искусства и старины (картины, рисунки, гравюры, скульптуры, изделия декоративного искусства).

В числе эстампов, присланных из гравюрного кабинета Академии художеств, и был офорт В. В. Матэ, созданный по известному произведению О. А. Кипренского.

«Портрет А. С. Пушкина» кисти Кипренского — один из немногих прижизненных натуральных портретов поэта. Известно, что Пушкин не любил позировать. Идея создания портрета принадлежала его лицейскому товарищу А. А. Дельвигу. Созданный в 1827 году, он тогда же был экспонирован на выставке в Академии художеств. Портретное сходство удостоверили друзья поэта. Признал его и сам Пушкин, который написал:

...Ты вновь создал, волшебник милый,
Меня, питомца чистых муз...
Себя как в зеркале я вижу,
Но это зеркало мне льстит...

Вдохновленные О. А. Кипренским, современники поэта и художники последующих поколений сделали с его портрета многочисленные гравюры. В Пермской галерее хранятся работы В. В. Матэ, М. В. Рундальцова, А. П. Троицкого, А. И. Кравченко и других.

Гравюра В. В. Матэ выполнена с отступлениями от живописного оригинала: изображение поэта приближается к погрудному (у Кипренского, как известно, поясное), некоторые детали одежды, галстук, драпировка из-

* Художественный отдел Пермского научно-промышленного музея был организован в 1907 году. Дата открытия Пермской государственной галереи — 7 ноября 1922 года.

Н. В. Кузьмин. «Граф Нулин». Иллюстрация. Рисунок пером. 1959 год

менены или отсутствуют, нет статуи Музы. Вместе с тем художник с исключительной тонкостью сохранил главное, что отличает знаменитый портрет. Работы Матэ и сегодня восхищают нас виртуозностью граверного искусства: легкой, непринужденной офортной линией, мягкой моделировкой лица, переданной свето-теневыми бликами, поразительным многоцветием, достигаемым непостижимо артистичным сочетанием черного штриха с белой поверхностью листа.

Много нового в иконографию Пушкина внесли портреты, исполненные советскими художниками. Каждый из них старался (и старается) воскресить живой, трепетный образ поэта. Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает «Портрет А. С. Пушкина» 30-х годов — работа прекрасного ксилографа А. И. Кравченко. В ней сохранена композиция оригинала Кипренского. Портрету Кравченко свойственна та же взволнованность и романтическая трактовка образа, что и портрету Кипренского.

К числу лучших произведений Пермской Пушкинианы следует отнести портретный рисунок художника Н. В. Кузьмина. Этот портрет поэта был исполнен к

Э. Д. Мосизов: Портрет А. С. Пушкина. Гравюра на металле. 1977 г.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Международной выставке книги в Лейпциге в 1953 году. Созданный единым росчерком пера, он сродни рисункам самого Пушкина.

Известно, что рисовал Пушкин много. Его рисунки являлись выражением его мыслей, воспоминаний, ассоциаций, возникавших в процессе творческой работы. Уверенная линия набросков и композиций исполнена грации, полета, совершенства, а вместе с тем — глубокого психологизма.

Н. В. Кузьмин заметил точно: «Только двадцатый век научился ценить в рисунке А. С. Пушкина эту непосредственность первой мысли, брошенной на бумагу, прелесть намека». В этих словах выражена своеобразная программа и самого Кузьмина. В полной мере относятся они к портрету нашего собрания. Как и другие «пушкинские работы» Н. В. Кузьмина, портрет поступил в коллекцию с персональной выставки художника, экспонировавшейся в Пермской галерее в 1974 году.

Проблема воссоздания образа поэта глубоко волнует художников наших дней.

Стремление проникнуть в глубины пушкинских замыслов и чувств, раскрыть подлинный образ, очищенный от искажений фальсификаторов, отличает портрет-гравюру ленинградского художника Э. Мосизва (1977 г.). Пластичный рисунок подчеркивает высокое чело и благородный профиль Пушкина. Трепетную его натуру Мосизв передает мягкой манерой распределения цвета. На всем облике лежит печать внутренней красоты, не нарушаемой скорбной складкой губ.

...Пушкинские места — Михайловское, Тригорское, Петровское, Святогорский монастырь — вдохновили не одно поколение русских художников. В собрании галереи — графические серии крупных мастеров советского лирического пейзажа П. А. Шиллинговского, Л. С. Хижинского, В. М. Звонцова и других.

Особого обаяния исполнены работы П. А. Шиллинговского из цикла «Пушкинские горы» (1924—1929 гг.).

Рассматривая их, мы испытываем душевный трепет от встречи с самим поэтом, его друзьями, героями его произведений. Проникаешься лирическим настроением, переполнявшим Пушкина, мысленно проходишь с ним по любимым им местам.

«На границе дедовских владений», «Река Сороть»,

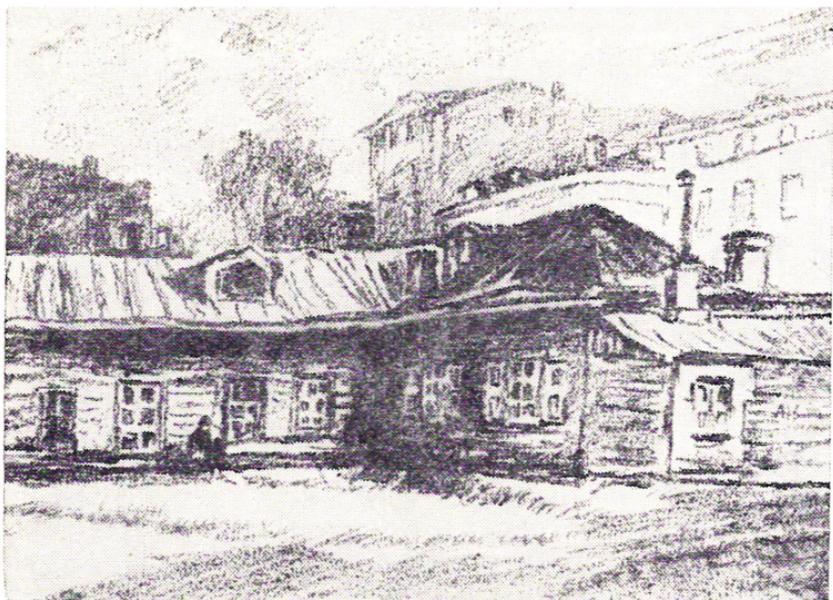
П. А. Шиллинговский. Село Михайловское. Диван Онегина. Автолитография. 1929 год

«Три сосны», «Домик няни», «Скамья Онегина», «Село Петровское»... Невольно повторяешь навеянные ими строки поэта. А вот и знаменитая «Аллея Керн»... Замкнутая разросшимися ветвями вековых лип, она бережно хранит память о той встрече, которая явила миру одну из жемчужин русской лирики:

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты...

Мягкий штрих литографского карандаша Шиллинговского как бы вторит серебристому мерцанию листвы деревьев, создает ощущение легкости, пронизанности светом, воздушности далей. Все в его работах полно поэтической прелести, задушевности.

...Эти лирические по своему настроению листы — дар ленинградского искусствоведа П. Е. Корнилова. Тонкий знаток гравюры и рисунка, он посвятил свою жизнь изучению отечественной графики. Собранные им произведения дополнили не одну музейную коллекцию.

А. В. Каплун. Москва. Дом, где родился А. С. Пушкин. Автолитография. 1937 год

В 1961 году галерея получила подарок ленинградского художника А. В. Каплуна — несколько десятков его работ. Уроженец Перми, он в двадцатые годы активно участвовал в развитии художественного образования края.

Стараясь сохранить для последующих поколений аромат исторической достоверности, художник в своих автолитографиях сосредоточил внимание на точности изображения пушкинских мест («Москва. Дом, где родился Пушкин», «Место дуэли Пушкина»). Этот документализм делает работы нашего земляка еще ценнее.

Никогда еще с такой любовью, с таким вдохновением не работали художники над пушкинской темой, как в советское время. Пушкин стал по-настоящему нашим современником — гениальным современником. Именно об этом говорил ленинградский график заслуженный художник РСФСР В. М. Звонцов на одной из встреч со зрителями персональной выставки своих работ в Перми.

Этого мастера в Пушкинском заповеднике знают и хозяева, и гости. Его ежегодные поездки сюда всегда

В. М. Звонцов. Михайловское. Акварель. 1977 год

плодотворны. Наброски, этюды, зарисовки, выполненные здесь, впоследствии обретают жизнь в законченных листах. Графическая серия Звонцова «Михайловское» экспонировалась не раз.

В Пермской галерее хранятся два произведения этой серии. В акварельном рисунке «Михайловское» и офортном листе «Река Сороть» художник с большим мастерством передал целый мир тонких, поэтических ассоциаций, навеянных древней дедовской вотчиной Пушкиных.

Основную часть нашей графической Пушкинианы составляют иллюстрации к произведениям А. С. Пушкина. Еще в 30-е годы прошлого века появились лубочные картинки на его сюжеты. В коллекции галереи — два композиционных варианта лубка «Романс» («Под вечер осенью ненастной») — на тему юношеского стихотворения Пушкина (1814 г.). Всего же известно 23 варианта этого сюжета, которые выдержали в общей сложности 73 издания.

Народная картинка «Романс» из пермского собрания ранее находилась в коллекции нашего земляка — художника, карикатуриста, журналиста и краеведа Е. Н. Кос-

винцева (1877—1930). Он прошел путь от подмастерья сапожника из Кунгура до журналиста «Правды», а лубочные картинки начал собирать здесь, на Урале. В 1927 году свою прекрасную коллекцию лубка он передал в дар Пермской художественной галереи.

В 1919 году Госиздат Петрограда взялся за выпуск иллюстрированных книг. Это была известная серия «Народная библиотека». Она включала в себя и произведения современных писателей, и классику.

К этой работе был привлечен большой отряд молодых художников, в том числе наш земляк И. В. Симаков (1877—1925). Рисунки к произведениям А. С. Пушкина заняли значительное место в творчестве художника. Главное внимание Симаков уделял изображению кульминационных сцен повествования. Давая выразительные силуэты героев на обложке («Моцарт и Сальери», «Каменный гость»), он как бы сразу вводил зрителя в напряженный сюжет драм.

Иллюстрации А. И. Кравченко дают ярчайшее представление о романтическом направлении книжной графики в 30-е годы. Его ксилографии к маленьким трагедиям («Моцарт и Сальери», «Пир во время чумы», «Скупой рыцарь») — подлинные шедевры советского граверного искусства, советской книжной графики.

Каждая из гравюр к «Моцарту и Сальери» отличается особым эмоциональным строем. Торжественной музыкой пронизана та, в которой Моцарт исполняет на клавесине свой «Реквием». Образ его благороден и светел. Облику вдохновенного музыканта противостоит мрачный, охваченный злостью и завистью соперник. Легким контуром дан пейзаж за окном. Художник придает большое значение деталям, которые помогают восприятию литературного шедевра.

В пушкинском своем цикле художник сумел найти лаконичные и вместе с тем исключительно сильные по эмоциональному воздействию графические приемы. Кравченко был неутомимым в изобретении новых изобразительных средств. Так, часто его гравюрные листы напоминают своей фактурой черную акварель.

Из иллюстраций к роману «Евгений Онегин» следует отметить отдельные листы художников К. И. Рудакова, Н. А. Тырсы и других.

Онегин

Ф. Д. Константинов

Пушкинский кабинет ИРЛИ

Иллюстрации к «Евгению Онегину».

Татьяна

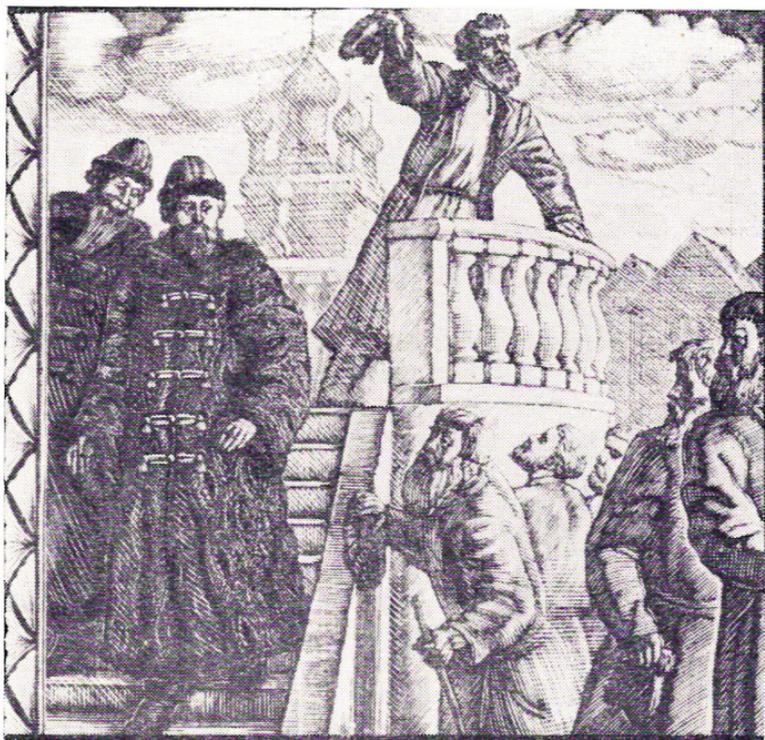

Ф. Д. Константинов. А. С. Пушкин среди декабристов в Каменке. Гравюра на дереве. 1965 год

Заслуженный художник РСФСР, член-корреспондент Академии художеств СССР Ф. Д. Константинов считает Пушкина своим любимым поэтом. В галерее хранятся 50 его гравюр на дереве — иллюстрации, заставки, концовки, виньетки к пушкинскому роману; каждая из гравюр соответствует определенной строфе великого произведения. Яркие и выразительные листы, посвященные главным персонажам.

А сколько прелести, задушевности, наивности в миниатюрных композициях, изображающих сельскую природу, бытовые деревенские сценки, городские пейзажи! Даже в концовки и виньетки художник включает сложный повествовательный сюжет. Здесь резец особенно виртуозен; рука мастера и взволнованная душа художника доносят до зрителя все богатство лирических отступлений («Осень», «Невский проспект», «Господский дом уединенный», «Зима» и другие). Отдавая дань лирическому началу в гравюрах Константинова, искусствовед Ю. Кузнецова справедливо замечает: «Из гравюр, навеянных поэтическими описаниями природы, могла бы быть составлена целая сюита «Времена года».

Одной из вершин творчества выдающегося советского графика В. А. Фаворского являются гравюры к драме

В. А. Фаворский. «Борис Годунов». Лобное место. Иллюстрация. Гравюра на дереве. 1954 год

А. С. Пушкина «Борис Годунов» (их у нас одиннадцать). Царь Борис и народ — вот герои, которых видит художник. В своих гравюрах Фаворский передает эволюцию образа Бориса — от спокойного и величавого, одинокого и мечущегося до отверженного всенародно и проклятого устами юродивого. Особенно потрясает последний лист — «Смерть царя Бориса».

Перечень иллюстраций к произведениям А. С. Пушкина, хранящихся в Пермской галерее, будет не полным, если мы не назовем офорты народного художника РСФСР П. П. Оссовского («Борис Годунов»), 11 офортов Е. И. Конькова («Сказка о золотом петушке»), гравюры на дереве заслуженного художника РСФСР М. И. Полякова («Пиковая дама»), литографии заслуженного деятеля искусств РСФСР А. Н. Самохвалова («Руслан и

Людмила», «Домик в Коломне»), В. М. Свешникова («Сказка о царе Салтане»).

Каждый из этих листов — вклад их авторов в советскую Пушкиниану.

Р. АНДАЕВА, Е. ЕГОРОВА, А. ЧЕРНЯК

Автор — художник Прохоров

В Оренбургском музее изобразительных искусств сосредоточена основная часть творческого наследия художника-графика Н. Д. Прохорова (1896—1942 гг.).

В Оренбурге прошло его детство; отсюда в 1912 году он уезжает в Пензу и поступает в художественное училище им. И. Д. Селливерстова. В 1918—1921 годах боец Красной Армии Николай Прохоров воюет за Советскую власть.

После учебы в Ленинграде, в Академии художеств, и более чем 10-летней плодотворной работы в Ленинградской организации художников Николай Дмитриевич в 1935 году возвращается в Оренбург.

Естественно, что мысли, чувства художника часто обращались к Ленинграду и в его сердце возникали какие-то связи между настоящим и недавним прошлым. Завязываясь, эти нити сходились на образе замечательного русского поэта А. С. Пушкина, без которого немислим эмоционально-эстетический облик Петербурга-Ленинграда. Оренбург, так много хранивший в своем облике черт, увиденный острым пушкинским взглядом, вызвал желание пройти вслед за Пушкиным по сентябрьскому городу 1833 года.

Город, в котором сплелись воедино, мирно соседствуя, черты восточной и европейской цивилизации, должен был заинтересовать поэта прежде всего определенно выраженным в то время восточным колоритом. Восток был в неторопливости, неспешности ритма жизни, в изяществе, легкости взлета минаретов, плывущем шаге верблюдов, шумном многолюдии базаров.

Пушкин у Прохорова — образ романтический, возвышенный. Художник удлинняет пропорции фигуры, добивается экспрессивной выразительности силуэта, постигает динамику жестов. Пушкин — в движении, автор лис-

Н. Д. Прохоров. Пушкин и Даль в Оренбурге. Ксилография, 1936 год

Пушкинский кабинет ИРЛИ

*Н. Д. Прохоров. А. С. Пушкин с крестьянами. Ксилография.
1936 год*

тов — в поиске, постоянном поиске. Обратимся к акварели и гравюре на дереве с одинаковым названием «Пушкин на оренбургском базаре» (1936 г.).

В акварели, сохранившей овальную замкнутую композицию рисунка, акцент сделан на взаимодействии, взаимосвязи Пушкина и казахов, Пушкина и солдат на базаре. Главенствующее значение поэта в композиции подчеркивается включением пушкинской фигуры в строгую рамку столбов с перекладиной, к которой подвешены весы. Геометрически четкие линии столбов контрастируют с живой, полной движения фигурой поэта. Условная цветовая гамма синих, сиреневых, лиловых тонов придает жанровой сцене поэтическое звучание.

Гравюра отличается большей цельностью композиционного решения, более строгим ритмом линий. Художник подчеркивает теплоту, доверительность в отношениях поэта и бедного люда: казаха в остроконечной шапке, мужика в белом фартуке, солдата с пышными усами.

Некоторая необычность образа Пушкина объясняется желанием художника увидеть поэта глазами простых людей; в его работах они всегда пребывают в самом оживленном с ним общении.

С Оренбургом Пушкина знакомил Владимир Даль. В следующей гравюре (того же 1936 года) мы видим вместе с Пушкиным и Далем старика-казаха, сопровождающего свой рассказ выразительным жестом руки. Усиление тревожных, драматических нот в гравюре связано с желанием раскрыть цель приезда поэта в Оренбургский край — сбор материалов по истории Крестьянской войны под руководством Е. Пугачева. Все здесь погружает нас в эмоциональную атмосферу напряжения мыслей, чувств поэта, столь остро ощутившего здесь, в Оренбуржье, эхо грозových раскатов недавнего еще прошлого.

Некоторая наивность в изображении персонажей гравюры «А. С. Пушкин с крестьянами» (1936) не исключает их характерности: главная рассказчица — маленькая, сгорбленная старушка, заставляющая вспомнить персонажи русских народных сказок; ее внимательно слушают ясноглазые деревенские ребятишки, могучий широкоплечий мужик, в натуре которого угадывается активность, независимость; в центре же листа — фигура сидящего Пушкина, спокойного и сосредоточенного; энергичное, умное лицо исполнено вдохновения, делающего его по-особому привлекательным.

Более жанровый характер носит изображение встречи Пушкина с крестьянами в акварели. Легкие мазочки черной акварели свободно лепят фигуры людей, силуэты деревьев, крылечко, на котором ведут непринужденный разговор собеседники. Художник, уточняя тему беседы, вводит в число слушателей казака в высокой черной шапке с темными усами и окладистой бородой, прозрачно напоминающего известный портрет Пугачева, выполненный при его жизни в Илецком городке.

Есть у Прохорова и рисунок на ту же тему — «Пушкин и рассказчица».

Завершает серию графический портрет Поэта, в композиционных моментах восходящий к знаменитому пушкинскому портрету работы Тропинина, но здесь мы видим усталость в печальных глазах, в складках рта — горечь. Внутренняя драматическая нота усиливается обостренными контрастами черно-белых пятен, глубиной, массивностью черных заливок по полю листа, резкостью штрихов.

Страстно увлеченный творчеством Пушкина, худож-

ник, будучи талантливым и опытным иллюстратором, обратился к «Кавказскому пленнику» (1937).

Рассматривая иллюстрации, чувствуешь увлеченность художника; все они исполнены на одном дыхании. В них органично слились непосредственность восприятий живой природы (художник бывал на Кавказе) и умение подчинить натурные впечатления общей декоративно-ритмической организации целого.

Сама природа как бы воплощает гордый, независимый дух поэмы; для художника герои поэмы не существуют вне человечески-одухотворенной природы, они сами ее неотъемлемая часть. Так ведь и у Пушкина — его лирический герой «...бури немощному вою с какой-то радостью внимал».

В акварельном листе Прохорова яркое, малиновое пятно рубахи пленника на сурово-синем фоне неба как бы горит тревожной радостью, сжигающей душу.

Глубоким проникновением в текст литературного источника отличается и другая иллюстрация — «Черкешенка приносит вино». Появление девушки пленник воспринимает как пленительный сон наяву, как призыв к жизни. А как раскрыта трагедия человека! Она — в распростертой на вершинах гор фигуре пленника, в самих этих вздыбившихся резкими гранями горах, в зловещем темно-синем пятне на воде с мерно расходящимися кругами.

Как ни странно, «Кавказский пленник» почти не привлекал внимания иллюстраторов. Гравюра С. Галактионова по рисунку И. Иванова, приложенная к первой публикации поэмы в «Полярной звезде» за 1825 год, рисунок художника В. Маковского, жанровая трактовка которого совершенно чужда острому трагизму романтической поэмы Пушкина — вот и все, что можно вспомнить. Тем обиднее, что акварели Н. Прохорова никогда не были опубликованы — впрочем, как и все рассмотренные выше его гравюры и акварели на пушкинскую тему.

А ведь это, без сомнения, очень интересный и своеобразный раздел графической Пушкинианы, созданной русскими и советскими художниками.

Л. МЕДВЕДЕВА

Тропа к великому поэту

Скоро уж полтора века как приезжал в край Оренбургский великий поэт России. Не долгим было пребывание его здесь, но след оно оставило огромный. След в творчестве Пушкина и след в жизни Оренбуржья — того времени и долгих времен последующих.

Скульптурный Пушкин получил постоянную прописку на высоком берегу Урала, у здания бывшей гауптвахты, превращенного в филиал краеведческого музея; есть в нем наглядные материалы о бессмертном сыне нашей Родины.

Памятники Пушкину установлены в Бердах, в Татищеве, в Орске и других местах Оренбургской области. Его имя здесь носят три колхоза, полтора десятка улиц и площадей, несколько библиотек, театр.

С июня 1978 года Оренбург стал полноправным участником Всесоюзного Пушкинского праздника поэзии. Ежегодно сюда приезжают дорогие гости — поэты России и братских республик нашей страны.

Михаил Львов, Владимир Жуков, Владимир Осинин, Владимир Кочетков — участники первого такого праздника — выступали не только в Оренбурге, но и в Октябрьском, Саракташском, Переволоцком районах.

На следующий год эстафету подхватили Валентин Берестов, Олег Дмитриев, Сергей Давыдов, дагестанец Газим-Бег Багандов. Встречи с читателями и почитателями поэзии прошли в педагогическом институте, на газовом комплексе, в областной библиотеке имени Н. К. Крупской. Вместе с оренбургскими писателями гости провели также литературные вечера в Сакмаре и Татищеве.

В Тюльганском, Переволоцком, Октябрьском районах, в областном центре — Оренбурге выступали в 1980 году Павло Мовчан, Владимир Леонович, Ольга Ермолаева и другие поэты.

Важным событием явилась Первая Оренбургская Пушкинская конференция.

Конференция собрала ученых из Москвы, Уфы, Горького, Казани, Уральска, Челябинска, Оренбурга и городов области. Были прослушаны десятки докладов и сообщений, в большинстве своем непосредственно связанных с оренбургской поездкой А. С. Пушкина, ее воздей-

ствием на творчество автора замечательных произведений.

Широко известны плодотворные разыскания Р. В. Овчинникова — старшего научного сотрудника Института истории Академии наук СССР (Москва). «Новые архивные источники о персонажах произведений Пушкина на исторические темы» — такова тема его доклада.

В том же русле работают исследователи из Уфы — научные сотрудники Башкирского филиала Академии наук СССР И. М. Гвоздиков и В. В. Сидоров, доложившие на конференции о своих находках.

Много нового услышали участники конференции от доктора филологических наук, профессора Горьковского университета С. А. Орлова («Пушкин на пути в Оренбург»), кандидата филологических наук из Уфы С. Г. Сафуанова («Пушкин и башкирский народ»), кандидата филологических наук из Казани Л. М. Котельниковой («Пушкин и казанская общественность 30-х гг. XIX века»), заведующей Казанским музеем Евгения Баратынского В. Г. Загвоздкиной (о казанской встрече двух поэтов), доцента из Уральска А. И. Белого, челябинского фольклориста кандидата филологических наук В. А. Михнюкевича и других.

Изучают жизнь, творчество гениального поэта и оренбургские исследователи. На конференции выступили профессор П. Е. Матвневский, зав. отделом областного краеведческого музея С. А. Попов, кандидаты наук Ю. С. Зобов, А. Г. Прокофьева, заслуженные учителя школы РСФСР М. М. Чумаков, Н. Г. Хлебников, краевед П. С. Филатов и другие.

Научным руководителем конференции был член Союза писателей СССР, кандидат филологических наук Л. Н. Большаков.

Конференция стала заметной вехой на пути более полного постижения всемирно-исторического значения Александра Сергеевича Пушкина.

«Записки Винского». Б. г., б. м.

Из карточки в каталоге Оренбургской
областной библиотеки.

Винский Г. С. Мое время. Записки.
СПб., «Огни», 1914.

Полная библиографическая аннотация.

Винский Григорий Степанович
(1752 — после 1818) — мелкопомест-
ный украинский дворянин, автор «За-
писок», которые охватывают период с
50-х гг. XVIII в. до 1793...

Большая Советская Энциклопедия, т. 5,
1971, с. 250.

Л. БОЛЬШАКОВ, — Известен ли вам Винский? —
Т. БОЛЬШАКОВА спрашивали мы знакомых литераторов
и историков литературы.
ВИНСКИЙ, Разводили руками: нет, не извест-
ИЗВЕСТНЫЙ тен.
И НЕИЗВЕСТНЫЙ — Что вы знаете о Винском? —
взывали к знакомым философам.

Оказалось: не знают.

Обращались ко многим историкам —
студентам, школьным педагогам и
даже «педагогам педагогов».

Один только Матвиевский Павел
Евменьевич, профессор пединститута
и многоопытный историк Оренбуржья,
откликнулся, так сказать, положительно:
«Как же, эта личность мне извест-
на — в литературе попадалась, мемуа-
ры читал...» И пояснил: «Он в этом
крае ссылку отбывал — на рубеже
XVIII и XIX веков».

...Единственный утвердительный от-
вет на множество отрицательных... Не
густо!

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

Наиболее подробные сведения о Винском среди советских изданий энциклопедического характера содержит «Рядянська Енциклопедія історії України».

Первый том, страница 281-я:

«Родился в г. Почепе, Стародубского полка (теперь Брянской области). Происходил из мелкопоместных украинских дворян. Учился в Киевской академии. В 1770—1775 гг. находился на военной службе в Петербурге, где и жил после выхода в отставку до ареста в 1779. Желая отомстить В. за вольнолюбивые мысли, царские власти клеветнически приписали ему уголовное преступление. В. был осужден на вечную ссылку в Оренбург с лишением чинов и дворянства...»

Но это же только беглая, поверхностная канва его жизнеописания!

Делает ли она незнакомого человека знакомым?

Высвечивает ли историческую личность таким образом, что ты уже вправе сказать: «Теперь я его себе представляю»?

«Записки Винского» есть, оказывается, в фондах областной библиотеки и незачем ждать, пока пришлют их по заказу из Москвы или Ленинграда. Правда, экземпляр без титульного листа и предисловия, а потому в каталоге и значится «б. г., б. м.» — то есть «без года, без места». Но все прочее, кажется, присутствует, и в относительной сохранности.

Значит, откроем мемуары. И то же предложим сделать вам.

Откроем их вместе.

II

Над введением два слова: «Мое время».

Вольнолюбие, свободомыслие автора уже на этих, первых страницах.

«Заглавие, — читаем, — принадлежит венценосному сочинителю...» Но — «порфирородный (имеется в виду прусский король Фридрих II — автор «Истории моего

времени») жил, имел свое время; я живу, имею мое; итак, каждому свое». И потому: «Я намереваюсь писать о себе, для себя, для своих; следовательно, я буду писать, как умею, не поставляя себе образцами ни Ксенофонов, ни Титов Ливиев, ниже К...»

«К» — несомненно — Карамзин, который ему явно не близок, и прежде всего своей главной направленностью: «препровождать до позднейшего потомства громкие подвиги витязей, славу владык».

Мемуарист не намерен «втесниться в лик творцов сочинений». Нет, нет и нет. «Слог мой, подобно деяниям, будет прост, но правдив...» Правдив!

...Записки рождаются в томительном одиночестве. Все, что было в его распоряжении, прочитано и перечитано. То, что задержалось в «старой голове», много раз передумано.

«В средних letech» он, по собственному признанию, «много писал, перелагая из иноземных на отечественный язык истины, тогда у нас неизвестные». Сейчас это делать «не из чего» («истины», способные взволновать, до него не доходят», да и «не для чего» — здесь их излагать-передавать некому, связь же с внешним миром поиссякла.

Так Винский приходит к мысли о мемуарах.

«Я хочу писать мою жизнь и какие мне памяты важнейшие, случившиеся в течение оной происшествия...»

В помощь себе он призывает «свою богиню» — Истину.

III

Город, в котором наш герой родился (вероятнее всего — в 1753-м), был небольшим «малороссийским» — украинским — городком. Родители его обладали единственным богатством — здоровьем и молодостью. Поженились они, когда Степану Винскому шел двадцать первый, а Марии Пискаревской едва исполнилось шестнадцать. Григорий гордился тем, что явился первенцем у молодых, неискушенных родителей, был вскормлен материнской грудью, а значит, получил с жизнью «чистую кровь, здоровые соки», что, в конце концов, по его мнению, дает человеку «крепкое тело и мужественную душу».

Винскому-мемуаристу близки мысли, созвучны чув-

ства героя романа Лоренса Стерна «Жизнь и убеждения Тристрама Шенди»; он одобряет и приветствует его выводы о том, что вся жизнь людская прямо зависит от того, кем, при каких обстоятельствах и в каком душевном настроении зачат будущий человек.

«О любезный Шенди!.. Каким бы я мог быть доказательством твоего умствования! Ни десятилетняя в молодости самая распутная петербургская жизнь, ни шестинедельное в подземном сыром погребе заключение, ни заточение в суровый башкирский край и тридцатилетнее в оном пребывание, ни все удары несчастья не могли совершенно разрушить или ослабить мое крепкое сложение. Теперь, имея 61 год от рождения, я многих еще заставлю себе завидовать по наружности. А внутренно? О! Я еще живу...»

В своем взгляде на наследственность Винский на стороне Шенди. Он шендеист и в жизни, и в философии. Со всеми плюсами и минусами сторонников шендеизма — течения, тогда популярного.

Степан Акимович умер в двадцать четыре. Мария Артемьевна, его юная жена, на двадцатом году жизни осталась вдовой с двумя детьми. А скоро Григорий и младший, Осип, переехали в Котляковку — имение отчима.

Но ничего этого Винский по молодости своей не помнил. В памяти «зацепились» лишь отдельные эпизоды раннего детства в местечке Баклань, куда Михаила Васильевича Губчица, их нового «отца», человека неласкового, угрюмого, к детям несправедливого, определили сотником.

Ну, а школа в той же Баклани представлялась ему уже не смутно, а вполне реально, осязаемо.

«После субботней вечерни все ученики собирались в школу и, не садясь по местам, а стоя, ожидали дьяка. При вступлении в школу он был приветствован ото всех в один голос: «Мир ти, благий учителю наш». На что он отвечал: «Треба секты вас» и тотчас начинал экзекуцию: «Учись, не пустуй, помни субботу»... Те, которых матери присылали дьяку получше млынцев, боланцев, паленцов и того-другого, получали удары по платью; а бедняки, или у кого матери были скупы, расплачивались голыми задами...»

«Проклятая поповщина! Где ты не злочинствова-

ла?» — спрашивал-восклидал Винский, вспоминая много-много лет спустя приходскую школу.

А вот домашний учитель Дворецкий, родом из Сосницы, запомнился иным — добротой. Эта доброта отнюдь не помешала ученику неплохо усвоить латинский; не зная его, продолжать учебу он не мог.

IV

Рано узнав деспотизм отчима, Григорий тем не менее не озлобился.

«В детских играх (я) душевно равнялся с низшими, но господствовать ни сам не любил, ни над собою не терпел. Сие... осталось во мне на всю жизнь...»

«С юнейших лет (я) не уважал богатства и не дорожил деньгами до того, что даванные мне иногда несколько копеек отдавал первому, кто захотел бы их взять...»

...И образование, и воспитание продолжены были сначала в Чернигове, а потом в Киеве.

«Киевская академия»... Пять лет жизни... Готовила она к службе духовной, и изучали там грамматику, петику, риторику, философию, богословие, языки латинский, польский, греческий, немного немецкий и французский. Остальные науки «академикам» были неизвестны. Настолько неизвестны, что... «ежели бы добрый человек, квартировавший тогда в Киеве, канонерского полка штаб-юнкер Паченко, не показал мне первых правил арифметики, я бы принужден был считать по пальцам».

Киев Винский покинул летом 1768-го. Несколько месяцев в частном пансионе — занимался только французским, и на шестнадцатом году жизни школьное его учение закончилось.

Начиналась служба.

Вступал в нее с любопытством и страхом, вполне сознавая, что постиг не многое. Потом он процитирует Луи Себастьяна Мерсье: «Все науки, даже и божественная астрономия, суть только роскошь ума человеческого, одни мораль и политика ему необходимы».

Но «сию важную истину» оценить ему довелось уже позднее.

Позднее был осмыслен и первый жизненный опыт.

Винский задумался над проблемами «полезнейшего научения юношества» и пришел к выводам о пагубности

для человеческой личности того, что вступающих в жизнь заставляют «занимать места в обществе, совсем несообразные ни с их склонностями, ни с их способностями», что «научение в публичных и частных училищах есть для всех одно и то же», что «научение почти повсеместно принимается за воспитание», а родители не стараются «прежде воспитывать, потом научать» чад своих.

«Россиянина должен воспитывать непременно россиянин; научение же можно попустить и иностранцу, только бы воспитание оному предшествовало и никогда из вида не потерялось...»

«Дать просто жизнь, по строгой справедливости, не составляет великого благодеяния; одно воспитание может доставлять отцам неоспоримое право на детскую благодарность, повинование и пособия...»

«Правительство непременно обязано поддерживать нравственность; без того она бесполезна и не может иметь никакой власти над сердцами. Законы должны быть пополнением и доказательством нравственности, внушенной воспитанием...»

«Ясные и простые правила нравственности гораздо легче для понятия, нежели догматы и заповеди духовные, которых не только поучающиеся, но и сами поучающие, по совести, не понимают...»

Просветительские, педагогические идеи Винского опирались на уроки, полученные в детстве и юности, на опыт всей жизни.

V

Не раз воспевает он гимны родному своему народу, и прежде всего людям простым, звания крестьянского. Добронравию их и дружелюбию, веселости, гостеприимству и откровенности, трудолюбию, почтению к старшим, супружеской верности... многому и разному, что в полной мере оценил лишь позднее, когда Украина стала для него далеким, невозвратным прошлым.

...В марте 1770 года Винского повезли в Санкт-Петербург, а по приезде доставили в Измайловский полк. И тотчас обнаружилось в нем отвращение к казарме, к муштре: «Я во все продолжение моей четырехлетней службы был неизменно самым худым служивым». Полковая служба свела его — лицом к лицу — с такими

пороками, о которых он и не слыхивал. «Хотя воинское звание по наружности имеет вид строгого присмотра, но в самом существе едва ли какое другое из общественных состояний доставляет более своеволия. Умел бы только опрятно одеваться, проворно вертеться, раболепнейше повиноваться — вот и желаемые качества в военном. Нравственность же, ежели в котором полку, по каким-либо особенным обстоятельствам, не уничтожается все-совершенно, то не наблюдается ни в одном...»

(Как перекликается это с наблюдениями и выводами Тараса Шевченко из его «Дневника» мангышлакского периода жизни! «Солдаты — самое бедное, самое жалкое сословие в нашем православном отечестве. У него отнято все, чем только жизнь красна: семейство, родина, свобода, — одним словом, все. Ему простительно окунуть иногда свою сирую, одинокую душу в полштофе сивухи. Но офицеры, которым отдано все, все человеческие права и привилегии, чем же они разнятся от бедняка солдата?.. Ничем они... не разнятся, кроме мундира... Хорошо должно быть воспитание? Бесчеловечное воспитание».)

Спасла Винского любовь к наукам, к чтению. У своих земляков одну за другой обнаруживал он «значительные библиотеки» и тут «не досыпая иногда ночей, познакомился... с Роллениями, Лесажами, Вольтерами и получил такое пристрастие к чтению, что никогда никакое занятие не брало... поверхности над оным».

Многозначительно и следующее признание: «По страсти к чтению, не трудно поверить, что я имел любопытство и то узнать, чего в книгах не печатали».

Узнавал от гвардейских офицеров из придворных кругов, от тех, кто бывал в заграничных поездках («батальон гвардии, сопровождавший графа Орлова в Архипелаг и довольно времени проживший в Италии, сколько привез с собою прекрасных новостей!»), от приезжавших в столицу «иностранцев и более французов»:

Что именно узнавал — об этом можно судить по нескольким печатным страницам обзора политической жизни Европы и Азии, а равно России; не воспроизводя его суждения в подробностях, скажем только, что с официальными данными они, в большинстве своем, расходились.

Ну, хотя бы такое — это из событий внутренних:

В марте месяце (1775 года.— *авт.*) государыня, при торжественном заседании в Сенате, пожаловала народу 47 милостей. Сии милости, для овековеченья их внесенные в государственную хронологию, тогда же, по суждению некоторых крутых голов, не стоили ни одной дельной».

Или другое — об увеличении «судебных мест»: «...грубой хлебопашец скоро почувствовал от сея перемены невыгоду, поелику, вместо трех баранов в год, должен возить их до 15-ти в город». О чем это? О лихоимстве, о взяточничестве...

«Кукольной игрой» нарек Винский учреждение совестного суда. И подкрепил свой изначальный вывод примером уже более позднего времени: «Я, четыре года живши в доме совестного уфимского судьи, видел, как его Алешка, бутуз, гонял со двора несчастных чуваш и мордвов, притекавших к совестному правосудию; как судья сам хвастал, что в двенадцать лет его судейства и двенадцати дел не поступило в суд...»

И чем дальше, тем больше порицал он ту, которая, по его словам, все ревностнее старалась «бросить пыль в глаза Европы и обморочить потомство». Он бичевал Екатерину за гонения на «людей благонамеренных, с знаниями и душами», за ее фаворитов-сатрапов и то, что пустилась государыня «наслаждаться всем, без многих оглядков», за корыстолюбие знатных, взяточничество сильных, падение нравственности среди вельмож и их супруг.

...Не выдержал тогда Винский: «испросил себе увольнение от службы, не имея начисто ничего в предмете».

Отставка была принята.

Но как жить дальше?

VI

Давний знакомый и приятель его Острожский, на ту пору московский адвокат, пригласил земляка пожить с ним вместе. Винский согласился и в течение года делил с ним все — кров, стол, досуги.

Однако могло ли продолжаться так бесконечно?

Поразмыслив, решил вернуться в Почеп. Вернулся. Но скоро обнаружилось, что «ни средств там себя содержать, ни же какой-либо надежды улучшить... поло-

жение службою или определением к какому месту» у него нет.

Пустился в обратный путь — снова в Петербург. За три недели добрался туда. Но и здесь перспектив у Винского не было. Сегодня он не знал, что будет делать завтра. Плыл, как говорится, «по течению». Так приплыл и к женитьбе на Лорхин Фродинг — молоденькой девушке, сестре его нового приятеля. Впрочем, эта женитьба, «составленная без всяких видов и цели, не учинила в... жизни (его) ни сколько значущей отмены».

Все более влекли к себе нашего героя люди нравственные. Тесное знакомство свел он с Леонтием Петровичем Соколовым. «Качества сердца его виднейшие были: самый кроткий нрав, человеколюбие, сострадание и бескорыстие». Все, что имел, Соколов отдавал людям, низвергнутым в бедность «разными ударами судьбы». Сам же «здравым, что называется, рассудком наделен был достаточно», и вскоре они «сделались искренними друзьями».

Никакого отношения к обнаруженной властями в 1779-м краже из государственной казны ни Соколов, ни Винский не имели и иметь, естественно, не могли. Но «неблагонамеренность» их была взята на заметку еще раньше и решили «власть предержащие» с «опасными лицами» расправиться, используя для этого любой предлог и повод. Тут «повод» был: Винский однажды пытался получить из банка довольно крупную сумму, пользуясь фиктивной закладной на якобы принадлежавших ему 120 крестьян, в то время как за ним оставалось только 38. Тогда, уличив в обмане, его только увещевали, сейчас же с легкостью необыкновенной приписали к уголовному делу, по которому проходила целая группа дворянской молодежи (был там, между прочим, и Григорий Радищев — брат знаменитого в будущем писателя). Сначала Соколов, а затем и Винский оказались в Петропавловской крепости.

В Петербурге все заговорили о раскрытии «важного заговора». Какого? Какие цели преследовавшего? — этого не знал никто: «Секретная комиссия» при Сенате действовала в полной тайне.

Между тем Винского бросили в темноту тесной и сырой одиночки. За что? Этому не знал и он. В чем его вина? Его и других, «которым не объявлено даже, за что

они воровски похищены из своих жилищ и, прежде всех вопросов и суждений, преданы уже найтягчайшему тюремному наказанию?»

— До сведения ее императорского величества дошло, что в Санкт-Петербурге многие молодые люди из дворян, проживая праздно, ведут жизнь крайне подозрительную, утопают в распутстве, затевают дела самые незаконные, клонящиеся к потрясению всего благосостояния общества,— обращался к нему на допросах председательствующий.—...Укрывательство с твоей стороны будет совершенно тщетным, ибо все твои деяния, до малейших, комиссии известны.

Известны? Какие именно?

Четырнадцать месяцев, даже больше, провел Винский в каземате, но государственной преступности своих «деяний» не постиг...

...Суда не было. Приговор был. И суровый: в ссылку. Навечно!

В тот же день, под вечер, две пароконные повозки отправились в далекий путь по зимней России. Арестанта конвоировали три «телохранителя».

На выезде из Санкт-Петербурга в повозку к Винскому почти на ходу вскочила Лорхин: она решила до конца разделить судьбу мужа.

— Да ты, моя милая, замерзнешь!

— Нет, нет, мне подле тебя будет тепло.

«Конечно, невероятный, по нынешним временам, поступок,— вспоминал он потом.— Но оный точно произведен в действие 16-летней иностранкою, вырвавшеюся из рук родных в домашнем платье и в одной мантилии решившеюся с мужем ехать в изгнание за 2500 верст...»

Много лет, и даже десятилетий, спустя отправятся этим путем в сибирские дали жены и невесты декабристов. Мы знаем их поименно: Трубецкая, Волконская, Анненкова, Ивашева... Так вспомним же, что была у них предшественница — Элеонора Карловна Винская.

«Неизвестного нам Винского» отважная жена...

VII

В пути они соединились, в пути и расстались. Это уже о Винском и его «сопроцессниках» — прежде всего, о Соколове.

Леонтий Петрович следовал в Тобольск с шестью рублями в кошельке. Но четыре с полтиною уплатил он за кибитку, чтобы беременной жене приятеля покойнее было в дороге.

«О вы! Кузьмичи, Ильичи, Андреичи, Фалалеичи, и вы все любимейшие чада Плутуса, все миллионы свои нажившие самыми «благонамеренными» средствами, кто от кабаков, кто от промыслов, кто от подрядов, кто от закладов, скажите по совести: в состоянии ли кто-нибудь из вас тысячною частицею своих сокровищ пожертвовать для нужды ближнего?»

Соколов отдал почти все.

...В феврале 1780-го добрались Винские до Оренбурга.

«Проехавши Каргалу и приблизившись к девятой версте, открылась мне необозримая равнина, покрытая снегом, не имеющая не только деревьев или кустов, ни же каких-либо видных из-под снега растений. На правой стороне видно было кругловатое возвышение; с левой — два довольно высоких хребта; впереди — город Оренбург, как груды собранных в одно место церквей и колоколен. При первом обозрении сердце затрепетало и мысли сказали: «Вот твое жилище и гроб!»...

Разговор с вице-губернатором мрачное настроение усугубил.

— Ваше сиятельство, до сегодняшнего дня я получал казенное содержание; теперь как изволите приказать?

— Ты прислан сюда на житье, а о содержании твоём ничего не сказано...

— Чем же я буду жить?

— Будешь сыт, было бы что есть...

Развеела унынье Лорхин. Лицо ее светилось радостью: трудный путь позади, они вместе и нераздельны. Но той же ночью женщина почувствовала себя худо. Закончилось тем, что родила она мертвого ребенка. «Беспокойствия в дороге и другие потрясения повредили несчастное творение, носимое ею под сердцем...»

По рекомендации того же вице-губернатора Винский стал секретарем у откупщика Астраханцева.

«...Я мог бы, как и другие, кое-чем для переды заставить, ежели бы решился пред богачами ползать, глупцам вторить, бездушников хвалить, волокитам помо-

гать и прочее, весьма обыкновенное, между всеми «лучшими» нынешними людьми. Многие... может быть, называют меня дураком... пусть и так; но подлецом, по справедливости, никто не может меня назвать».

Два года спустя с Астраханцевым и его присными он распростился: «откуп кончился... кабацкие дела прекратились».

Приехавший в Оренбург Шишков — сослуживец Винского по Измайловскому полку — предложил ему перебраться в Уфу, ставшую тем временем губернским городом. Перебраться в качестве домашнего учителя детей его приятеля — тамошнего чиновника.

«...Уча, на досуге можно и самому учиться, что точно со мною сбылось, ибо я, пробывши около 16 лет в разных домах учителем, ежели не выпустил своих учеников виртуозами в науках, зато сам столько успел в знании французского языка, что мог читать и переводить всех родов авторов без словарей...»

Он почувствовал вкус к учительствованию.

VIII

«Надобно быть допущену во внутренность домов дворянских... дабы видеть все своевольства ежедневно в сих вертепах...»

В большинстве домов, убедился Винский, тиранили дворовых за малейшую провинность (и без всякой вины), устраивали им экзекуции. «Сколько раз я бывал заступником, ходатаем за таковых несчастных, и всегда почти безуспешно...»

Утехой и усладой жизни стали для него книги. С увлечением прочел он сочинение аббата де-ла Порта в переводе Якова Булгакова «Всемирный путешественник, или познание Старого и Нового света, то есть описание всех по сие время известных земель». Книга разожгла в нем интерес к знаниям.

Уже тогда в Уфе имелись достаточно большие книжные собрания. Был представлен в них и Вольтер — он первым заохотил Винского «читать и рассуждать», первым же натолкнул на мысль о переводах прочитанного на русский. В этой, переводческой, деятельности поддержал Григория Степановича образованный офицер Арсеньев, долгое время живший за границей. И стал Винский все внимательнее следить за новинками. Так

появился у него утопический роман «Год две тысячи четырехста сороковой» Луи-Себастьяна Мерсье.

«Увидевши в каталоге книгу под названием L'An 2440, я тотчас ее выписал. С первых глав: Сон, Греза обзехотили было меня заняться сею книгою: но, прочитавши внимательнее приношение самому лету (то есть году 2440-му.— *авт.*), я ощутил в душе моей неизъяснимое влечение полюбить сего смелого сочинителя, твердого поборника истины и неустрашимого защитника прав человечества...»

Труд Мерсье не очень давно переиздан в серии «Литературные памятники» — издательство «Наука» сделало его известным любознательному читателю и наших дней.

Винского в нем поразило тогда, прежде всего, «приношение самому лету» — Посвящение далекому году.

«О высокочтимый, священный год всеобщего благоденствия, который, увы, я видел только во сне! — восклицал Мерсье, начиная свою книгу.— Придет твой черед, вечность исторгнет тебя из лона своего, и те, кому будет светить тогда солнце, так же равнодушно станут попирать ногами прах мой, как и прах следующих тридцати поколений, коих одно за другим поглотит бездна смерти. Исчезнут короли, ныне сидящие на тронах, исчезнут их потомки, и ты тогда будешь вершить суд над почившими этими государями и над сочинителями, что были им подвластны. В сиянии славы, чистой и лучезарной, дойдут до тебя имена друзей человечества, защитников его. Имена же злодеев, сей подлой королевской черни, коей немало предстоит еще терзать род людской, канут в пучину забвения, более глубокую, чем смерть, и потому лишь избегнут позора и поношения...»

Это был роман утопический. Но Мерсье, в отличие от своих предшественников, проричал идеальное будущее не на воображаемом острове Утопия — как Томас Мор, не на острове Тапробана — как Кампанелла, не в изумительной стране «среди широкого моря» — как Морелли, а в родной ему Франции, только много столетий спустя — в далеком двадцать пятом веке.

Государство будущего, по Мерсье, это общество развитого человеческого сознания: в нем нет, и быть не может, места людям праздным, каждый стремится приносить пользу, труд — вот главный источник радости. Знат-

ность не происхождением и не богатством предопределяется — заслугами перед отечеством. Законодательная власть в 2440-м принадлежит Собранию народных представителей, исполнительная — Сенату; король есть, но не всемогущ: абсолютная монархия — зло из зол. Любовь к ближнему движет во Франции XXV века всем. Отсюда мир и покой, расцвет наук на пользу человечеству, неукоснительное соблюдение справедливых законов, торжество высокой морали и нравственности.

Нет такой сферы жизни, нет такого учреждения, которые не привлекли бы внимание Мерсье; он смело вторгается в политику и экономику, образование и искусство, представления о внешнем облике людей и их поведении. Его волнует все.

Роман восприняли как крамолу. Запретили его сразу же по выходе в свет. Но это не воспрепятствовало быстрому распространению произведения — и в стране, где оно было создано, и по всей Европе. Очень скоро смогли прочесть его и в глубинах России.

Многое дала Винскому книга утописта из Франции. «С сего времени сей знаменитый писатель и ему соответствующие сделались моими любимейшими авторами...» — свидетельствовал он потом в Записках.

«Мысль долговечнее человека. В этом — великое ее превосходство!.. В то время как затихают и уходят в небытие громы деспотизма, голос сочинителя, преодолевая преграду времен, доносит через века хвалу иль приговор владыкам мира...»

Это снова из Мерсье — того же посвящения воспеваемому им будущему.

Книги, подобные «Году 2440», все более разжигали в Винском жажду творчества.

IX

Разжигало его и общение «с добрыми и умными людьми».

...«В тебе я потерял одного совершенно моего единомышленника, сострадательного друга, честного и с обширными знаниями человека», — мысленно обращался Винский к «почтеннейшему и любезнейшему другу» Петру Ивановичу Чичагову, в то время уже покойному.

Они и впрямь были единомышленниками. «С какой горестию воспоминаю наши беседования о происшествии-

ях, начавшихся в наших глазах, от которых надеялись мы спасения, счастья человеческого роду, но, увы! все сие, по отшествию твоём, восприяло новый вид, или лучше: древнейшие рода человеческого враги, самовластие и суеверие, переменяв только одеяние и речь, возложили снова чрез безумных честолюбцев оковы рабствования, еще тяжчайшие прежних, на выи глупой черни...»

Это почти все, что сказал Винский о Чичагове в своих Записках... Возвышенно, но до чего же скупо!

Кем был его друг? Какой судьбы человеком? Чем предопределено «вечное» о нём «напоминание» Винского?

Обратимся к другим книжным источникам того времени (или о том времени).

На нашем рабочем столе — «Записки Дмитрия Борисовича Мертваго» в отдельном издании «Русского архива» (1867). Они интересны во всех отношениях, но главным образом — как правдивое свидетельство эпохи. Автор их (видный деятель края, в конце жизни сенатор) был дружен с Г. Р. Державиным, являлся крестным отцом С. Т. Аксакова и... братом жены Чичагова. Того самого, о котором так нежно вспоминает Винский!

Что сообщает о нём Мертваго?

«Другом моим был в это время Чичагов, человек честный и умный, но имевший несчастье в молодости сделать преступление, не причинившее никому никакого зла. Ссоры людей сильных сделали его жертвою их мщения. Он был судим и по строгости законов наказан лишением чинов, дворянства и сослан на житье в Уфу...»

Ему было всего семнадцать, когда он, юный офицер из родовитой дворянской семьи, образованный и воспитанный за границей, влюбился в не менее знатную Римскую-Корсакову и, по настоянию её отца, подал в отставку. Чичагов был очень молод, тщеславен, нетерпелив и, не дождавшись указа об отставке, объявил всем, что со службы уволен «с повышением чина». Но, как оказалось, о «повышении» в указе речи и не шло. Тогда, не долго думая, жених «исправил ошибку»: в официальном уведомлении об отставке самолично переправил «поручика» на «капитана». Обнаружилось это, естественно, быстро. Так же быстро Чичагова судили и наказали. В 1784 году он оказался в Уфе. Тут его вскоре постигло горе: умерла жена.

Винский, уже четыре года находившийся в ссылке, перебрался в Уфу незадолго перед тем.

Один опальный встречал другого...

Прекрасные страницы о Чичагове оставил Сергей Тимофеевич Аксаков, знавший его от раннего своего детства — уже тогда, когда Чичагов управлял уфимскими деревнями Г. Р. Державина.

«...Он был и живописец и архитектор: сам построил церковь... в саду близехонько от дома, и сам писал все образа. Тут я узнал в первый раз, что такое математический инструмент, что такое палитра и масляные краски и как ими рисуют. Мне особенно нравилось черчение, в чем Чичагов был искусен... Вдобавок ко всему, Петр Иванович дал мне почитать «Тысячу и одну ночь», арабские сказки. Шехеразада свела меня с ума... и добрый хозяин подарил мне два тома...»

Чичагов «все на свете знал, читал, видел и сам умел делать; в дополненье к этому он был очень весел и словоохотен. Удивление мое к этому человеку, необыкновенному по уму и дарованиям, росло с каждым днем».

Это из книги «Детские годы Багрова-внука».

...Винский его пережил. «Не проходит, может быть, ни единого дня, чтобы я тебя не вспомнил; без тебя я стал истинный сирота...» — обращался он в мыслях своих к другу на страницах записок.

Чичагов и другие славные люди одарили его дружбой, окрылили надеждой, укрепляли силы.

Х

Переводы Винского получали распространение. Их читали в Симбирске и Казани, они добрались до Сибири.

Но все это казалось ничтожно малым перед тем, что ему хотелось сделать для просвещения людского, для пользы отечества...

Много довелось Винскому поехать по краю своей неволи. Побывал в Челябине, жил в селах, охотился в лесах, рыбачил на озерах. И трудился: учил, читал, переводил. Это стало для него смыслом жизни.

А она, жизнь, оглушила новым ударом: в октябре 1792-го, на двадцать девятом году, безвременно и неожиданно умерла его Лорхин.

Осиротели Катенька и Кира. Сиротою почувствовал себя сам.

Лекарством в горе была работа. «Нередко по 12 часов в сутки я, как осужденный, переходил от перевода к истории, от сея к автору, к сочинению и пр., и пр.» Это помимо обязанностей учительских, кроме занятий с малышами своими...

На том, что было весной 1794 года, «Записки Винского» обрываются.

Но ведь жил он после этого много лет?

Да, жил. И жил активно.

...«О! я еще живу»...

Что-то — и существенное — можно узнать из тех же «Записок»: автор их не раз отступал от хронологии.

«Вспомни, любезный Прокопович, как мы в 1806 году в Санкт-Петербурге, за дружескою трапезою у Плавковского, решали...»

Или в другом месте: «В январе же 1806 года, ехавши чрез Ярославль в Санкт-Петербург...» И далее: «Проживши шесть месяцев в сей великолепной столице...»

Значит, была полугодовая поездка в места далекой юности, со множеством встреч, с яркими новыми впечатлениями. Что ее вызвало? С кем ездил? Ради чего?

XI

В Государственном архиве Оренбургской области нам удалось отыскать дело о Винском. Небольшое дело, всего на девятнадцати листах, но проясняет оно многое.

Началась переписка в 1805 году; за полтора года до этого в Оренбург прибыл новый военный губернатор князь Григорий Семенович Волконский, отец будущего декабриста.

Было Волконскому тогда уже за шестьдесят. Участвовал он в двух русско-турецких войнах, сам Суворов называл его «неутомимым». Не раз вел в атаку свой полк, не раз в жаркой схватке рассекал саблей врага. Но и его не миновал ятаган турка. Тяжелое ранение навсегда перечеркнуло дальнейшую карьеру боевого генерала.

Жизнь в столице была Волконскому не по душе. Придворные и прочие «светские» интриги вызывали в нем ненависть. И потому с превеликой охотой отправился он «на край света» — губернатором в Оренбург.

Многое делал старый суворовский генерал для пользы безгранично огромной этой губернии с первых дней своего правления здесь. И внимательнейше присматривался к людям, отыскивая достойных.

Таково — как нам кажется, необходимое — предисловие к документам архивного дела.

Первый документ — письмо сиятельного придворного, князя П. М. Волконского царскому министру Лопухину — приведен дословно.

П. М. Волконский — П. В. Лопухину

Милостивый государь князь Петр Васильевич!

Зная доброту вашего сердца и истинное человеколюбие, вижу по собственным моим чувствам, что ваша светлость изволите удовольственно принять мое усерднейшее старание о подании помощи страждущему человеку.

Я имел случай узнать и довольно испытал, что находящийся здесь с 1782-го года бывший подпоручик Григорий Винский заслуживает сострадания чувствительных душ, и сему несчастному я осмеливаюсь всепокорнейше просить вашей светлости покровительства и милости.

Служа в тогдашней гвардии, завлеченный по молодости лет примером и удобством тех времен, он поползнулся к займу под ложный залог из Дворянского банка 500 рублей, которые и взысканы уже давно с его поручителей.

Преступление, конечно, для дворянина позорное, но по тем временам не единственное, навлекло ему наказание слишком строгое, кажется по тому только, что он судим был в Комиссии, учрежденной при Сенате по делу поручика Кашинцова о фальшивом указе, совершенно чуждому займам дворянским, которые однако же были в нее введены.

Ваша светлость, помнится, в сие время были в Санкт-Петербурге обер-полицмейстером; посему Комиссию сию и ее ход, верно, изволите припомнить.

Я вхожу во все сии подробности, дабы обнаружить пред вашею светлостью стечение обстоятельств, отяготивших участь сего бедного человека.

Двадцатичетырехлетнее претерпение всех горестей, сопровождающих неминуемо уничижительное положение; тихость нрава, трудолюбие и услужливость, всеми,

его знающими, свидетельствуемые; определение себя, по неимению казенного содержания на обучение в дворянских домах детей иностранным языкам и другим наукам, являют в нем существо, по справедливости жалость заслуживающее, тем более, что и последняя отрада несчастных, надежда, у него отнята.

Комиссия о пересмотре прежних уголовных дел имела о нем суждение и Государь Император изволил утвердить непеременимость его нынешнего положения.

В Указе Правительствующего Сената от 9-го июня 1802 года, коим Оренбургскому губернскому правлению предписывалось иметь его, Винского, в своем ведомстве, он означен как бывший в Тайной канцелярии; но на вопрос мой о сем он утвердительно уверял, что в той Канцелярии никогда не был судим, а находился под следствием в Комиссии, учрежденной в 1779 году при Сенате, которая окончилась в 1780-м; что он никогда и ни о чем касательном до Тайной канцелярии не был спрашиваем, а единственно о займах дворянами из банка.

Сие утверждал он с видимою надежностью, подвергая даже себя строжайшему наказанию, ежели бы показание его нашлось несправедливым; о чем, по словам его, яснее всего видеть можно из бумаг сказанной Комиссии, которые поступили в Сенатский архив.

Сия несообразность показания терпящего со определением его судьбы заставляет меня подозревать, что неосмотрительное, может быть, г. Бахметева* об нем в Комиссию представление могло подать к сему повод, и ежели это так, я не отчаиваюсь во облегчении участи сего несчастного, и на сем основываясь, возываю ваше, милостивый государь, человеколюбие и сострадание.

Войдите внутренним сердечным суждением в положение человека, 24 года терпящего всю тяжесть униженной жизни изгнанника, лучшие годы своего существования проведенного в непрестанных горестях, тем самым приблизившего к себе преждевременную дряхлость, не обещающую другого, как бедственную старость и еще бедственнейший конец жизни.

Присоедините к тому двух его дочерей, рожденных здесь от его жены, поехавшей с ним добровольно сюда,

* Предыдущего оренбургского губернатора.

оставшихся от матери сиротами, невинных ни в чем, кроме от него рождения, терпящих с ним равную долю, и которых самая будущая участь расстраивается судьбою отца.

Вообразите все сие, и тогда, я уверен, заступление мое за несчастного, ваша светлость, изволите удостоить благосклонного внятия.

Я вас, милостивейший государь, всепокорнейше прошу явить ему милость восприятием на себя попечения для облегчения его участи. Я сие приму с сердечным чувством на мой собственный счет, и деяние сие всегда стану почитать долгом моим самым священным.

Исполненный ревности пособить страждущему, я прошу всех господ ваших соприсутствующих, надеясь на их ко мне благорасположение и сострадание к бедствующим.

С совершенным почтением к вам

князь П. Волконский

*Апреля 3 дня 1805-го года
Оренбург*

Вот какое письмо ушло в означенный день из губернаторской канцелярии в Санкт-Петербург.

Там ему дали ход. И прежде всего отыскивали-приобщили тот, самый первый, поистине трагический, документ, который обрек Винского на десятилетия неволи.

ХИ

«Всепресветлейшей Державнейшей Великой Государыне Императрице и Самодержице Всероссийской...»

Так вот где удалось нам прочесть «всеподданнейший доклад» Сената!

Копия с копии, но — полная копия с точнейшей копии того документа, который и решил судьбу Винского.

«По учиненном исследовании бывшею при сенате Комиссиею оказались в разных преступлениях виновными, а именно:

1. Из дворян подпоручик Матвей Теляковский...

2. Из дворян подпоручик Григорий Радищев...

3. Из иностранцев... отставной подпоручик Антон Гиммель...»

У всех у них преступления схожи: получение денег «путем обмана».

Под номером 6-м значится: «Из дворян подпоручик Григорий Винский по совету голштинской коммерции ассессора Адлера имел намерение о взятии из банка 1400 рублей с залогом подложного имения...»

«Юстиц-контора» определила каждому свое наказание. Винскому — «лишение имения, чинов и чести». Сенат с таким решением согласился.

Доклад был передан в царские руки. Резолюция оказалась суровой: «Теляковского, Радищева, Гиммеля, Соколова, Калитеевского, Адлера и Винского лишить чинов и дворянского достоинства, кто из них оное имеет; и потом сослать вечно первых двух в Колу*, Гиммеля, Соколова и Калитеевского в Сибирь, а Винского и Адлера в Оренбург.

Екатерина

В С.-П.-бурге
декабря 17 дня 1780 года».

...Доклад оказался в деле «По отношению Оренбургского военного губернатора князя Волконского, ходатайствующего в облегчении участи бывшему подпоручику Винскому».

Убедительная — и не казенная — просьба князя Волконского цели своей достигла.

Министр юстиции Лопухин докладывал ее монарху и вот...

«Бывшего подпоручика Григория Винского, сосланного по докладу Сената, подтвержденному в 17 день декабря 1780 года, с лишением чинов и дворянства в Оренбург всемилостивейше прощая, дозволяем ему вступить в статскую службу с нижних чинов».

Новое повеление имеет дату: год 1805-й, 9 мая.

Тут же, в деле, письмо Лопухина Волконскому:

«Милостивый государь мой, князь Григорий Семенович!

В искреннем участии, проявленном вашим сиятельством в судьбе бывшего подпоручика Винского, видя новый опыт чувствительности вашего сердца, только вас отличающий, с удовольствием принял я на себя содействовать благодетельному предприятию вашему.

* Кольский полуостров.

Из прилагаемого... в копии Высочайшего Указа,—... ваше сиятельство увидать изволите плоды усерднейшего ходатайства моего у Государя Императора о облегчении участи г. Винского. Душевно радуюсь, что с возвращением ему свободы успел я выполнить и желание вашего сиятельства в доказательство того почтения...»

О почтении чуть ли не десяток строк. Лопухин испытывает явное удовлетворение в предчувствии того, что Волконский останется им доволен...

Так или иначе, но Винский свободу получил.

Куцую, урезанную, а все же свободу!

XIII

Но почему всеильного в крае Волконского вдруг заинтересовала судьба опального Винского?

Причины этого надо искать в его, губернаторском, отношении к Величко, директору Оренбургской таможни. Совсем скоро после назначения в Оренбург, Г. С. Волконский доносил в Санкт-Петербург, что в исполнении первых же из осуществленных предприятий ему способствовали «знанием и наилучшею волею» два лица, «всей похвалы достойные», и прежде всего назвал «надворного советника и директора таможенного г. Величко»; влиятельный князь испрашивал «монаршьего одобрения» деятельности своего нового соратника — человека «честного и прилежнейшего». Письмо князю П. М. Волконскому, предназначенное для доклада царю, вышло из Оренбурга в марте (или апреле) 1804 года.

Павел Елисеевич Величко, с которым так тесно связана судьба ссыльного на протяжении добрых двадцати лет, происходил «из малороссийских дворян». Был он моложе Винского — родился в 1757-м. Начав службу в Гадяцкой полковой канцелярии, пять лет спустя получил производство в сотенные атаманы, а еще через шесть — в войсковые товарищи. Его способности заметил и оценил граф П. А. Румянцев: он произвел Величко в поручики и уволил «к статским делам». Служил молодой дворянин секретарем в Черниговской комиссии «по разбору дворянства», прокурором в губернском магистрате, но потом пошел по совершенно иной, новой для него, стезе — таможенной.

С 1801 по 1806 годы Винский жил в доме Величко как учитель и воспитатель его сына.

Это — официально. На самом же деле, связывали их отношения более тесные.

Можно ли, например, сомневаться, что предпринятая через Волконского попытка повернуть судьбу долголетнего изгнанника не обдумывалась заранее в доверительных беседах Величко и Винского?

Во многом — и главным — они были единомышленниками.

Любопытная загадка есть в апрельско-майском письме 1804 года, посланном в Санкт-Петербург Г. С. Волконским. Его высокопоставленный корреспондент, в ответ на полученное им представление Величко к награде, высказал свои замечания: какие — мы не знаем, но достаточно серьезные. Настолько серьезные, что губернатор молчать не смог. Поблагодарив за «относящееся до г. Величко», он сообщил, что имел беседу с таможенным начальником, говорили «не утаивая ничего», и Величко «клялся», что не будет сметь сделать бесовестного за мое об нем ходатайство».

О чем это?

Думается, что отнюдь не о служебной деятельности Павла Елисеевича.

О какой же?

А о той, которая была связана с таким явлением, как русское масонство.

Величко являлся деятельным сторонником выдающегося просветителя Н. И. Новикова (кстати, служил тот в Измайловском полку всего за два года до поступления в него Винского).

Еще в последнее десятилетие XVIII века в Оренбурге возникло отделение Новиковского общества.

«Новиковское общество основано было отчасти по правилам масонства. Братство, равенство, искренность, взаимное вспомоществование друг другу, благотворение, распространение чтения полезных книг и вообще свободомыслие того времени — составляли цель его. Оно имело многие отрасли в России... Мудрено ли, что подобное отделение образовалось и в Оренбурге, на грани обширных степей, где буран и киргиз соперничают в наслаждениях дикою разгульною свободою. Когда и кем оно основано — не знаем; известно только, что бывший Оренбургской таможни директор Величко поддерживал его до самой своей кончины...»

Это заявление исходит от декабриста В. И. Штейнгеля; его же, в свою очередь, информировал один из руководителей «Оренбургского тайного общества» Василий Колесников. Их беседы в сибирской дали были долгими, откровенными, и результатом стали «Записки Несчастливого, содержащие Путешествие в Сибирь по канату», судьба которых во многом близка судьбе Записок Григория Винского.

«Общество Величко» объединяло людей различных. Известны имена майора 4-го линейного батальона Кучевского, коменданта Петропавловской крепости на Оренбургской линии полковника Самарина, кантонного начальника башкирского войска майора Беккера, аудитора ордонансгауза Кудряшева и других. Кто-то выбывал, кто-то приходил снова, но общество жило много лет.

...Судя по всему, заверения Величко, данные в беседе с губернатором, оказались не более чем заверениями. Нелегальная организация полумасонского характера существовала долгие годы, превратившись со временем, уже после смерти Величко (он скончался в марте 1821 года), в одно из ответвлений движения декабристов. «Оренбургское тайное общество» было разгромлено в 1827-м, его руководители разделили судьбы участников восстания на Сенатской площади и в Василькове.

Лишенный всех прав, Винский и в Оренбурге дышал воздухом свободы, свободолюбия...

XIV

То же архивное дело. Мы следуем по его листам далее.

Письмо Винского!

Гербовая бумага, отменнейшая каллиграфия...

Помета канцелярии: 1806, марта 28 дня.

«Всемиловейший Государь...»

Он обращается к Александру I.

«...Прошлого года 9-го мая по беспредельному чело-
веколюбию Вашего Императорского Величества быв
прощен в вине моей, освобожден я был от двадцатилет-
него заточения со всемиловейшим дозволением всту-
пить в гражданскую службу с нижних чинов. Того же

года в июле месяце и поступил я в ведомство Оренбургской таможни губернским регистратором; но старость, расстроенное здоровье, особливо притупившееся зрение, делая меня не способным к переписке, принудили оставить сию должность. В продолжение долговременного моего в Оренбурге бедствования я лишился смертью матери, брата, другим всем сродникам сделался чужд и странник для моей Родины. Теперь остался я один в целом мире, без пристанища, без пропитания. В таковой безотрадной крайности возлагая последнее мое упование на Бога и на Ваше Императорское Величество, припадаю к стопам вашим, Государь, отец своих подданных, и, обливая их слезами, осмеливаюсь всеподданнейше просить единые великие милости, дабы возвращен мне был прежний подпоручичий чин мой, который способствовать мне будет к приисканию места и с оным насущного хлеба. Таковое милосердие Вашего Императорского Величества обновит жизнь мою, усладит дух мой в час смертный тем, что и дети мои по мне станут благословлять свою участь.

Августейший монарх, оживотворите несчастного единым милостивым своим словом...»

В самом низу листа подпись: «верноподданнейший Григорий Винский, губернский регистратор».

Подпись сделана той же рукою, которая скоро станет писать «Мое время»...

Но пока он о мемуарах не думает. Все его мысли заняты одним — жаждой осуществления своего проекта о восстановлении в подпоручиках.

Однако что это?

Да ведь в 1806-м — с января и далее, целых полгода — Винский был в Санкт-Петербурге.

Сам о том пишет — сомнений никаких.

Значит, прошение не по почте послано, а самим во дворец принесено?

Самим к стопам «всемогущего» положено?

В то же время в столице находился и Величко — явствует это и из его формуляра, и из переписки служебной.

Благороднейший Величко делал ради Винского все, что мог...

...Царь, однако, «быть по сему» не говорил.

Прошение побывало у князя П. В. Лопухина, у графа Н. П. Румянцева, у тайного советника Муравьева и коллежского советника Даниловского — переходило из инстанции в инстанцию, из рук в руки.

Возникли вопросы:

— служил ли Винский действительно в Оренбургской таможне?

— когда вступил в службу?

— как происходил чинами?

— когда отставлен?

— какого был поведения?

Запросили Величко.

28 апреля он докладывал:

«...Григорий Винский прошлого года в июле месяце по прошению его принят в службу Оренбургскую таможню по его способностям и отличным сведениям губернским регистратором, должность исправлял с усердием и успехом; но по немолодым летам, по слабости здоровья и особливо притуплении зрения, по его прошению, уволен в декабре месяце того же года для приискания себе другого места; поведения был добропорядочного и похвального...»

...В деле, увы, это лист последний. Сам Винский царскую волю узнал на месте. Мы же знаем и без того: существенных перемен в его судьбе не произошло.

XV

И все-таки по-прежнему знаем мы о Винском мало.

Продолжим чтение статьи в «Радянській Енциклопедії історії України». Что там дальше?

«...В ссылке сблизился с деятелями дворянско-революционной организации «Оренбургское тайное общество». После амнистии 1805 года жил в г. Бузулуке. В 1818 составил проект военной экспедиции в Хиву для обеспечения охраны торговых путей России. Мемуары В., написанные около 1815, отражают многие стороны жизни тогдашней России...»

Ни в одной другой энциклопедии большего, чем сказано здесь, не найти. Но и тут, в спрессованной, сжатой справке, написанной доктором исторических наук В. Г. Сарбеем (Киев), речь, главным образом, идет о мемуарах и проекте.

«После амнистии 1805 года жил в г. Бузулуке...»
Нет, и в 1805-м, и в 1806-м местом его постоянного жительства оставался Оренбург.

Истинным «центром притяжения» был он для Винского и потом.

Здесь сходились все нити управления необозримым, разноплеменным краем.

В нем решались многообразнейшие проблемы политики и экономики государства.

В Оренбург стекались новые и новые люди: одни — по собственной, другие — не по своей воле.

К ним, дерзким в своих замыслах и делах, не повторявшим ортодоксальные «истины», а смотревшим далеко вперед, влекло его всего более.

Здесь, в сердце далекой губернии, по-настоящему почувствовал он себя современником Н. И. Новикова и А. Н. Радищева, новиковских сатирических журналов и радищевского «Путешествия из Петербурга в Москву».

Здесь ощутил еще не остывшее дыхание прокатившейся по краю Крестьянской войны под предводительством Емельяна Пугачева и всю остроту событий, которые в недалеком, самом недалеком уже будущем приведут к Отечественной войне 1812 года.

Винский продолжал учительствовать.

Любимым его учеником оставался сын Величко — Саша... Александр... В сына своего друга Григорий Степанович вложил все, чем обладал сам. Все знания, все мечты и надежды...

Жизнь А. П. Величко в наше время обстоятельно проследил историк М. Д. Рабинович — автор интересной статьи о Винском в «Украинском историческом журнале» (1967, № 2). Сведения, по крупицам им собранные, характеризуют Александра Павловича с разных сторон.

Родился он в 1793-м. Впоследствии Величко сам отмечал домашнее свое обучение-воспитание как «основу основ» будущих успехов в науках. В семь-восемь лет оказался он в руках Винского, который в их семье поселился; шесть с лишним лет, день за днем, преподавал ему разнообразные знания очень к тому времени опытный домашний учитель-наставник.

В Благородный пансион Московского университета пятнадцатилетний Александр пришел вполне подготовленным. Винский следил за его успехами и радовался

им. После перерыва в ученье, вызванного Отечественной войной, Величко выдержал публичные экзамены настолько прекрасно, что удостоился золотой медали с похвальным листом, двух серебряных медалей и звания кандидата физико-математических наук, а двумя годами позднее, в 1815-м, получил еще и степень магистра.

Он вернулся в Оренбург чиновником канцелярии губернатора. Служба его здесь продолжалась несколько лет.

Продолжалось и общение с учителем, хотя перебрался тот — «на старости лет» — в Бузулук, как место более спокойное и... дешевое: достатка-то не было, а дочери становились невестами.

Где встречались — в Оренбурге ли, в Бузулуке — мы не знаем, но встречались наверняка и — дружески. Теперь они были не просто учителем и учеником, а и единомышленниками. Сразу по возвращении из Москвы Александр примкнул к тому обществу, которым так дорожил отец. О его взглядах этого периода достаточно убедительно свидетельствует дружеское письмо Величко-младшего к К. Ф. Рылееву, в котором выражалось желание сотрудничать в «Полярной звезде»; автограф письма хранится в ленинградском Пушкинском Доме и дает основание датировать его 1823—1825 годами. Годами, предшествовавшими восстанию декабристов, среди которых у Александра Павловича было достаточно много друзей: и Владимир Штейнгель, и Александр Бестужев... всех не сочтешь.

Величко имел прямое отношение к деятельности масонских лож «Любовь к истине», «Орла Российского», «Избранного Михаила», даже к руководству ими был причастен. Лишь случайностью можно объяснить то, что не попал он в поле зрения следователей по делам декабристов, а потом и «Оренбургского тайного общества».

XVI

К тому времени, когда Винский начинал свои мемуары, за плечами его оставались «61 год от рождения» и «30-летнее... заточение в суровый башкирский край». Сосчитать не трудно: «Мое время» он стал писать в 1814-м, может быть в 1815-м, не позднее. Написал не сразу — работа растянулась на год-два. Вполне возможно, что мы читаем сейчас только первую часть, вторая

же остается неизвестной. Уж слишком резко обрывается повествование. «Зиму я прожил в Уфе, а весной переселился к г. Шишкову...» Даже точки нет — многоточием заканчивается. А так заманчиво прочесть, что стало дальше...

Из этого «дальше» опубликован один-единственный документ: «Проект о усилении российской с Верхнею Азиею торговли через Хиву и Бухарию». Год писания — 1819-й, автор — Винский, но в Петербург, «к г. министру» проект был послан Павлом Елисеевичем Величко, начальником Оренбургского таможенного округа, и, как водится, не от лица «исполнителя».

Министр запрашивал военного губернатора «о мерах к охранению караванов и вообще о торговле» — как в настоящем, так и в будущем.

«Я употребил много, в долготлетнее мое в сем крае служение, стараний и трудов разведывать... обо всех обстоятельствах...»

И «я», и «мое» это — равно — могли сказать что Величко, что Винский: тот и другой прослужили в крае десятилетия. Они опирались на собственный опыт, на своими глазами виденное, и ответ на запрос звучал не подобострастно, а прямо, даже дерзко: все ранее принятые меры, все «предприятия сии, по строгом рассмотрении, обнаруживаются недостаточными и едва когда-либо могущими своей меты достигнуть».

Еще в бытность военным губернатором края князя Г. С. Волконского послан был царю — и царем одобрен — проект весьма важной операции, предложенной Величко (и Винским). «Я под сим разумею экспедицию, в степь назначенную, движениями которой с четырех пунктов чрез степь к Хиве правительство наше намеревалось истребить грабителей караванов, воров, чинивших побеги в наши границы... враждующих киргизцев между собою усмирить, благонамеренных успокоить — словом, окончательно устроить сии народы, имея всегда в виду расширение и усиление нашей торговли, положила всему основанием и утверждением занятие Хивы». В письме вновь и вновь подчеркивается: «...сказанная экспедиция есть единственная верная мера для достижения благонамеренных российского правительства предприятий».

(Первым опубликовал «Проект...» в своем «Русском архиве» — 1878, кн. 6 — П. И. Бартнев, и он же в сноске

подчеркнул: «Итак, Винскому принадлежит первоначальная мысль, выразившаяся при Николае Павловиче Хивинским походом Перовского и увенчанная в наши дни великими успехами в Средней Азии. Несчастный Винский не дожил до исполнения этой мысли...»)

Однако тогда экспедиция застопорилась: по «смутным для любезного отечества нашего временам» (война с Наполеоном?), «по перемене ли здешнего начальства», а «может быть по иным видам», и вот теперь положение заставляет опасаться, как бы «с продолжением времени не сделалось оно совершенно гибельным».

Нет, отдельные вылазки пользы дать не могут: «посылаемые отряды никогда почти не достигали виновных хищников», зато, случалось, «ограбляли, даже истребляли совершенно безвинных». Вот почему — «я считаю» — такие рейды военных команд следует — «единожды навсегда» — запретить.

«Да позволено будет мне прибавить, что занятие Хивы должно быть не временное, но чрез присоединение ее навсегда к областям России, вечное, чего требуют истинные выгоды, ожидаемые от сего предприятия...»

Автор «Проекта...» смотрел далеко вперед, прорицая будущее в мире, дружбе, честной торговле, свободном развитии народов — общем человеческом благоденствии.

Винский с увлечением читал утопии Мерсье, Мабли, Руссо. Однако был он не только мечтателем, а и человеком практическим.

Один документ, но как много узнаем мы о его жизни!

...Она закончилась в...

Но нет, точной даты вы здесь не найдете.

Множество дел оренбургского архива довелось перелистать, просмотреть, но о Винском не обнаружилось ничего более.

В энциклопедиях год его смерти определяется приблизительно: «после 1818». Почему «восемнадцатого», если «Проект» писан в 1819-м? И какие основания считать, что, составив этот документ, Винский сразу умер?

Ответы надо искать в архивах, в переписке, в родословиях, в некрополях — всюду, где угодно. Но искать непременно: его жизнь должна быть дочитана.

«...К сожалению, эти Записки не доведены до времени переселения Винского в Оренбург, о котором у него и нет рассказов».

Это из комментария к первому тому монументального «Архива декабриста С. Г. Волконского»; вышел он в Петрограде 1918 года под редакцией С. М. Волконского и Б. Л. Модзалевского.

«Биограф, кажется, довел свою рукопись до 19-го столетия, но главная жизнь в 18-м...»

Таково мнение Александра Ивановича Тургенева — первого, кто написал о Винском в прессе, кто оценил его труд по достоинству.

О, это была личность историческая! Воинствующий гуманист, ярый враг крепостного права, друг декабристов и Пушкина, Тургенев всю свою жизнь оставался верен идеям свободы, равенства, братства, всю жизнь ненавидел — и активно ненавидел — деспотизм. Мог ли он ужиться в самодержавной России? Нет. И связав собственную судьбу с судьбой брата, Николая Тургенева, осужденного после восстания 1825 года на вечное изгнание, он почти двадцать лет — с небольшими перерывами — провел за границей. Из Франции, Германии, Англии, Италии, Швейцарии шли от него письма в Россию. С позиций передового русского человека рассказывал он в них соотечественникам о жизни Западной Европы, обо всем, что волновало его самого. «Хроника Русского» — под таким названием печатались они в пушкинском «Современнике», в «Москвитянине», других российских изданиях.

И вот однажды в статье-письме из Парижа читатели «Москвитянина» натолкнулись на «неевропейский», а, напротив, чисто русский «сюжет».

То были страницы о никому не ведомом тогда Винском, о его труде «Мое время», дотоле совершенно неизвестном.

«...Эта рукопись уже ¼ века у меня, и я в первый раз вполне прочел ее», — не без укора самому себе писал Тургенев в 1845-м.

Четверть века?

Выходит, что попали к нему Записки Винского чуть ли не в двадцатом году...

Как это могло произойти?

На сей счет есть вполне реальная версия.

Из Бузулука Винский наезжал в Астрахань — там жила его замужняя дочь. Бывая в Астрахани, он непременно навещал начальника пограничного таможенного округа — знакомства в этой сфере были у него обширными. А начальником был... Тургенев. Александр Михайлович Тургенев — не близкий, но родственник Тургеневым-литераторам, давно и много печатавшимся в столичных российских журналах.

То ли с мыслью о продвижении Записок в печать, то ли просто из дружеского расположения к А. М. Тургеневу, но оставил Винский свою рукопись ему.

И уже от Александра Михайловича попало «Мое время» в руки Тургенева А. И., не преминувшего порасспросить прежнего владельца об авторе; результаты «интервью» явствуют и из статьи в «Москвитянине».

Рукописью Александр Иванович дорожил. Если вполне оценил ее позднее, то берет с самого начала.

В письме, адресованном им другу, К. Я. Булгакову, есть такие три слова:

«Возврати Винского рукопись».

Ими это письмо и начинается. Жаль только, осталось оно без точной даты. Но все говорит в пользу двадцатых годов, даже первой их половины.

Рукопись была возвращена. И стала она сопровождать Тургенева в его странствиях. Во всяком случае, в июне 1843-го, вновь покидая Россию, имел Александр Иванович, среди других бумаг, и эту свою реликвию. Находясь с сентября сорок третьего по апрель сорок пятого во Франции, он — «в одни сутки» — Записки Винского прочел. И февральским же днем 1845 года дал им самую высокую оценку.

...«Мое время» всходило «на орбиту».

II

В сороковые (как и в двадцатые, «декабристские») годы публикация Записок в подцензурной печати России была невозможна.

В «Москвитянине» Тургенев их «всего лишь» аннотировал. Впрочем, если точнее, — реферировал, обнажая и

подчеркивая наиболее, с его точки зрения, существенное.

Итак —

«...Я прочел в одни сутки записи Винского «Мое время». Эта рукопись уже $\frac{1}{4}$ века у меня, и я в первый раз вполне прочел ее. Я не мог оторваться от книги...»

А дальше — суть рукописи, критический ее разбор, анализ прочитанного.

«Винский уроженец малороссийского городка Почеп (в 1752 году), учился в Малороссии, но оставил ее в первой молодости и переселился в Петербург в первые годы царствования Екатерины II (на 18-м году). Он бегло описывает Петербург, но прежде оригинально описал малороссийскую жизнь свою, воспитание, семейство — и отбытие на чужую сторону. Несмотря на отсутствие важных происшествий, повесть его привлекательна какою-то искренностью и подробностями семейной и провинциальной жизни: «мертвые души» снова ожили бы в сей существенности! Для Гоголя эта рукопись была бы кладом. Киев, Академия, шляхетство, Глухов, общественная жизнь в Малороссии, нравы и справедливый взгляд на влияние французов в России, редкий и в наше время, влияние Екатерины II на смягчение нравов — **«апелляция к потомству»**, — учение вместо воспитания — вот содержание первых глав этой биографии; но я не досказал вам дальнейших походов аутобиографа. В Петербурге он записался в военную службу, как недоросль, и в школу; выключен из оной за негодностью прямо в полк, хотя ученик знал более учителей. Картина нравов тогдашних в полках и в обществе, ненависть взаимная русских и малороссиян и причина оной — Винский делает дурные знакомства, мотает, закладывает деревнишку в банк — чрез заклады делается орудием секретной полиции. Донос на Винского — крепость и казематы, но прежде поездка в Москву, к торжеству победы над турками и тамошние приключения... Допросы, суд. Взаимная злоба между Вяземским и Потемкиным спасает многих, из полков забранных. Портреты. **«Легкий абрис Европы»**, право, мастерски написанный, особливо если подумаешь, что писатель был до ссылки своей в Оренбург едва ли и читатель! Политика Екатерины, учреждение наместничеств, совестных судов и проч.

Привилегия дворянству и городам — Потемкин и кн. Вяземский. «Нравы умягчаются, сердца распушаются;

роскошь во младенчестве: все это живо и верно изображено; слог самоучки, выучившегося писать до Карамзина, но по французским образцам, из коих превозносит Вольтера, Руссо, Бюфона — и особенно Мерсье! Есть какая-то оригинальность, хотя и не всегда правильная. «Буйная жизнь» его в Малороссии и в Петербурге носит яркую печать века. Мы должны дорожить этою верною картиною старого быта русского: кто иной передаст нам его, особливо в низшем или среднем слое общества, в коем жил, гнил и погибал Винский...

Сосланный, по лишении дворянства, в Оренбургскую губернию, Винский провел там большую часть жизни своей и кончил ее там же: тут началось его нравственное возрождение с молодой, милой женою, последовавшей за ним, вопреки всему, в ссылку. Винский начал заниматься языками, науками, учиться, чтобы быть учителем. Описание эпохи своего **секретарства** при винном распутном откупщике, учительства у губернаторов, помещичьей жизни в городках и в деревнях; обхождение дворян с крестьянами и с дворовыми... Чтение и книги: влияние на дворян... Биограф, кажется, довел свою рукопись до 19-го столетия, но главная жизнь в 18-м, она отражается и на Руси и в Петербурге...»

Такая пространная цитата тут, думается, оправдана.

Оправдана тем, что с этой-то рекомендацией Винский впервые явился перед читателями России.

Что рекомендовал его не кто иной, а Тургенев — мыслитель смелый, глубокий и человек судьбы изумительной.

Что, наконец, «Москвитянина» 1845 года отыскать совсем не просто...

Хотя теперь мы имеем внушительный том: А. И. Тургенев — «Хроника Русского. Дневники (1825—1826 гг.)» . На 248—249 страницах этой книги полностью воспроизведена и та, давняя, публикация, которая здесь помещена с небольшими сокращениями.

III

В том же сорок пятом Тургенева не стало.

А произведение Винского?

Ничего худого с ним не случилось.

Но понадобилось еще тридцать лет — точнее, тридцать два года, — чтобы его публикация состоялась.

Доброе это дело осуществил издатель «Русского архива» неутомимый Петр Иванович Бартенев.

«Русский архив», посвященный историческому изучению нашего отечества, преимущественно в XVIII и XIX столетиях,— читаем на обложке первой книги годового комплекта,— издается в 1877 году на тех же основаниях, как и первые четырнадцать лет».

На пятнадцатом году существования журнала и появились в нем «Записки Винского» (так значилось в самом начале) или «Мое время» (название над основным, авторским текстом).

От себя Бартенев предпослал публикации всего семь строк.

«Счастливым случай,— оповещал он,— доставил нам современную перебеленную рукопись этих Записок, о существовании которых мы знали до сих пор лишь по нижеследующим строкам А. И. Тургенева (Хроника Русского, в «Москвитяине» 1845, кн. 3-я). Винский, подобно Радищеву, изображает пороки великой государыни и темные стороны ее достославного царствования; но историк должен дорожить и этими отрицательными свидетельствами, которые, впрочем, у того и у другого вызваны житейскими неудачами и желчным мировоззрением, образовавшимся отчасти вследствие заблуждений и страстей молодости».

Подобно Радищеву... А его, Радищева, «Путешествие из Петербурга в Москву» всего за три с половиной года до того вновь оказалось «на плахе». Речь идет об издании, предпринятом П. А. Ефремовым и почти полностью уничтоженном в типографии нагрянувшей туда полицией.

Может, потому и счел Бартенев необходимыми оговорки о «житейских неудачах», «желчном мировоззрении» и «заблуждениях молодости» как у Радищева, так и у Винского.

Для «отвода глаз», то-бишь «смягчения» цензуры?..

Еще несколько строк издатель «Русского архива» приписал в конце.

«Тут кончается наша рукопись. Припомним рассказы о том же времени и частью о том же крае и тех же лицах в «Семейной хронике» и в «Детских годах» С. Т. Аксакова, который описывает и впечатление, произведенное в далеком углу России кончиною Екатерины. В семье

Аксаковых плакали по ней, и ребенок слышал, что «сударыня Екатерина Алексеевна была умная и добрая, старалась, чтоб всем было хорошо жить, чтоб все учились, что она умела выбирать хороших людей, храбрых генералов и что в ее царствование соседи нас не обижали и что наши солдаты при ней побеждали всех и прославились». Не так думал озлобленный несчастною судьбою Винский. Читателям «Р. архива» нечего пояснять, чей отзыв правдивее».

Между прочим, эти заявления Бартенева сразу же взял под сомнения — и решительно отверг — первый критик «Моего времени» в печатном его виде Александр Пыпин.

«...Издатель Р. архива» сравнивает мнение Винского с мнениями Радищева и думает, что эти отрицательные свидетельства о веке Екатерины у того и у другого вызваны «житейскими неудачами и желчным мировоззрением, образовавшимися отчасти вследствие заблуждений и страстей молодости». Объяснение — слишком дешевое; Винский вовсе не был человек желчный... его записки... замечательно правдивы... мы видим много примеров его беспристрастия и не вправе приписывать ему побуждений какого-нибудь недоброжелательства и набрасывать тень на его показания. А. И. Тургенев лучше оценил записки Винского, чем их новейший издатель...»

Вся его, Пыпина, статья в июльской книге «Вестника Европы» того же 1877 года, полемизирует с воспроизведенными раньше утверждениями Бартенева. Нет, заявляет он, «рассуждения Винского надо принимать вовсе не как следствие темперамента... а как обдуманное мнение — тем больше, что его отзывы вовсе не голословны». Винский, подчеркивает Пыпин, «спокойно признавая, что было благоприятного в тогдашнем положении России, ...тем не менее видит его недостатки...» И он подкрепляет это новыми и новыми примерами неотразимой убедительности. Примерами из «Моего времени»...

Не обошел Пыпин и «послесловия» Бартенева — сопоставления Записок Винского с произведениями С. Т. Аксакова.

«Отзывы действительно разные, но издатель не подумал, что довольно странно ссылаться на детские воспоминания Аксакова в мнимое опровержение человека, прожившего главную пору своей жизни в эти времена и,

надобно думать, понимавшего вещи несколько лучше, чем С. Т. Аксаков во времена своего ребячества... Винский и Аксаков не имеют ничего общего; это — люди разного времени, разного положения, разного писательского склада и разных мнений... Аксаков — до известной степени поэт, склонный к идеализации старины; Винский — умный и именно правдивый рассказчик о действительной жизни».

IV

В удивительной по своим богатствам столичной сокровищнице — Центральном Государственном Архиве литературы и искусства (сокращенно — ЦГАЛИ) одним из самых обширных является фонд 46 — Петра Ивановича Бартенева.

Фонд и огромен, и разнообразен. В нем рукописи — его собственные и ему присланные. Разысканные и добытые автографы. Поистине необозримая переписка.

Со многими Бартенева переписывался годами. Например, с Петром Андреевичем Вяземским — поэтом и критиком, другом Пушкина. 211 его писем накопилось за пятнадцать лет. В одном из последних — мартовском 1877-го — речь шла и о Винском. Он прочел «Мое время» в первой книге «Русского архива» и тотчас откликнулся: «Записки Винского очень интересны... Жду продолжения». Но и сам Вяземский чувствовал, и другие его корреспонденты «просвещали»: Бартенева не просто такое печатать, цензура жмет всю, вытравливая из рукописи самое острое. В том же письме — из Германии, где Вяземский лечился, — находим мы просьбу: прислать, если можно, «хотя бы в рукописи», запрещенное, вымаранное цензурой. Давний пушкинский приятель, уже восьмидесятилетний, век свой доживавший (он умер в 1878-м), понимал: за страницами журнала осталось — и останется — многое...

Откликов на Записки Винского было много. И все они несли в себе восхищение.

Для каждого Винский был откровением, открытием и — загадкой.

За «Русским архивом» следил Лев Толстой.

В Яснополянской его библиотеке — комплекты журнала за пятнадцать лет.

Год 1877-й, выпуски первый и второй: «Мое время» Винского. Следы чтения: загнут уголок... строка отчеркнута...

V

В «Русском архиве» и впрямь Винский появился не полностью.

Это бросается в глаза уже при самом первом прочтении. Или, говоря точнее, при первом же сопоставлении прочитанного с изложением сути произведения, сделанным Тургеневым в «Москвитянине».

Тургенев Александр Иванович, говоря о «Моем времени», особо выделял в нем такое:

«...Описывая законодательство Екатерины и именно Комиссию для проекта нового уложения, под заглавием: Русские Фоксы и Шериданы, Винский сообщает важный исторический факт: «Из всего происшедшего в сей комиссии достопамятнейшим может почесться публичное прение князя Щербатова с депутатом Коробьиним, которое прекращено было без дальних пустословий объявленною чрез Вяземского волею государыни. Рукопись императрицы, положенная в драгоценный ковчег, отдана для сохранения в Сенат, сочинение же законов под разными начальниками продолжается и по сей день...»

Естественно, что прочесть это место хотелось в полном виде. Но ни в журнале, ни потом в книге его не оказалось. Будто и не было...

Здесь не прочесть о Чарльзе Джеймсе Фоксе, о Ричарде Бронслее Шеридане — политических деятелях современной Винскому Великобритании, не найти ни упомянутого «исторического факта», ни других, которые автором приводились. Приводились, однако в печать не попали — их туда *не пустили*.

В том же «бартеневском» фонде ЦГАЛИ есть письма, прямо относящиеся к печатанию Записок в журнале.

Первая часть их вышла, в производство была запущена вторая, но тут цензор распорядился печатание журнала прекратить, пока издатель не снимет места «крамольные».

Бартенева это встревожило — понять его легко. Он забил тревогу. Просьбу разузнать настроение цензуры получил близкий к ней Яков Карлович Грот — видный

историк литературы. Одно за другим ушло к нему два письма.

В начале февраля 1877 года Грот сообщил о том, что причиной задержки журнала являются исключительно Записки Винского, и от него, Бартенева, потребуется, вероятно, «только» снятие **нескольких страниц (!)**, посвященных Екатерине II.

«Ф. П. Е. сам не решается», — добавлял он, имея в виду, как полагает М. Д. Рабинович, члена Совета главного управления по делам печати Федора Павловича Еленева, которого, по всему судя, просил похлопотать самолично.

Требования оказались слишком серьезными...

Бартенев знал Записки в полном их виде, а до читателей — и нас с вами — они дошли урезанными...

Удастся ли отыскать тот первый, тот полный протограф, который только и дать может истинное представление о труде этом?

VI

Пыпин...

Он вошел в повествование о Винском твердо, решительно и — без представления.

Оплошность эту я попытаюсь исправить.

...Александр Николаевич Пыпин родился в 1833-м, а умер в 1904-м. Жизнь его вместила в себя множество трудов и заботы самые разнообразные.

Он был двоюродным братом Н. Г. Чернышевского, и не только близким родственником, а и человеком к нему близким. Под прямым воздействием Николая Гавриловича прошли его детские и юношеские годы. По настоянию Чернышевского он перешел из Казанского университета в Петербургский. Более десяти лет братья жили вместе, в одной квартире.

Когда старшего заключили в крепость, Пыпин виделся с ним и смело ринулся на защиту: его письмо петербургскому генерал-губернатору Суворову — с разоблачением задуманного подлога — шума наделало изрядного. Во время ссылки Чернышевского Александр Николаевич взял на себя воспитание его детей. Он сохранил архив выдающегося деятеля революционной демократии. Он умудрился обойти цензуру и выпустить, правда анонимно, значительнейшие труды человека, само имя которого было запрещено в тогдашней печати.

Ну, а труды Пыпина — видного историка литературы и общественных движений — известны достаточно широко. Это капитальные тома «История русской литературы», «Характеристики литературных мнений от двадцатых до пятидесятих годов», «Общественное движение в России при Александре I», «Белинский, его жизнь и переписка» и другие. Статьи в периодике, в сборниках даже счесть сейчас сложно.

Пыпин и был тем критиком-публицистом, который первым отозвался на «Записки Винского» в «Русском архиве». Да как горячо, вдохновенно отозвался!..

Вот и еще несколько фрагментов из его статьи в «Вестнике Европы», удивительно богатой идеями, мыслями, раздумьями:

«...Историческое сознание прошедшего есть одно из сильнейших орудий для воспитания общественной мысли, одно из лучших средств проверки самих себя и объяснения того, что происходит перед нами. Между тем, редко кому приходит в голову отдать себе отчет в положении нашего исторического знания...

...Когда случается, как в примере Винского, узнавать подобных людей только в их «посмертных» произведениях, является невольное сожаление, что эти люди не имели в свое время возможности сказать современникам то, что они говорят потомству: польза, которую они могли принести, исчезла для их собственного времени, и их произведения являются только как историческая защита их мнений, в свое время мало разделяемых и для них лично небезопасных. История оказывает им только запоздалую защиту.

Имя Винского, сколько известно до сих пор, не встречалось в местной хронике края, где он жил; но, судя по его собственному рассказу, его деятельность не прошла бесплодно. Среди своего учительства он много читал и, наконец, принялся за литературную работу; он делал переводы из иностранных писателей, из той морализирующей беллетристики, которая была тогда особенно в ходу, и, при слабом распространении книг, его переводы расходились в рукописях не только в околотке, но и далеко за его пределами... На его личном примере мы видим пути, которыми в отдаленнейших закоулках находили отголосок и сочувствие гуманные идеи XVIII века и шел внутренний процесс нашей образованности, обычно-

венно столь неуловимый для наблюдателя и поражающий иногда неожиданными фактами.

...Записки Винского производят... впечатленне, какого вообще не производят наши старые писатели: он так близок к нашим понятиям, что, читая его, не нужно никакого усилия переноситься в старое время, становиться на «историческую точку зрения». Он судит просто и здраво и угадывает суждения позднейшей истории...»

«А. П.» — Александр Пыпин — посвятил анализу «Записок Винского» в их первой, журнальной публикации двадцать пять (!) страниц июльской книги «Вестника Европы». Он назвал свою статью просто: «Рассказы из екатерининского века». Уже в самом названии звучит оценка: это, дескать, не выдуманное, не сочиненное, рассказы не просто о веке, но именно из самого этого века. Следуя за автором, Пыпин выделяет, подчеркивает главное — то, что поднимало оставшийся в рукописи безвестный труд до уровня явления: и литературного, и общественно-политического.

VII

Тургенев А. М.—Тургенев А. И.—Бартенев П. И. ...

Но между вторым и третьим — пробел в истории Записок Винского протяженностью в три с лишним десятилетия!

Как не попытаться его восполнить?

...Спасибо Пыпину: когда-то задумался над этим и он. А задумавшись, не преминул спросить Бартенева (тогда это еще было возможно).

И вот —

«Эти записки, по словам издателя «Архива», достались ему после покойного А. Н. Афанасьева (у Афанасьева было вообще большое собрание любопытнейшего исторического материала в рукописях — к великому сожалению, оно отчасти погибло); откуда они попали к Афанасьеву, неизвестно...»

Конечно, представлять процесс «попадания» как простейший — «Тургенев передает Афанасьеву» — не придется. Тургенев умер в 1845-м, Афанасьеву тогда едва исполнилось девятнадцать, он только-только, закончив Воронежскую гимназию, поступил на юридический факультет Московского университета и Александра Ивановича, в последний раз вернувшегося в Москву в конце

августа рокового для него года, мог, в лучшем случае, лишь ненароком увидеть (из этого предположения, впрочем, не вытекает ничего).

Обладателем «большого собрания любопытнейшего исторического материала в рукописях» Афанасьев стал много позже.

Да и **Афанасьевым** вообще...

Речь идет о популярнейшем издательстве памятников народного творчества, в первую очередь русских сказок, а кроме того еще и теоретике фольклора, историке литературы и историке вообще.

...Значит, есть в «биографии» Записок Винского еще одно имя — А. Н. Афанасьева. Мы не знаем (и, наверное, не узнаем никогда), от кого получил их «сказочник» Афанасьев, но именно от него, после его безвременной смерти на сорок шестом году, обрело «Мое время» (уже в «современной перебеленной рукописи») нового владельца и — **первого издателя**. Им стал, как мы уже знаем, Петр Иванович Бартенев (1829—1912) — археограф, библиограф, издатель великого множества ценнейших — и поистине бесценных — документальных материалов XVIII и XIX веков.

Его благодарно вспоминают пушкинисты.

С ним спорят, и не без оснований спорят; но добрым словом поминает его **каждый** добросовестный исследователь.

...Кто знает, дошел бы когда-нибудь до нас труд Григория Винского, не будь на свете Петра Бартенева?..

VIII

Ну, а первой **книжной** публикацией «Моего времени» обязаны мы все Щеголеву.

Первым и — пока — единственным **отдельным изданием** Записок Винского...

Оно состоялось через три с половиной десятилетия после журнального — в 1914 году, в «Библиотеке мемуаров» петербургского издательства «Огни».

«Редакция П. Е. Щеголева» — так значится на титульном листе.

Павел Елисеевич Щеголев (1877—1931) среди историков революционного движения и историков литературы занимает свое, особое место. Это он сделал достоянием читателей множество мемуаров декабристов, создал

капитальные труды об А. С. Пушкине, дал в руки исследователям то, что долгое время было скрыто «за семью замками» в самых секретных сейфах.

Труд Винского, личность Винского Щеголев оценил по достоинству, и без всяких колебаний.

В очень коротком издательском предисловии к этой книге мы читаем:

«Записки Григория Степановича Винского являются одним из самых любопытных и замечательных памятников русской мемуарной литературы. В них нет рассказов о великих людях и великих подвигах, их автор не играл сколько-нибудь выдающейся роли в современной ему жизни, не занимал видных мест; и тем не менее, не какие-либо иные записки, а именно Винского дают читателю живое ощущение русской жизни Екатерининской эпохи. Записки Винского сохранили и донесли до нас со всею тонкостью аромат бытовой жизни того времени. Читая рассказы Винского, чувствуешь непосредственное касание давно исчезнувшей эпохи. Такое впечатление записки Винского производят не потому, чтобы в них были закреплены в избытке подробности бытовой жизни. У Винского есть, конечно, картины быта, притом написанные замечательно ярко и сочно, но дело, пожалуй, не в них. Винскому удается то, что авторам мемуаров удается сравнительно редко: показать, как чувствовалось в его время. Обычно пишущие мемуары показывают только, как жилось. Такого результата достигает Винский отчасти потому, что подходит к предмету своего повествования без всяких предвзятостей, совершенно просто и непосредственно, а отчасти потому, что в нем, несомненно, есть художественная жилка. Он пишет со всеми особенностями господствовавшей тогда литературной манеры (сравн. Радищева), но за этой манерой чувствуется не подражатель, а создатель. Записки Винского ближе всего напоминают один литературный род — роман приключений и читаются с таким же неослабевающим интересом, как хороший, добрый роман XVIII века, например, Смолетта; только приключения Винского не были выдуманы, а совершались в самой настоящей действительности».

На нескольких последующих печатных страницах — основные сведения о посмертной судьбе «Моего времени». От высказывания Александра Ивановича Тургенева

(«характеристика, набросанная А. И. Тургеневым, сохраняет все значение и до сих пор и потому воспроизводится здесь без сокращений») до публикации в «Русском архиве» самих Записок и дополнительных сведений о них и их авторе, а также статьи-отклика А. Н. Пыпина в «Вестнике Европы».

П. Е. Щеголев счел нужным поместить в той же книге, только в приложении, написанный мемуаристом «Проект о усилении российской с Верхнею Азиею торговли через Хиву и Бухарию»; проект воспроизведен им по тексту, опубликованному в шестой книге «Русского архива» 1878 года. Эту работу редактор-издатель назвал «...небезынтересной для его (Винского) характеристики».

Издание в «Библиотеке мемуаров» — первое, и доныне единственное, «полное собрание сочинений» Григория Степановича Винского.

IX

Может ли оно быть полнее?

А почему бы и нет!

Тургенев читал «Мое время» в рукописи. Подлинной? В пользу этого предположения говорит все.

Бартенев имел в своем распоряжении «современную перебеленную рукопись» — точнее, список, копию, доставшуюся ему после Афанасьева. Разницу между автографом и копией он-то знал...

След подлинника затерялся, исчез — его, по сути дела, и не искали, вполне довольствуясь тем, что Записки Винского увидели, наконец, свет.

Со временем перешла в разряд «неизвестных» и «современная перебеленная». Где она сейчас?

Найти рукопись — значит восстановить то, что вымарала цензура, что оказалось утраченным на многотрудном пути Записок к читателю. Впрочем, для этого есть и дополнительная (реальная!) возможность: окунуться в фонды Цензурного комитета, его переписку соответствующего года и...

Но загадывать не станем.

«Еще одна рукопись Записок находится в библиотеке Университета св. Владимира (указание у В. С. Иконни-

кова — «Опыт русской историографии, т. I, ч. I, с. 945). Эта рукопись осталась недоступной для нашего издания...»

Такое сообщение сделал в своем предисловии Щеголев. Новая загадка! «Хороший экземпляр с дополнением из записок Массони», о котором в 1892 году упомянул профессор истории Киевского университета Владимир Степанович Иконников (1841—1923), мог быть еще одним списком с оригинала Винского, а мог и самим автором. Да еще с приложением «из записок Массони», которые представят нам и Винского-переводчика... В Киеве — двух его крупнейших хранилищах — фонд Иконникова насчитывает свыше 6000 (!) дел. Отдел рукописей Центральной научной библиотеки Академии наук Украины громаден и удивителен.

Надо поискать и «бумаги Велички» — Александра Павловича Величко. Через несколько месяцев после публикации в «Русском архиве» Записок Винского Бартенев поместил на страницах журнала заметку «К жизнеописанию Г. С. Винского», в которой, между прочим, сообщил, что «в бумагах Велички сохранились два литературных труда или перевода, принадлежащих Винскому: «Оратор Французских генеральных штатов в 1789 году» и «Драма в 3 действиях о спасении епископом Иоанном Генньюером реформатов, вблизи Парижа, в городе Лизье, 27 августа 1572 года». И снова нам видится богатейший бартеневский фонд в Центральном Государственном Архиве литературы и искусства. «Бумаги Велички» могли перейти к нему, Бартеневу, — он познакомился с ними тогда, когда владельца в живых уже не было и, как мы убедились, оценил безошибочно. Не дать им ладу такой знаток не мог.

В Оренбургском архиве — вы это уже знаете — отыскалось письмо, содержащее просьбу Винского о решении его судьбы. Думается, что сохранилось не одно оно — и из деловых, и из более личных... в инстанциях официальных, в бумагах разных семей... И «Проект», подобный опубликованному, наверное, не один...

Да, «собрание сочинений Винского» может быть гораздо полнее. И предстанет он тогда перед всеми не минометным эпизодом — **явлением!**

Весной 1837 года, как только подсохли знаменитые своей грязью российские дороги, в Царском Селе собрался в далекий путь многоэкипажный конный поезд: девятнадцатилетний наследник престола, великий князь Александр Николаевич, только что закончивший основной курс обучения необходимым будущему царю наукам, по приказу отца, императора Николая I, отправлялся с обширной свитой в большое путешествие по России.

Ю. КУРОЧКИН

●
**УРАЛЬСКИЙ
ВОЯЖ
ПОЭТА
ЖУКОВСКОГО**

Маршрут поездки был намечен еще зимой — настолько пространный, что пришлось печатать его в военной типографии брошюрой в 29 страниц: для памяти путешествующим и для руководства местным властям. Наследнику предстояло проехать около 12 тысяч верст и обозреть империю до Урала и Западной Сибири на Востоке, до Смоленска на западе и Елисаветграда на юге.

Николай собственноручно составил

обстоятельную инструкцию наследнику: что и как смотреть, где бывать (а где нет), когда ложиться спать и когда вставать, когда и с кем обедать и ужинать, какие балы и приемы посещать, и даже — с кем из дам и что именно танцевать («...с некоторыми из почетных дам — польский, с молодыми же знакомыми и лучше воспитанными — французские кадрили две или три»).

Сформулирована была здесь и главная задача вояжа: «Путешествие имеет двоякую цель: узнать Россию, сколько сие возможно, и дать себя видеть будущим подданным».

За несколько часов до отъезда, 2-го мая, император собрал многочисленную походную свиту цесаревича (наставники, адъютанты, высокородные товарищи-офицеры, лейб-врач, камердинеры, фельдъегери) и долго читал им наставления. Всем велел «вести свой особый журнал», то есть путевой дневник.

Распорядок дня был предложен жесткий, не оставляющий времени для излишнего любопытства и непредусмотренных встреч: «Встав в 4 утра, ехать в 6 ч., не останавливаясь для обеда или завтрака на дороге до ночлега. Буде на пути есть предметы любопытные, то останавливаться для осмотра, не принимая нигде ни обедов, ни завтраков. По приезде на место, посетить в губернских городах собор или даже в уездах те места, где хранятся предметы особого богомолья. Засим по приезде на квартиру обедать, призвав к столу только губернаторов, вечер посвятить записыванию в журнал всего виденного в течение дня и ложиться пораньше спать».

В воскресные и праздничные дни, правда, программа предоставляла бóльшую свободу действий.

Сам Николай уточнил свое понимание «узнания России». Как записал в дневнике один из спутников наследника, его флигель-адъютант полковник С. А. Юрьевич, царь повелел, «...чтобы видели вещи так, как они есть, а не поетически. Поезидя в сторону, я не люблю ее там, где нужна существенность».¹

Конечно, существенность можно понимать и как деловитость, но мы-то знаем, что Николай вообще был бы не прочь всю поэзию отправить в сторону, как, скажем, отправлял Лермонтова в ссылку, Пележаева в солдаты, Рылеева на виселицу. И здесь это

противопоставление дела и поэзии, похоже, адресовалось кому-то из поэтов.

Но поэты на этой беседе не присутствовали. Тот, кто был назначен участником путешествия, на нее опоздал — нечаянно или умышленно, кто знает...

К отъезду, однако, он успел. В назначенную ему коляску, вместе с молодым подпоручиком Иосифом Виельгорским, сел наставник наследника поэт Василий Андреевич Жуковский.

В шесть часов пополудни длинный, сразу же растянувшийся почти на полверсты поезд (11 экипажей при 37 лошадях), тронулся в дальний путь, поднимая клубы первой весенней пыли.

2

Откинувшись поудобнее на спинку сиденья, поэт глядел из-под полуприкрытых век на проплывающие мимо поля, на серо-зеленые от первой листвы перелески, на избы при трактовых деревень с побуревшей за зиму соломой, на группки выряженных в праздничные рубахи мужиков у околицы при неизменном с ними конном полицейском.

Едва ли с легким сердцем отправлялся в вояж Василий Андреевич, хотя давно знал о нем, сам принимал участие в разработке программы и маршрута. Лишь три месяца назад похоронил он Пушкина — не только близкого друга и «победителя-ученика», но и великого русского писателя, значение которого хорошо понимал. Все эти месяцы были заняты разбором и описанием (под присмотром жандармов) его бумаг, хлопотами об опеке и устройстве материальных дел семьи поэта, наконец, подготовкой к изданию его сочинений. В мастерской Брюллова остался неоконченный портрет Василия Андреевича, предназначенный для выкупа на волю поэта-художника Тараса Шевченко: «великолепный Карл» не успел завершить работу, отложили до возвращения...

Некстати было отрываться от этих забот. Но и отказаться нельзя — отношения с государем, особенно после хлопот о Пушкине, стали натянутыми — вот ведь сказал же: «поезию в сторону». Да и с наследником уже они не те, что раньше, когда великий князь был мальчишкой и внимал словам о справедливости, о долге, о высоком значении человека...

Более десяти лет состоит Жуковский его наставником, преподавая русский язык и эту самую «поезнию». Приветствуя в 1818 году рождение наследника, он писал в стихе для Александры Федоровны, матери, выражая надежду, что сын —

...И на чреде высокой не забудет
Святейшего из званий: человек!..

Пожалуй, уже стал забывать: фронт, парады влекут больше... Может, начавшееся путешествие по стране, которой ему придется править, вселит в наследника ответственность перед своей высокой миссией? Конечно, вояж этот «можно сравнить с чтением книги, в которой теперь великий князь прочтет одно только оглавление, дабы получить общее понятие о ее содержании»², но хоть будет знать, что еще прочесть предстоит...

Василий Андреевич грустно вздыхает и вскидывает шадящую лорнетку к больным глазам... Не надо бы, пожалуй, ему ехать. Но — служба...

Что-то там в пути увидится? Кто встретится? На Урале, кажется, никого из близких знакомых нет. А вот за Рифеем, в Сибири, те, о ком одиннадцать лет болит душа, — друзья, попавшие в беду, и их товарищи по Сенатской площади. Он не сочувствовал радикальным взглядам, не одобрял «бунта» 14 декабря, назвал их даже под горячую руку (в письме Александру Тургеневу) «разбойниками». Но — ведь товарищи, его и Пушкина. «И разве я могу, не утратив собственного к себе уважения... жертвовать связями целой моей жизни» — вспоминались строки из январского 1830 года конспекта так и не отправленного письма царю: донос опередил вручение, нависла гроза, но все ограничилось унижительной «головомойкой».

А, может, пришло время повторить мысли, которые он тогда хотел высказать императору? «Время строгости миновало... время милости наступило»... «правосудие удовлетворено... милосердие ждет своей очереди». Ведь это так просто, милосердно и даже полезно для блага государства: поселить в Сибири, этой «безлюдной пустыне», **прощенных декабристов** и дать возможность талантливым, деятельным людям превратить ее в цветущий край! «Пока они еще в силах жизни, пока еще могут быть людьми для блага будущих времен»...

Василий Андреевич укутывает колени пледом и смежает веки. Кастаньетами цокают копыта лошадей, мелькают «версты полосаты»...

3

О чем думал Жуковский, начиная это путешествие, а потом продолжая его, можно только предполагать. А вот что увидел за это время, с кем встречался, что делал — узнать это оказалось возможным: Василий Андреевич вел в дороге дневник. И не потому, пожалуй, что к этому обязывало распоряжение Николая — в силу давней привычки вести путевые записи.

Дневник сохранился: в 1884 году его, среди других рукописей поэта, сдал в Императорскую публичную библиотеку сын — Павел Васильевич. Там же, в отделе рукописей Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, он хранится по сей час³.

Вот он — его можно подержать в руках, вчитываясь в полустершиеся (еще, вероятно, в дороге) карандашные строки. Всего здесь шесть записных книжек. Возьмем первые две — они заполнены на Урале.

Начальные записи сделаны на девяти листочках дорожного бумажника-несессера, под красным сафьяном которого удобно уместились необходимые путнику предметы — карандаш, пинцет, ножичек, пилочка для ногтей. (Как заметил Пушкин: «Быть можно дельным человеком и думать о красе ногтей».)

Вторая записная книжка потолще — в ней более 80 листов, из которых, правда, заполнено только 35. Сразу видно, что записи делались не за письменным столом, а то в карете, то где-то на ходу, то спереди, то сзади тетради, иной раз «вверх ногами». Тут и кроки пути, и какие-то схемы, и планы квартир, где приходилось останавливаться. Между ними — черновые наброски писем, в том числе основные мысли письма, которое будет писать всю дорогу до Златоуста и лишь оттуда, просидев за ним целую ночь, отправит императору — решительное и настойчивое ходатайство о смягчении участи декабристов. Наброски заняли 12 страниц — почти треть всех записей в этой тетради.

Записи... Чтобы прочитать иную страничку, надо промучиться с лупой не один час. Расшифровка всего дневника — адский труд, на который не всякий решится.

И все же такой человек нашелся. Скромный работник Публичной библиотеки Иван Афанасьевич Бычков почти три года просидел над записными книжками Жуковского и в 1887-м опубликовал в «Отчетах» библиотеки отрывки из дневника, а в 1902 году в журнале «Русская старина» поместил его полностью (в 1903-м напечатан отдельным изданием).

Первое знакомство с расшифрованным и напечатанным дневником может разочаровать. Это даже не конспект, а какие-то пунктирные заметки, доступные пониманию лишь самого автора. Недаром впоследствии близкий друг Жуковского П. А. Вяземский, ознакомившись с дневником, отметил, что он «...не систематический, не подробный. Часто заметки его просто колья, которые путешественник втыкает в землю, чтобы обозначить пройденный путь, если придется ему на него возвратиться, или заголовки, которые записывает он для памяти, чтобы после на досуге развить и пополнить».

Впрочем, пунктирность своих дневниковых записей Василий Андреевич объяснил сам в письме императрице⁴: «Мы летим, и я едва успеваю ловить те предметы, которые мелькают как тени мимо глаз моих; едва успеваю записывать их кое-как в свой журнал, чтобы после как-нибудь привести их в порядок... Кажется, мне, как записному автору, должно бы писать на лету — выходит совсем напротив. Именно тогда-то ничего и не могу написать, когда писать непременно надобно»⁵.

Не исключена, конечно, возможность, что это и конспект — на тот случай, если император все же захочет проверить исполнение своего повеления. Тогда, пользуясь пунктирными заметками, можно составить «журнал» с описанием всех подробностей путешествия. По еще свежим впечатлениям сделать это будет нетрудно.

4

Но как ни малословен и конспективен дневник, многое в нем поддается расшифровке, если знать обстановку тех лет на Урале и привлечь дополнительные — малоизвестные, а то и совсем неизвестные — материалы.

Например, такие, как письма с пути полковника С. А. Юрьевича к жене в Саратов. Они были опубликованы П. Бартевым, по совпадению, в тот же год, что и отрывки из дневника Жуковского в «Отчетах ИПБ», но

уже в журнале «Русский архив» (1887, кн. 1 и 2). Преданный царедворец, человек не либеральных взглядов, Юрьевич, однако, дал в своих посланиях довольно подробную картину времяпровождения путешествовавших, порой с присовокуплением интересных деталей. Письма помогают дополнить, раскрыть многие записи Жуковского.

Или дневники остальных участников поездки. Уж коль царь распорядился «каждому писать свой журнал», то, надо думать, едва ли кто ослушался.

Но где они? Среди опубликованной литературы их нет. Может, остались в архивах? Но и там найти не удалось, хоть есть отдельные (и, порой, обширные) фснды К. И. Арсеньева, А. А. Кавелина, графа Адлерберга — в центральных архивохранилищах. Где-то, возможно, таятся в океане дел государственного архивного фонда...

Правда, был еще один участник поездки, о котором не следует забывать, — сам наследник. Он тоже, по инструкции отца, должен был вести дневник. Дошел ли до наших дней?

Фонды всех русских царей XIX века хранятся в Центральном государственном архиве Октябрьской революции (ЦГАОР). Есть там и фонд Александра II. Страница, другая описи... И вот искомое:

«Дневник
великого князя Александра Николаевича
во время его поездки по России»⁶.

Увы, дневник оказался более чем неинтересным. Когда встал, когда выезжал, кого принимал, где молился... Ни единой интересной подробности, яркой детали, ни одного намека на эмоции. Протокольная сушь.

Внизу каждой страницы столбик цифр — расстояния между пройденными пунктами, итог пути за день, количество верст от Петербурга...

Зато на помощь пришли воспоминания и статьи в местной печати — Перми, Екатеринбург, Тобольска. Среди льстивых и низкопоклонных строк встречались существенные.

5

На пути к Уралу была Вятка. Город губернский, но захолустный, мещанский, несколько десятилетий спустя давший советнику губернского правления Салтыкову

обильный материал для его знаменитых «Губернских очерков». Город, считавшийся настолько далеким и сонным, что в него находили безопасным сослать вольнодумцев — там для вольных мыслей «не климат».

В ту весну здесь уже третий год томился в ссылке молодой Герцен. «В Вятку я прибыл по разлитою, и мрачное чувство овладело мною,— писал он 10 апреля 1837 года своей невесте Наташе Захарьиной,— я думал: вот вход в чужой город, который запретя для меня. Это испытывает зверь, попавший в тенета»⁷.

Жуковский не знал Герцена — это было уже «племя младое, незнакомое». Герцен знал Жуковского по его стихам и, может, по рассказам старших друзей. Но важное для молодого изгнанника знакомство состоялось и надолго оставило в нем благодарную память.

Знакомству помогла выставка местных изделий (каковые предписывалось устраивать во всех губернских городах, через которые проходил маршрут путешествия) и... бездарность губернатора. Вот что писал потом Искандер в «Былом и думах». «В восьмом часу вечера наследник со свитой явился на выставку. Тюфяев повел его, сбивчиво объясняя, путаясь и толкуя о каком-то царе Тохтамыше. Жуковский и Арсеньев, видя, что дело не идет на лад, обратились ко мне с просьбой показать им выставку. Я повел их... Когда он (наследник.— Ю. К.) уехал, Жуковский и Арсеньев стали меня расспрашивать, как я попал в Вятку: их удивил язык порядочного человека в вятском губернском чиновнике. Они тотчас предложили мне сказать наследнику о моем положении, и, действительно, они сделали все, что могли. Наследник представил государю о разрешении мне ехать в Петербург».

Спустя три месяца, когда Александр Иванович уже со дня на день ожидал желанного отъезда во Владимир (Петербург остался в мечтах), он, понимая, кому обязан этим прежде всего, писал Наташе: «Ну, скажи, можно ли было надеяться, что в этой Вятке я найду себе защитника, и где же... и кому обязан я этим? — великому человеку, Жуковскому».

...Едва ли думал Василий Андреевич, отправляясь в длительный вояж, что всякого рода заступничества, вызволения знакомых и незнакомых из бед и несчастий, доброжелательное участие в судьбах займут в эти меся-

цы столько места в его жизни. Но таков уж он был — не мог иначе. Всегда. Всю жизнь. То возвышенное и благородное, что восхищало в его стихах, жило и в сердце, и в делах его.

Можно подумать, что это ему «ничего не стоило». Стоило, да еще сколько! Ведь помощь его была не такой уж неразборчивой. Сам император заявил ему: «Тебя называют... защитником всех тех, кто худ с правительством» и даже намекнул, что в доносах его представляют «главою партии» таких, «кто худ».

Такое обвинение могло быть чревато не лучшими последствиями.

6

Вятская губерния граничила с Пермской, значит — с Уралом. Да и связи этих двух краев, экономические и культурные, были давними. На территории Вятской земли действовали заводы, подчинявшиеся Уральскому горному правлению. Так что с Уралом Жуковский начал знакомиться еще на подходе к нему.

И кто бы из друзей и читателей Жуковского мог подумать, что этот поэт-романтик, автор фантастически-таинственных баллад и идиллических элегий, что он — певец Светланы и Ундины — столь заинтересованно и увлеченно будет осматривать дымные, жаркие заводские цеха и вникать в тонкости фабричного производства.

Сам он, правда, записал впечатления только «перечислительно». На Ижевском оружейном заводе: «Вытягивание, загибание, сваривание, сверление. Шустение, обтачивание, полировка». На Воткинском якорно-лафетном: «Кричное производство, пудлингование, стальное, якорное, плющильное, оковка лафетов». Но ведь охватил при этом все основные операции производства... Один из летописцев Воткинска засвидетельствовал, что «действительный статский советник Жуковский» вертел колесо модели пудлингового стана. Он и потом, на других заводах и рудниках, будет так же внимателен к производству, хотя нигде не обмолвится о причине этой заинтересованности.

Полковник Юрьевич в технические тонкости не вникал: «Вечно в огне как Циклопы выковывают сталь и железо на потребу артиллерии и флота», — «картинно» писал он жене из Воткинска⁸.

А между тем, тут крылось нечто примечательное для истории отечественной техники.

В Воткинске гостей встречал, сопровождал всюду и принимал у себя дома, как хозяин, новый горный начальник — подполковник Илья Петрович Чайковский. Здесь снова произошла как бы переключка поколений, хотя и более отдаленных, чем в случае с Герценом: три года спустя в доме родится будущий великий композитор Петр Чайковский (который, вдохновившись элегией Жуковского «Вечер», положит ее на музыку для дуэта Лизы и Полины в «Пиковой даме»).

Илья Петрович с увлечением занимался преобразованием заводских устройств. Именно ему принадлежала инициатива внедрения и освоения нового для русской металлургии метода пудлингования. Заинтересованный в утверждении метода, на который начальство смотрело с недоверием, он еще при встрече вручил наследнику «портфель, в коем заключалось шесть листов с рисунками машин», а после заставил его вместе со свитой около часу слушать чтение и объяснения «статистики завода и всех заводских операций». Мало того, подвел великого князя к специально изготовленной для этого случая модели пудлингового устройства и предложил «поиграться» на ней.

Зато цель была достигнута — модель «удостоилась одобрения». «Игра» стоила свеч...

7

Майские вечера в Прикамье длинны и светлы. Поэтому задуманная организаторами эффектная иллюминация Перми, расположенной на высоком левобережье Камы, не произвела особого впечатления на кортеж, подъехавший к городу в одиннадцатом часу.

Следуя инструкции Николая, путешественники сразу же отправились в отведенные для ночлега резиденции. Жуковский от усталости клевал носом и к начатой днем записи («Переезд из Воткинского завода в Пермь»⁹) перед сном ничего добавить не мог.

Остальные пермские записи тоже не широки по информации: имена лиц, с которыми пришлось знакомиться и у кого бывать, осмотры (выставка, гимназия), катание на лодке, во время которого успел сделать несколько зарисовок города... Не все это было интересно самому Ва-

силлю Андреевичу, тем более не все интересно нам сегодня.

Однако две темы, которые, к тому же, имели продолжение, стоит отметить.

«...Швецов»¹⁰. И через несколько строк опять: «После обеда у меня Швецов...» Кто такой?

Фотий Ильич Швецов, по должности, — скромный приказчик Нижнетагильской заводской конторы, недавний демидовский крепостной. По своему же месту в истории Урала это один из даровитейших деятелей горной промышленности края, талантливый инженер, высокообразованный человек, пользовавшийся уважением и привязанностью многих замечательных своих современников. Восемь лет, еще будучи крепостным, он учился по «путевке» Демидовых за границей — в горных школах Меца и Парижа, объездил все страны Европы, изучил горнозаводский опыт. Несомненно, он был знаком со многими русскими, жившими в те годы вне России, в том числе и эмигрантами. Не случайно в 1845 году Фотий Ильич тайно навестил в Ялуторовске ссыльного декабриста Пущина и передал ему привет из Парижа от «государственного преступника» Николая Тургенева. И кто знает, насколько часты были подобные встречи и тесны крамольные связи... Стоит также вспомнить, что приехавший в Россию в 1829 году знаменитый ученый Александр Гумбольдт еще загодя, из Берлина, выпросил у министра финансов Канкринна себе в спутники Швецова, которого знал по встречам в Европе.

Такая интересная фигура не могла не обратить на себя внимания Жуковского.

Фотий Ильич прибыл в Пермь, как представитель Нижнетагильских заводов, чтобы условиться о подробностях визита в Тагил — визита, которому владельцы заводов придавали особое значение. Потом Швецов будет сопровождать Жуковского и в Нижнем Тагиле, и в Екатеринбурге, и даже в поездке на Березовские золотые промыслы, где, видимо, обстоятельно и колоритно комментировал особенности золотодобычи («...Жаль очень, что я не записал многих выражений Швецова» — отметил поэт).

Другая «тема», с которой Василий Андреевич столкнулся в Перми, которую он принял близко к сердцу, это вопрос о раскольниках.

...Еще в Петровские времена, когда раскол в русской церкви достиг апогея, а гонения на староверов — предела жестокости и непримиримости, с Керженца (отсюда — «кержак»), с Онеги и других, прежде казавшихся неприступными, уголков хранители древнего благочестия хлынули на Урал и в Поволжье, унося с собой «не исправленные» древние книги, старого письма иконы, нравы и обычаи, с которыми не хотели расставаться.

На Урале они пришлось весьма кстати — бурно развивавшейся горнозаводской промышленности нужны были кадры. Насильное переселение крепостных душ положение не спасало. Трудолюбивые, строгих нравов «кержаки» являлись идеальной рабочей силой. Но если приказчик казенного завода не мог взять на работу объявленного вне закона старовера, то хозяева частных заводов — Демидовы, Яковлевы, Турчаниновы, Походяшины (иные из них и сами тайно хранили преданность старой вере) этим ничуть не стеснялись. Наоборот, они радовались возможности жестче эксплуатировать людей, оказавшихся по сути дела бесправными.

Именно заинтересованность в такой рабочей силе с годами ослабила нетерпимость властей к раскольникам. Прежнее бесправие сменилось полуофициальным признанием «права на жизнь». На жизнь, но не на веру — гонения церкви на обряды, священнослужителей и молельни продолжались; сила их чаще всего зависела от степени фанатизма местного иерарха православия.

Одним из таких фанатиков был архиепископ Пермский Аркадий.

Даже полковник Юрьевич нашел необходимым сообщить жене, что «здесь... царство раскольников, коих ныне стараются обращать в единоверие, но, кажется, с сомнительным успехом, ибо много просьб от раскольников, чтобы их избавили от миссионеров православных»¹¹.

Жуковский записал: «После осмотра выставки у архиерея. Разговор о раскольниках. Миссии». Противник любой нетерпимости (за что нередко вызывал огонь на себя), конечно, не мог равнодушно пройти мимо этой проблемы, за которой стояли страдания десятков тысяч людей. Разговором с пермским архиереем дело не ограничилось. Уже через день Жуковский вернулся к нему в Екатеринбург...

В Екатеринбург выехали поутру 25-го. В дороге, вероятно, Василий Андреевич листал врученную накануне брошюру «Краткое статистическое обозрение Пермской Губернии 1837 года». Хотя в ней всего 48 страничек в восьмую долю листа и 4 клейных таблицы, оформлена как заправская большая книга: в шелковом переплете, с кожаным титулом на корешке и с золотым обрезом. Приятно взять в руки, но... читать выпренные фразы, густо пересыпанные цифирью, едва ли у кого достало терпения, разве что у присяжного статистика Арсеньева.

Книжица эта сохранилась. Ее обнаружил в научной библиотеке Томского университета (куда в свое время от сына поэта поступило книжное собрание Жуковского) хранитель отдела редких книг В. В. Лобанов.

Странное дело — библиографы, историки печати о такой и не слыхали. Не была она, очевидно, известна маститым библиографам старого Урала — Н. К. Чупину и Д. Д. Смышляеву. Категорическим «не обнаружено» ответили на запрос о наличии ее и самые крупные книгохранилища страны. Значит, только благодаря Жуковскому дошла до нас эта, теперь уже ставшая важной (исторический документ!), книга.

8

26 мая в 4 часа дня поезд подъехал к рубежу Европы и Азии, отмеченному символическим столбом. Из дорожных погребцов были извлечены походные фляги.

Впереди ждал Екатеринбург, по штатному расписанию — уездный город Пермской губернии, а по значению — центр горнозаводского края.

Была у Екатеринбурга особенность, выделявшая его среди других городов империи. Это был «горный город», живший с 1807 года на особом положении: свои законы, свое войско, свой суд — своеобразное государство в государстве. Это был «город-экзотики»: золото добывают чуть не в черте города; знаменитая гранильная фабрика, изделия которой — из цветного камня и самоцветов — сияли и сверкали в столичных дворцах; наконец, монетный двор, двор, основанный еще при Петре.

Этой экзотикой угощали обычно высоких гостей, и именно она оставалась у них в памяти. Вот и Юрьевич на нее клюнул прежде всего — и в дневнике, и в письмах для остального места не осталось ¹².

У Жуковского блеск золота и драгоценностей особых эмоций не вызвал. Об этих показательных экскурсиях он записал кратко: «Осмотр завода, золотопромывальни, гранильной фабрики, монетного двора». И все...

Зато он обратил внимание на другое — на обратную сторону экзотики, те особенности «горного царства», которые от посторонних глаз обычно скрыты: произвол, хищения, злоупотребления властью, пышно возросшие на почве «особых законов». Его интересует «дело лекаря, похитившего золото», история «гороблагодатского полицмейстера, убившего унтер-офицера», «жалобы работников и жандарм Косинский». А в полстрочке: «О Зотове. О Харитонове» скрывалось местное «дело века» — история заводчиков, прославившихся не просто жестокостями (которых везде хватало), а прямо-таки исключительными зверствами на своих кыштымских и ревдинских заводах. Лишь огромные взятки во всех инстанциях, вплоть до самых высоких, спасли этих извергов от каторги, и они отделались ссылкой в прибалтийский городок Кексгольм...

Кто мог поведать обо всем этом? Вероятнее всего — полковник Меньшенин, берг-инспектор Горного правления, исполнявший в отсутствие Главного начальника заводов хребта Уральского (генерал Глинка только что был назначен и еще не прибыл) обязанности гостеприимного хозяина.

С первого взгляда это кажется странным: представитель горной администрации, в интересах которой показать край с выгодной стороны и скрыть темные стороны, раскрывает местные секреты представителю свиты наследника! Но если знать, что Жуковский и Меньшенин могли быть в свое время знакомы и — что уж бесспорно — связаны кругом общих знакомых, то такое несоответствие в поведении берг-инспектора не покажется удивительным.

Дмитрий Степанович Меньшенин, бывший практикант Екатеринбургских заводов, в 1816—1821 годах учился в Петербурге, в Горном корпусе. Уже в 1817 году сблизился с кругом участников Вольного общества любителей российской словесности и стал его членом-корреспондентом. На тех заседаниях, которые посещал, присутствовали В. К. Кюхельбекер и А. А. Дельвиг, Ф. Н. Глинка и Н. Н. Гнедич — словом, близкие знако-

мые Жуковского. А после 1820 года, когда Меньшенин стал действительным членом общества, он встречался там с А. А. Бестужевым (Марлинским), Е. А. Баратынским, А. О. Корниловичем, О. М. Сомовым, К. Ф. Рылевым.

Меньшенин не просто присутствовал на заседаниях — читал на них свои переводы, статьи и стихи. Один из его переводов («Письмо о химии») благосклонно отметил А. А. Бестужев в критическом обзоре, помещенном в «Полярной звезде».

Жуковский тоже состоял членом этого общества, но в те годы, когда Меньшенин активно в нем участвовал, Василий Андреевич из Петербурга часто выезжал.

Вернувшись в 1821 году в родной Екатеринбург, Меньшенин снискал себе репутацию знающего специалиста (А. Гумбольдт, взяв его в спутники, остался очень доволен), но какое-то время еще не порывал отношений с литературой — печатался в столичных журналах. Однако служебные дела взяли верх, и к моменту встречи с Жуковским это был уже довольно респектабельный горный чиновник, которому, конечно, было приятно вспомнить о давних увлечениях и давних встречах, но и только, пожалуй. Впрочем, несмотря на занятость, он сумел уделить поэту немало времени: весь путь до Тагила проехал в его коляске, принимал у себя дома (даже в карты сыграли), потом встречался с ним в Златоусте.

Во всяком случае, Василий Андреевич мог быть благодарным Меньшенину за любопытную информацию.

...А пока представим себе, что они трясутся в коляске по Верхотурскому тракту, направляясь в вотчину Демидовых — Тагил...

9

И куда еще занесло Жуковского в Екатеринбурге — в тюремный замок!

Краткая запись в дневнике: «Похититель изумрудов в остроге с убийцами... Суд Шемякин...» * А за нею — примечательное и трагичное «Дело Коковина», которое доньше не разгадано полностью.

* Между этими двумя фразами оставлено место — вероятно для фамилии «похитителя». И — что важно — стоит слово, не прочитанное (или опущенное) Бычковым. Это слово «Перовский». Дальше станет ясным, почему это важно.

История эта связана с находкой уникального кристалла изумруда.

Командир Екатеринбургской гранильной фабрики Яков Иванович Коковин, талантливый и энергичный человек, выбившийся из простых подмастерьев в крупного горного деятеля, до самозабвения любил самоцветные камни, собрал интересную — редкую и дорогую — коллекцию их, которую, надо сказать, не то что хранил в тайне, но и показывать не любил. Драгоценный камень Коковин знал отлично, и не случайно именно он первый оценил случайное открытие изумрудов на Урале и способствовал разработке месторождения.

Эта же любовь к камню и погубила его.

Когда в 1834 году ему, как командиру императорской гранильной фабрики, был доставлен со Сретенского прииска огромный (в фунт весом!) изумруд, Коковин, обомлев от радости, не мог выпустить из рук чудесный кристалл, унес его домой и часами любовался им. Но нашлись недруги, которые донесли в Петербург, в Департамент уделов, что командир фабрики утаивает для себя наиболее ценные камни, предназначенные для царского двора, и даже намеревается продать их за границу.

Делу дали ход. Из столицы прибыл контролер. При обыске у Коковина действительно нашли много камней и на специальной тройке отправили в Петербург в сопровождении мастерового фабрики Григория Пермитина¹³.

Дальше, как пишет академик А. Е. Ферсман в книге «Воспоминания о камне» (а за ним повторяют другие) — «Коковина с пристрастием допрашивают, сажают в Екатеринбургскую тюрьму, снова допрашивают, но через несколько дней находят его повесившимся в камере».

Но в том-то и дело, что история кончилась не так быстро, как можно понять из этих строк Ферсмана. Дневник Жуковского свидетельствует, что Коковин еще летом 1837 года продолжал сидеть в тюрьме «вместе с убийцами». А запись «Шемякин суд», очевидно, не пустые слова: «преступник», просидевший уже три года в тюрьме, продолжал настаивать на своей невиновности.

Надо сказать, что и теперь, современному следователю по особо важным делам, установить истину было бы нелегко — «исходные документы» составлены очень пу-

танно (может — нарочно?). Что за минералы хранились у Коковина, где именно они были найдены? Не оговорено то важное обстоятельство, что Коковин жил на территории самой фабрики. Весьма возможно, что большинство найденных камней составляло личную минералогическую коллекцию, не представлявшую материальной ценности, а ценный ограночный материал нашли не на квартире Коковина, а на складах фабрики, рядом с квартирой, но включили в общую опись. Тут и опытный следователь развел бы руками. Если бы...

Если бы продолжение истории за пределами следственного дела не указывало на подоплеку его.

Гигант-изумруд, из-за которого разгорелся сыр-бор, когда о нем дошли слухи до Петербурга, привлек внимание другого коллекционера камней — самого директора Департамента уделов графа Льва Перовского (кстати, хорошо знакомого Жуковскому). Именно ему, как начальнику, в ведении которого находились все гранильные фабрики, и вручил коковинские камни Григорий Пермитин. Примечательно, что именно с этого времени Пермитин под покровительством Перовского начал свою карьеру — был оставлен при Петергофской фабрике «для усовершенствования в огранке камней», а на следующий год определен в Технологический институт.

Милости, посыпавшиеся на незаметного, но ловкого уральского мастерового, свалились на него не случайно: страстный любитель драгоценных камней, граф Перовский решил оставить привезенный изумруд себе, а Пермитину приказал помалкивать.

Но самого-то Коковина надо было убрать с дороги. Для этого Перовский, пользуясь связями и влиянием, приписывает бывшему командиру фабрики всякие упущения по службе — то ли действительные, то ли мнимые, наспех собранные и не очень убедительные.

Перовскому надо было упрятать Коковина еще и потому, что за несколько лет до этого (в 1829 году) сам же граф, через директора Петергофской фабрики, предложил екатеринбургскому командиру-коллекционеру вступить «в коммерческую, совершенно в частном виде спекуляцию» (так и написано!), но получил достойную отповедь честного человека: «...пока служу, никаких сторонних выгод желать и искать не могу, да и сама заботливость службы того не позволяет»¹⁴.

Но — «с сильным не борись», напоминала пословица. Льву Перовскому, куда уж как сильному в чиновной иерархии, нетрудно было запутать дело Коковина и самому остаться вне подозрений¹⁵. Тем более, что суд, разбиравший дело, находился в ведении Оренбургского генерал-губернатора Василия Алексеевича Перовского. Да-да, родного брата!

Вот на это дело и обратил внимание Жуковский при посещении тюремного замка. Не забыл он о нем и после — несколько дней спустя, по дороге в Камышлов, записал: «Разговор за обедом о деле Коковина. Без суда да не накажется».

Из тюрьмы Коковина в конце-концов выпустили, но без оправдательного приговора, со службы его уволили без пенсии. Никакие жалобы не помогли.

А «изумруд Коковина» вошел в историю. О нем много писали. Тем более, что дальнейшая его судьба оказалась еще «богаче» — в пору писать приключенческий роман.

От графа Перовского камень попал (был куплен или проигран в карты, точно неизвестно) к другому ситятельному коллекционеру — князю Кочубею, владельцу огромных земель на Украине. Через сколько-то лет, в одну из вспышек крестьянских восстаний, дворец Кочубеев был сожжен, а коллекции выброшены и растащены. Часть их с большим трудом удалось собрать, нашелся и знаменитый изумруд.

Молодой князь Кочубей, разгневанный на «зловредных» соотечественников, увез коллекцию в Вену, где предложил ее на продажу. Российская Академия наук подняла кампанию за возвращение уникального собрания, представлявшего национальную ценность, на родину. Вопрос обсуждался даже в Государственной думе. К счастью, он был решен положительно, и выехавшие в Вену ученые-геологи В. И. Вернадский и молодой еще тогда А. Е. Ферсман приобрели коллекцию за 150 тысяч рублей.

Драгоценный груз повезли на родину. Каков же был ужас уполномоченных Академии, когда оказалось, что в пути, несмотря на особую охрану, пропали (похищены?) два ящика. И какой оказалась радость, когда выяснилось, что в пропавших ящиках лежали наименее ценные минералы, а изумруд дошел в целости.

С тех пор он, наконец, обрел покой в витрине Минералогического музея Академии наук.

Правда, позднее, сличая этот камень с данными описи образцов, изъятых у Коковина, с удивлением обнаружили, что такого камня в описи не значилось: был весом поменьше, но качествами и ценой куда выше.

История так и осталась неразгаданной...

Об этом, повторяю, много писали. Но — о самом изумруде и его приключениях. Судьба камня заслонила трагическую историю человека. Две строчки в путевом дневнике Жуковского, познакомившегося с делом через знающих людей, а, может, и беседовавшего с несчастным, помогли нам взглянуть на все иначе.

10

Что Василий Андреевич любил рисовать и слыл искусным рисовальщиком, хорошо известно. Сохранились тысячи листов его графического наследия. Кроме того, он был умелым гравером, сам иллюстрировал некоторые свои книги. Альбом его офортов с видами Павловска высоко ценится у любителей гравюр. Недаром он учился у столь известных мастеров, как академик И. Н. Уткин, дерптский профессор Зенфт, придворный художник Клара.

Специалисты отмечали особую лирическую настроенность пейзажей, своеобразный романтический почерк, созвучный его стихам, музыкальность «контурной речи».

Совершенно особое место в графическом наследии Жуковского занимают путевые зарисовки. В пути он обычно не расставался с альбомом (только в отделе рукописей Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина сосредоточены четырнадцать, а сколько еще было вообще!). Больше того, Жуковский сам признавался, что именно путешествия сделали его рисовальщиком.

Конечно, и в этот вояж он должен был взять альбом. В дневнике не раз упоминается о сделанных им рисунках («Чудный вид с высокого пункта, который я срисовал»). Подтверждается это и письмами Юрьевича («Жуковский снял вид... Я пришлю тебе его копию») ¹⁶.

Но где же рисунки? Сохранились ли? Сохранись, они, конечно, украсили бы краеведческие хрестоматии, экспозиции музеев.

Увы, их не оказалось ни в одном из известных фон-

дов Жуковского в наших архивохранилищах — ни в Центральном государственном архиве литературы и искусства, ни в Пушкинском Доме Академии наук (где собрано около полутора тысяч единиц хранения из его наследия), ни в Ленинской библиотеке, ни в основном его фонде (переданном когда-то сыном поэта) в ленинградской библиотеке им. Салтыкова-Щедрина.

Можно было подумать, что до нашего времени они не дошли...

Но они «нашлись». И даже не терялись — спокойно лежали в фондах отдела рисунков Государственного Русского музея в Ленинграде. То, что оказались полузабытыми, объяснимо: долгое время они находились в неразобранной части библиотеки Зимнего дворца и лишь в 1930-х годах были переданы Эрмитажем, в числе других изобразительных материалов, Русскому музею.

В Зимний же дворец они попали, как подношение Жуковского своему августейшему воспитаннику. На это намекает и тисненая надпись на папке-портфеле:

«Рисунки Василия Андреевича Жуковского, сопровождавшего великого князя наследника цесаревича Александра Николаевича во время путешествия его высочества по России в 1837 году».

И тут, пожалуй, стоит вспомнить напечатанную в «Русской старине» (1902, кн. IV) заметку А. Фомина с длинным названием: «Альбом, подаренный Фридрихом-Вильгельмом, наследником прусского престола Василию Андреевичу Жуковскому, а последним принесенный в дар наследнику цесаревичу великому князю Александру Николаевичу, впоследствии императору Александру II».

В этой заметке, в частности, говорилось: «Летом 1901 года, интересуясь бумагами и рисунками Василия Андреевича Жуковского, хранящимися в собственной его императорского величества библиотеке в Зимнем Дворце в Санкт-Петербурге, я имел возможность познакомиться с интересным содержанием шкатулки императора Александра II, заключающей в себе несколько историко-литературных реликвий...» Перечисляя их, А. Фомин упоминает и путевые рисунки Жуковского, как видно вложенные в свое время в подаренный ему братом будущей императрицы альбом, представляющий собою «роскошный кожаный зеленый переплет с золотым по красному тиснением».

И вот она, эта папка, в руках. А внутри — целое богатство. Можно сказать, еще не тронутое. Сто семьдесят шесть листов! Сделанных на уральском отрезке пути — от Воткинского завода до города Уральска — среди них тридцать восемь. Виды городов, заводских поселков, станиц, деревень. Пейзажи — горы, степи, реки...

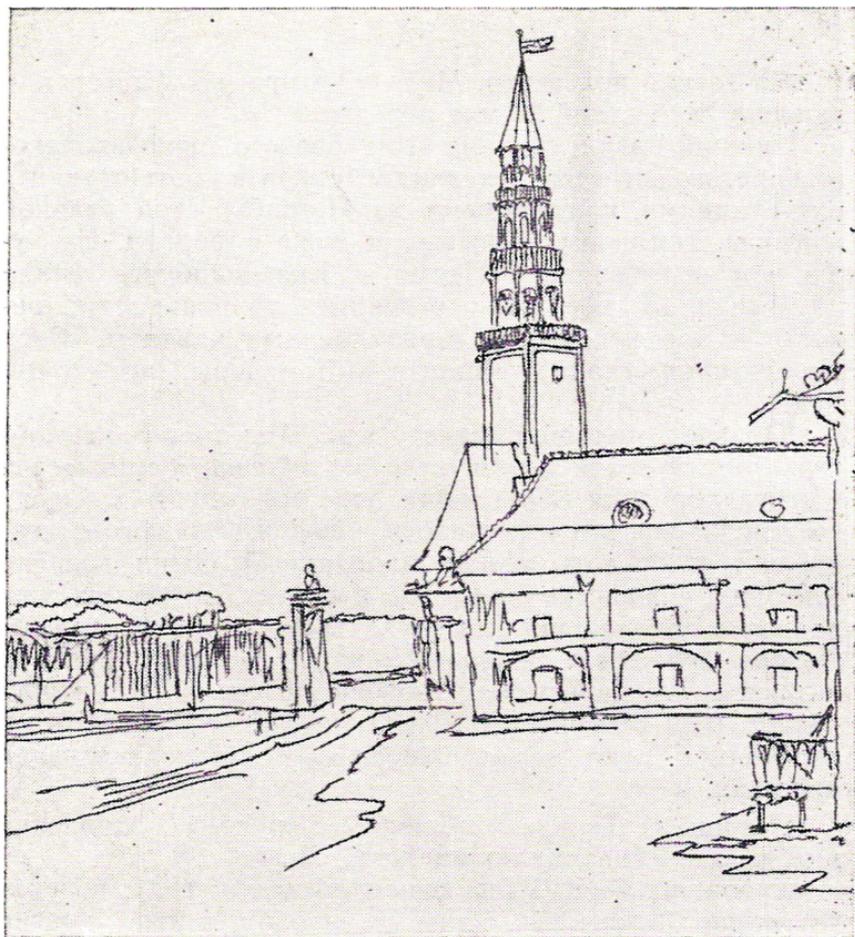
Глядя на них, можно присоединиться к обозревателю «Современника», который писал: «Нам удалось взглянуть на драгоценное собрание очерков различных мест и предметов, привезенное В. А. Жуковским из путешествия... Знатоки всегда удивлялись верности его взгляда, умению выбирать точки, с которых он представляет предметы, и мастерству схватывать вещи характеристически в самых легких очерках»¹⁷.

Справедливо относится к уральским рисункам поэта и вывод современного нам искусствоведа: «Свои пейзажи — своеобразный дневник его многочисленных путешествий — Жуковский понимал как портрет местности... удивляющий особой музыкальностью «контурной речи»¹⁸.

Однако есть в уральских зарисовках и необычная для прежних работ черта. В них совсем нет того, что отмечают все пишущие о его графическом наследии: «В них отчетливо выражается характер романтизма Жуковского: мрачные своды, унылые скалы, печальные обелиски и памятники контрастируют с сияющими вдали цветущими островами, освещенными ярким светом»¹⁹. И, тем более, нет такого: «Его декоративный меланхолический рисунок... близок его поэзии общим романтическим духом и несколько холодной возвышенностью»²⁰.

Какая уж тут возвышенность — в покосившихся хибарах станиц, в водовозных бочках у заводской «пожарки» в Тагиле, в неприбранности майдана Магнитной... Уж на что, казалось бы, романтический мотив — Невьянская башня, с которой связано столько таинственных легенд (надо думать, что Жуковскому о ней достаточно порассказали, пока они пили чай под ее сенью 27 мая), но и она подана как-то сдержанно, суховато, как один из «кольев» его дневника. Даже хребты Южного Урала, романтические уже сами по себе, не вызвали у рисовальщика желанья придать им «холодную возвышенность».

Зато какой неоценимый интерес представляют они для нас! И не только потому, что созданы рукой выдаю-

Невьянский завод. 27 мая 1837 год

щейся личности. В эти годы Урал рисовали еще очень редко, фотографии не существовало, и поэтому рисунки Жуковского стали историческими документами. Известно ли нам хоть одно изображение станицы Магнитной, ставшей ныне известнейшим городом Магнитогорском? А оно есть у Жуковского. Кто тогда мог запечатлеть всякие там Чумляцкие и Тереклинские, Сыростан и Губерлю? А Василий Андреевич занес их в свой альбом. Даже зарисовки Нижнего Тагила, хотя его в те годы уже рисовали художники, сохранили нам неповторимые детали, не известные по другим источникам...

«В Тагиль под вечер. Мне квартира во флигеле»,— записал Жуковский 27 мая перед сном.

Нижний Тагил, столица демидовского горнозаводского царства, встретил путешественников в соответствии с инструкциями, полученными из Петербургской главной конторы Демидовых,— пышно и даже с форсом. Не хуже, чем в губернской Перми и Екатеринбурге, сияла иллюминация, полыхали огненные транспаранты, оркестр и хор исполняли торжественные кантаты. Свои пиротехники, свои музыканты— Демидовы, не кто-нибудь!..

Юревич описывал встречу так: «Высокая гора с обсерваторией вся в ярком огне бесчисленного множества площадок поразили глаза наши, уже привыкшие к блеску сего рода: все это отражалось в водах большого резервуара горных вод, и иллюминированный ботик посреди этих вод, с хором музыкантов и певчих, игравших уже давно не доходивший до слуха нашего русский гимн Львова, довершал очарование наше. Великий князь с истинным удовольствием любовался одним и слушал другое. Ему усладительна была музыка сия после оглушительного рева «ура» более 15-ти тысяч заводских крестьян...»²¹

Историки Тагила уточняют: «ревом» заводских крестьян командовал полицейский Львов.

Художник В. Е. Раев, писавший в том году, по приглашению Демидовых, виды их заводов, также отметил феерическую картину иллюминации в своем дневнике, а потом в «Воспоминаниях из моей жизни»: «...особенно обратила внимание... иллюминация Лисьей горы, которая возвышается почти посреди Тагиля, она вся была установлена смолистыми бочками, кострами и площадками: когда все это загоралось и на вершинах дальних гор горели костры, в то время случилась темная ночь и представилась дивная картина; конечно, кто не знал прежде, что существует среди города высокая гора, тому покажется эта масса огня чем-то до чрезвычайности странным, и всех более был поражен этой фантастической картиной наш славный поэт Василий Андреевич Жуковский»²².

Однако гости долго иллюминацией не любовались:

предписанный императором режим требовал удаляться ко сну рано.

Зато утром демидовские управители — Любимов, Данилов, Белов — представили им обширную программу знакомства с Тагилом и его предприятиями: у богатейших в России заводчиков было чем поразить любого. Надо сказать, что Тагильские заводы, благодаря усилиям талантливой плеяды крепостных специалистов, представляли собою передовое по тем временам в техническом отношении производство. Историки техники до сих пор открывают в архивах все новые свидетельства творчества тагильских мастеров. Об этом убедительно говорят труды академика В. В. Данилевского, профессора В. С. Виргинского, краеведа С. П. Панкратова.

Гостям показали специально устроенную для них выставку, на которой, наряду с полной номенклатурой изделий и образцами природных богатств округа, особый интерес представляли дела рук заводских умельцев: завязанные в узел стальные пруты толщиной в руку, покрытые секретным «хрустальным» лаком художественные подносы с росписью, художественное чугунное литье. Водили по вычищенным от многолетней грязи цехам, где наряженные (на эти часы) в белоснежные фартуки мастеровые привычно сновали у огнедышащих печей и домен, у грохочущих молотов и прокатных станов... Показали невидное снаружи жерло горы Высокой, которая уже начинала становиться «ямой Глубокой», — знаменитый железо-магнетитовый рудник, принесший Демидовым многомиллионные доходы...

Наследник от усталости осовело тарачил глаза и поэтому почти не обратил внимания на «пароходку» — первую русскую железную дорогу, устроенную отцом и сыном Черепановыми²³. Один из них, Мирон, заводской механик, сам стоял у реверса, готовый пустить машину в ход и прокатить знатных гостей (в надежде, что, может, хоть после этого хозяева обратят больше внимания на многострадальное детище мастеров). Но великий князь любопытства не проявил, а управитель Любимов не преминул отметить это в своем донесении Петербургской конторе.

Некоторое замешательство вызвал встреченный на пути с рудника монумент — памятник одному из Демидовых (но и как бы всей династии), созданный в Пари-

же и привезенный в такую даль для всечасного любования подданным горного царства. Тагильские управители предпочли не задержаться у помпезного монумента — на нем величественный Демидов изображен благодетельствующим своими дарами коленопреклонной... России. Сюжет, конечно, не для глаз представителя царствующего дома!..

Было приготовлено для гостей и «чудо». Для этого пришлось спускаться на глубину 36 сажен в шахту малахитово-медного рудника на Вые. Там красовалась пока еще не до конца очищенная от окружавших ее пород глыба малахита — невиданных ранее в мире размеров и весом (по обмеру) более трех тысяч пудов.

«Мы видели истинное чудо, — сообщал Юрьевич жене, — ...его доселе оценить нельзя»²⁴. Оценить его, действительно, было затруднительно — находка такого количества редкого камня могла резко изменить его цену на мировом рынке.

Монолит был и в самом деле чудом. Он вошел в историю. Более того — открыл новую эпоху в использовании малахита. Именно конец тридцатых — начало сороковых годов XIX века стал «золотым веком» этого камня — никогда прежде и никогда позже не было создано столько замечательных изделий из него, изумляющих мир до сих пор. Достаточно вспомнить Малахитовый зал Зимнего...

Жуковский обмерил монолит: «Малахитовая масса в 2 сажени длины, в $\frac{1}{2}$ сажени толщины и в $1\frac{1}{2}$ сажени вышины», и это помогает нам решить спорный вопрос: каковы же были окончательные размеры глыбы через два года после находки, ибо пишущие и писавшие о ней приводят разноречивые данные.

Наследник «изъявил свое удовольствие и удивление могучему и игривому действию природы», каковые слова и были занесены в бархатную книгу, специально заведенную по приказу Демидова, чтобы записывать каждый шаг и каждое слово высокого гостя.

Но и на этом не кончилась программа дня, предложенная хозяевами Тагила: гостей отправили в Кушву. «Для нас, — записывал Юрьевич, — казалось, недостаточно было в этот день быть так глубоко в подземелье, надобно было испытать другого рода трудность и усталость: это взобраться на высоту 1200 фут (170 саж), на

гору Благодать, всю состоявшую из железной руды. И здесь мы были вознаграждены за труд свой. Величественная живописная панорама открылась глазам нашим: с одной стороны бесконечная цепь Уральских гор (гора Благодать стоит отдельно), а с другой — необозримая низменность восточной Азии; внизу озера, лес, множество воды. У подножия сей горы лежит Кушва, большое село с чугунным заводом...» (далее следует известная легенда об открывшем Благодать вогуле Чумпине с клеветой на его соплеменников)²⁵.

Столь большую цитату приходится приводить специально, чтобы показать поверхностность впечатлений недалекого человека — все внешнее, без какого-либо проникновения в суть горнозаводского Тагила тех лет.

Не то у Жуковского. Он не поехал, остался — хотелось не спеша осмотреть «горное гнездо», увидеть его не в показном, а в истинном свете. Вероятность такого желания подтверждается записью о проведенных вне свиты часах: «Разбор геологической карты тагильской. Объезд деревни. Переселенцы из Чернигова. Трудность доставания золота и самое нездоровое производство...» Никого из свиты такое не заинтересовало.

Между тем, увиденное поэтом было и впрямь достойно внимания.

Геологическая карта округа — одна из первых в стране. Демидовы по настоянию заводских специалистов затратили на нее более ста тысяч рублей (полностью она была закончена только в 1840-х годах). И хотя, как выяснилось потом, составлявший ее француз Ле-Пле (а могли бы и свои!) многое напутал, она все же помогла заводам в правильном ведении сырьевого хозяйства на много лет вперед. Показывал карту, скорее всего, один из участников ее составления — Фотий Ильич Швецов.

При объезде деревни Василий Андреевич и столкнулся с переселенцами из Чернигова, которые жили на Гальянке, в поселке за прудом. Их судьба, заинтересовавшая Жуковского, — одна из трагических страниц истории тагильских заводов.

Еще в 1828 году Николай Демидов купил в Черниговской губернии ни много ни мало — восемь с половиной тысяч душ крестьян и перевел их на свои тагильские заводы. Пять лет спустя к ним прибавилось еще несколько

сот душ мужского и женского пола, выигранных, как гласит предание, у черниговских помещиков в карты. Крестьяне считали свое переселение незаконным и требовали возвращения на родину, посылая ходоков в губернию, в столицу, несмотря на сыпавшиеся на них за это кары. С приездом наследника они связывали новые надежды.

Полицейский приказчик (была у Демидовых и такая должность) Прокофий Львов пронюхал о намерениях черниговцев и рапортом в заводскую контору предупредил: «Носятся слухи, что ищущие свободу крестьяне, купленные от графа Бобринского, намерены непременно сие исполнить, то есть встать на колени и подать просьбу, и просить об освобождении их из здешних заводов». Он опасливо спрашивал: «Как в таком случае поступать?» Как поступать **обычно** — Львов знал...

Просьбу свою крестьяне все-таки подали — уже при отъезде наследника. Где-то за заставой толпа крестьян с обнаженными головами бросилась наперерез экипажам, держа в руках прошения, и упала на колени. Экипаж великого князя успел промчаться, но, как свидетельствуют местные летописцы, «один из последних экипажей на секунду задержался и кто-то из свиты принял прошение» (уж не Жуковский ли был этот «кто-то»?)

В прошении говорилось: «Нам здесь жить очень тяжело, плату мы получаем малую... и хлеба нам, рабочим людям, нейдет... Просим вернуть на прежнее жилище».

Письмо, конечно, пошло не наследнику, а по канцелярским инстанциям. Известен и ответ на него. На запрос Горного правления демидовская контора отписалась весьма категорично: крестьяне просят несбыточного, куплены и переведены они «по всем правилам и законам»²⁶.

...Памятью о посещении Тагила в альбоме Жуковского сохранились два рисунка: вид на Лисью гору со сторожевой башней.

12

Уральские горы остались позади. «Приятная природа, ровные места, рассеянные березовые рощи» — заносил в записную книжку Жуковский, сидя в коляске вместе с Арсеньевым. Но не забыты были воспоминания

и заботы: «Чтение записки Китаева и разговор о старообрядцах».

...В Центральном государственном историческом архиве (ЦГИА СССР) в одной из «единиц хранения» лежит «Письмо Егора Китаева (Верх-Исетский завод) Константину Ивановичу (фамилия не установлена) о посылаемой ему записке о старообрядцах»²⁷. Запись Жуковского позволяет уточнить фамилию «неустановленного лица»: это, конечно, Арсеньев — один из воспитателей наследника, ученый-экономист, свой человек в высоких правительственных сферах. Записка ему датирована 31 мая, то есть днем отъезда путешественников из Екатеринбурга, а вручена, наверное, уже когда они сидели в экипажах.

С Китаевым Жуковский и Арсеньев познакомились еще 27 числа, когда наследник с частью свиты посетил его дом, в котором за тринадцать лет до того побывал император Александр I. Егор Китаев был интересной фигурой, которая еще ждет биографа. Выходец из мастеровых, он вырос до управляющего одним из крупнейших частных заводов Урала. Энергичный и деятельный, волевой и настойчивый, отменный знаток заводского дела, с наследственной жилкой уральского умельца, Китаев образцово поставил производство, давая большие барыши своим хозяевам. Его с охотой взяли бы на любой казенный завод, но он был... старообрядцем. И не рядовым, а одним из главарей старообрядчества в крае!

Вероятно, и при наследнике он не побоялся затеять разговор о нуждах единоверцев: Жуковский, после посещения его дома и заметки о каком-то «удивительном устройстве» в нем, записал: «Разговор с Китаевым». Состоялся и еще один разговор — 30 мая, уже по возвращении свиты из Тагила. Тогда-то, надо думать, Китаев заручился согласием Арсеньева и Жуковского помочь в передаче и продвижении дальше его «Записки» о положении старообрядцев на Урале.

Рядом с письмом Китаева Арсеньеву в делах ЦГИА лежит дело: «Записки старообрядцев и разных лиц о положении старообрядцев на Урале и в Сибири, о поморских раскольниках, об Иргизских монастырях»²⁸. Основу его составляет «Записка старообрядцев, находящихся на Урале» с исключительно художественно выписанным заголовком (можно подумать даже, что это гравюра). В

ней обстоятельно изложена история раскола с давних времен, систематизированы все благоприятные для раскольников указания, распоряжения и законоположения правительства, выражены и мотивированы просьбы о признании прав на уважение к их вере и непритеснениях за нее.

Но бумаги так и остались в делах столичных канцелярий...²⁹

13

Дальше пошла Сибирь — край, пугавший дальностью и суровостью, край каторги и ссылки.

Но и нетронутых почти богатств, неограниченных возможностей. Петр Словцов в «Московском телеграфе» своими «Письмами из Сибири» убедительно показал это.

Однако официально распространявшееся мнение, будто в Сибири живут богато, что-то не подтверждалось, и дневник Жуковского на этом участке маршрута пестрит словом «бедный»: «бедность деревень» (за Тюменью), «город бедный» (Тюмень). «Тобольск бедный город», «строение бедное» (Ялуторовск), «Челябинск. Бедный городишко»... Бедные городишки и селения встречались на пути и раньше, но почему-то именно здесь нашел он нужным акцентировать это в дневнике.

Может, потому, что новым взглядом просматривал свой давний проект, предложенный Николаю еще в январе 1830 года в письме, так и не врученном императору, но ставшем ему известным? Ведь он тогда предлагал не что иное, как поселить прощенных декабристов в Сибири, «безлюдной пустыне», и использовать их знания, деловые качества и энергию на то, чтобы обратить ее в цветущий край. Увы, край, при его богатейших возможностях, беден, администрация бестолкова, богатства лежат втуне...

И в записную книжку (перевернув ее «вверх ногами», где-то в середине) Жуковский заносит строки нового, будущего письма к императору, уже который раз возвращаясь к нему в пути; набросками заполнены страницы 31—26 второй книжки (9-б по шифру ГПБ).

Конечно, деятельные люди, пекущиеся о будущем Сибири, есть, но, боже мой, как их мало! Вот Федоров, профессор астрономии, с которым некогда встречался

еще в Дерпте, сидит в Камышловe, куда прибыл с очередной своей экспедицией. Со стороны глядя — кому нужны его вычисления? А он знает — всякое освоение новых земель начинается с геодезии, землемерия суть. Верит Федоров в пользу науки своей, которую многие считают забавой — что-де толку звезды считать?

Кстати, Федоров был не так давно в Минусинске, встречался со многими декабристами, подружился с ними. «Мы... просто влюблены были в этого чудного человека и с большим сердечным сожалением с ним расстались» — писал потом в воспоминаниях А. Беляев³⁰. Жуковский, конечно, сожалел, что не было времени расспросить его подробнее...

Мало, мало Федоровых в Сибири. Тем внимательнее вглядывался он в лица — может, народ из своей среды выдвинет деятелей, способных преобразовать край? В Тюмени пробился к наследнику какой-то изобретатель пожарной машины (а пожары здесь бедствие повальное, ставшее почти привычным...).

Лица у людей здешних какие-то особенные. «Чистота происхождения в наружности и физиономии крестьянина» — записал он. В этих краях, в связи с особенностями колонизации, не было крепостного права в обычных его формах. (И. И. Пущин писал в 1845 году Е. А. Энгельгардту: «Это благо всей Сибири, и такое благо, которое имеет необыкновенно полезное влияние на край и без сомнения подвигнет ее вперед от России»). Сибирь, Сибирь...

Версты бегут, бегут мысли... «Дорога по прекрасному ровному полю» — успел черкнуть в тетрадь. «Растения полевые разнообразные. Чернозем». А ведь о черноземе лишь мечтают в какой-нибудь Псковской губернии...

В Тобольск прибыли после полуночи. Освещенный сотнями площаек, большой дом на горе казался парящим в воздухе кораблем. С Панина бугра, на котором разместился кремль, в полупрозрачности сибирской ночи угадывались очертания жилых кварталов, а за серебрящейся под луной лентой реки — бесконечная серая даль. По силуэтам церквей (Жуковский насчитал их пятнадцать) можно было предположить, что город большой и богатый. Но утром убедились в обратном. Древняя сто-

лица Сибири, хотя и носила в то время титул губернского города, жила больше былой славой — на востоке росли и богатели менее старые, но более перспективные «соперники». Столицей ссылки назвать Тобольск теперь было бы вернее.

Но проблем у молодого, потенциально богатого и очень специфичного края много, и решать их надлежало здесь, в губернии. Генерал-губернатор Горчаков — человек, по воспоминаниям современников, недалекий — пытался решать их сочинением проектов (вот и наследнику поспешил выложить), но своей нереальностью они только подчеркивали остроту положения.

Жуковский отважно принялся знакомиться с ними. Мы можем только догадываться, что скрывалось у него за такими «кольями» дневника, как «О состоянии Сибири», «О ссыльных», «О преобразовании Омской области», «О составе сибирского общества» и подобных им, но несомненно, что он честно хотел разобраться в обстановке, понять, что же это за край Сибирь, имя которого в России произносилось чаще всего с угрозой («В Сибирь!») или ужасом («В Сибирь?!»).

Зато порадовал Тобольск литературными встречами. Жуковский отметил в дневнике коротко: «Ширков. Евгений Милькеев. Ершов». Вот тут можно позволить себе, не опасаясь искажений, представить их суть...

Милый сказочник Петр Павлович Ершов, автор так высоко оцененного Пушкиным «Конька-горбунка»... Еще год назад — житель Петербурга, постоянный посетитель литературных салонов, в том числе и «суббот» Жуковского на его казенной квартире в Шепелевском доме. Печатался, имел успех, а потом взял да и уехал в свой Тобольск, куда добровольно, кажется, никто еще не ездил. Чем он здесь занимается? Учитель гимназии? Конечно, и это доброе дело, но остается ли время для литературы?..

Разговор с Ершовым и обрадовал и опечалил. Обрадовал тем, что сказочник не бросил пера, устроил театр, сочиняет для него пьесы и сам играет в них. К тому же очень увлечен новым своим поприщем — мечтает о перестройке всей системы гимназического образования.

А опечалил рассказом о том, что мечты его не встречают поддержки, директор Качурин, грубый и косный,

чинит препоны. Ершов дал понять, что не прочь был бы вернуться в столицу, но на что там жить? Вот если бы место какое...

В тот же день при посещении гимназии Жуковский указал наследнику на учителя Ершова и тихо сказал что-то. «Очень помню», — ответил великий князь, скользнув взглядом по мешковатой фигуре автора сказки, читанной ему некогда на уроках. Намеренно громко, чтоб другие слышали, Василий Андреевич заметил: «Я не понимаю, как этот человек очутился в Сибири». Ершова смутила загадочная фраза. Как понимать ее: намек на возможный перевод в Петербург? замечание для местных властей о значительности его персоны?.. На другой день к вечеру он решился нанести визит «его превосходительству» (так следовало титуловать Жуковского по его чину действительного статского советника). Но Жуковский чину придавал мало значения — обнял как друга, усадил в покойное кресло. Расстались поздно, разнеженные воспоминаниями, одинаково дорогими для обоих.

Еще одна встреча — Милькеев Евгений Лукич. Тоже пишет, но еще не свершившийся. Бедный канцелярист, робкий до неловкости. Самоучка, скуден грамотой. Забавно рассказывал, как своим умом доходил до правил версификации «Язык и правила мои в слоге заняты из того, что успел я прочитать порядочного. Грамматических терминов не знаю, риторических формул подавно... Целые ночи были проведены в усилиях открыть тайну. Наконец сосчитал я гласные буквы в печатном стихе, прислушался к ударению, и завеса приподнялась»³¹.

Принес тетрадь стихов, старательно переписанных витиеватой канцелярской каллиграфией. Василию Андреевичу они понравились — он нашел в них талант, «глубокое религиозное чувство и стремление к высокой философии». Религиозности и стремлений было, конечно, больше, чем таланта, но кому не ведомо, что талант-то это прежде всего стремление и труд. Жуковский ободрил молодого человека, обласкал, обещал содействие и поддержку. (И сдержал слово. При его участии уже в начале будущего года Милькеев приехал в Петербург, а потом в Москву, где его пригрели литературные друзья Жуковского. В 1843 году они помогли ему выпустить книгу стихов. В хоре разноречивых ее оценок

все решил сокрушительный отзыв Белинского, отказавшего автору в самобытности и даровании. Дальнейшая судьба Милькеева подтвердила этот вывод. Недостаток знаний, неумение трудиться довершили дело — тобольский канцелярист не стал серьезным поэтом. Но в этом Жуковский уже не был виноват) ³².

И — на тебе! — тоже сочинитель — некий Ширков, мещанский сын, как он рекомендовался. Поднес великому князю трактат «Извлечение из проекта добродетели» и был удостоен милостивого внимания. Но сие не по его, Жуковского, части. Добродетель незачем проектировать, служить ей надо всечасно... ³³

Могла быть и еще одна встреча, но Жуковский ее не отметил и осталось неизвестным, состоялась она или нет. Где-то тут, рядом, находился еще один поэт — ссыльный декабрист Чижев, бывший морской офицер, разжалованный в солдаты. Правда, Жуковский прежде не знал его, а сам он, помня о своем положении, представиться, наверное, не посмел.

Чижев в Тобольске дружил с Ершовым, написал вместе с ним водевиль «Черепослов», и Петр Павлович мог рассказать Жуковскому о своем друге. Но в дневнике поэта, повторяем, это не отмечено. Впрочем, Чижев, кажется, стремился к встрече не с Жуковским, а с наследником. Он — единственный из живших в то время на Урале декабристов! — подал сыну Николая I прошение о помиловании и вручил верноподданнические стихи (они были потом анонимно напечатаны в «Русском инвалиде») ³⁴. И в том же году был произведен в унтер-офицеры.

В тобольских записях Жуковского о декабристах нет ничего. Но нетрудно установить, что именно там он начал претворять в жизнь свой план, направленный на смягчение их участи. Свидетельством тому — письмо императору из Тобольска от 3 июня: «... Мне было бы чрезвычайно приятно, милый папа, если это возможно, чтобы приезд мой принес этим несчастным облегчение в их судьбе» ³⁵.

На этом и был построен план Жуковского. В беседах с наследником он пытался вызвать у него жалость к «несчастным», внушал, что смягчение участи сосланных надолго осталось бы в памяти Сибири и всей России как акт, связанный с его, будущего монарха, путешеств-

вием по стране. Тот же «прием» проходит основной темой в набросках письма к Николаю (а потом и в самом письме): «... Случай единственный... Теперь или никогда... Пускай он будет предметом нашей благодати... Тогда будет памятно...»

Теперь или никогда... Может, это Жуковский твердил и себе тоже?..

Из Тобольска отправились в пять часов утра. Однако по сторонам улиц жались теснимые городскими толпы народа. Во взглядах надежда — у кого на что.

Сибирь, Сибирь... Великая, обильная, но...

«На переезде из Тобольска до Тюмени ничего примечательного...»

15

Да и в Тюмени тоже не нашлось ничего примечательного. «Город бедный» — с десятков деревянных и шесть каменных обывательских домов (заслуживающих внимания), даже одно из «присутственных мест» — в постоялом доме. Острог и больница для ссыльных оставили ужасное впечатление... Разве что примечателен городничий Игольников, «воин и кавалер», с Георгиевским крестом и медалью на старом мундире, возможно — соратник по «стану русских воинов» где-нибудь под Бородином или Красным; у Жуковского дома, в шкатулке, тоже хранилась медаль за этот памятный для него год...

Зато при выезде из Тюмени — несчастный, огорчительный случай: «Бедственное начало дня в Тюмени. Раздавленная женщина». Описав событие более подробно, Жуковский потом почему-то зачеркнул эти строки: «Выезд мой из Тюмени был несчастный. В толпе народа, стремившегося за великим князем, женщина подвернулась под лошадей и ее ушибло колесом. Я оставил ее на руках нашего подлекаря; не знаю еще, что он скажет. Городничему дано 200 рублей для лечения. Но этого мало»...

Народа при встречах и проходах, действительно, толпилось много. И те, что согнаны для «ура», и те, что любопытны до всего, и те, что с просьбами, прошениями, надеждами — их-то всего больше. Что их винить — у народа много нужд...

Прощениями ведает, в основном, полковник Юрьевич.

Почти в каждом письме домой он досадливо и брезгливо жалуется на обилие просьб: «Здесьшний народ полудикий ужасно заваливает нас своими бестолковыми прошениями... Горе, а читать надобно»³⁶.

«Горе» сановника, недоспавшего часок, и — горе народное. Как их соразмерить?..

Жуковский торопил ямщика, стараясь догнать поезд еще до Ялуторовска: ведь там Якушкин, Матвей Муравьев-Апостол, сын старого приятеля, барона Ивана Петровича Черкасова — Алеша, которого в детстве тетешкал на руках...

Не поспел... В письме к матери наследника, которая в свое время тоже была его ученицей и с которой он позволял себе иногда быть откровенным, Жуковский с горечью сообщил: «К несчастью, отстав на дороге, я приехал в этот город в ту минуту, когда великий князь выезжал из него; я после горько, горько упрекал себя, что там на минуту не остановился: я пропустил случай утешить своим посещением бедных изгнанников, и этот случай уже никогда не возвратится»³⁷. Для себя — в дневнике — «вбил» короткий «кол»: «Досадно до отчаяния, что не остановился в Ялуторовске».

Удалось лишь передать поклоны — через кого-то из встречавших у въезда в город. От них же выведал накоротке — кто как и с кем вместе живет.

Черкасов один, без жены. Бедный Алеша! И Якушкин один. Но этот умнейший, образованнейший человек не падает духом. Задумал «ланкастерскую школу» для местных ребятишек, хлопочет о ее официальном признании, а пока сам стругает классные доски, рисует географические карты.

А вот Ентальцев (не знал его прежде) не один. Жена, Александра Васильевна, — одна из первых женщин-декабристок, отправившихся вслед за мужьями в Сибирь. Сам Андрей Васильевич нездоров — мучает душевная болезнь. И несмотря на это, на несчастного шлют доносы! Совсем недавно его дом окружил целый полицейский отряд — в очередном навете сообщалось, что государственный преступник Ентальцев прячет у себя в сарае пушки и боеприпасы, приготовленные «к прибытию его императорского высочества государя наследника». Смех и грех! И — боль!

Матвей Иванович Муравьев-Апостол, брат Сергея,

казненного вместе с Рылеевым и другими, еще в Восточной Сибири женился на сироте, бедной воспитаннице чиновника Бухтарминской таможни, Марии Константиновне. Живут пока у товарища по ссылке Василия Карловича Тизенгаузена — он завел свой дом...

...Не поспел. Досадно до отчаяния. Удастся ли встреча в Кургане?

16

Удалась!

Несмотря на поздний час, иллюминация, издалека видная на степном горизонте, усердно освещала маленький городок, похожий больше на деревню. На улицах, конечно же, народ — такое событие в дремотном мире далекого захолустья!

«Ночь была тихая и прекрасная,— записал потом в своих воспоминаниях декабрист Николай Иванович Лорер.— Наконец показались жандармы. Я и многие из моих товарищей, по их советам, при приближении экипажа наследника, считая присутствие наше в такую минуту у его дома неприличным, удалились к Нарышкиным, жившим насупротив дома, в котором остановился его высочество»³⁸.

Советам жандармов разве поперечишь!..

Однако жандармы перестарались — наследник (по совету Жуковского), оказывается, изволил справиться о ссыльных сам и даже выразил удивление, почему их на улицах при встрече не было.

Едва заглянув в отведенную квартиру и даже не переодевшись, Жуковский поспешил к Нарышкиным.

Здесь собрались почти все члены небольшой колонии декабристов.

Хозяин дома Михаил Михайлович с женой Елизаветой Петровной. Дочь знаменитого героя войны 1812 года генерала Коновницына, любимая фрейлина императрицы, она воспользовалась своими связями лишь для того, чтобы одной из первых отправиться за мужем в Сибирь. На каторгу, а потом и в ссылку.

Опираясь на костыли, сидел Андрей Евгеньевич Розен. Несколько месяцев назад он серьезно повредил ногу, нужна была поездка в Тобольск к хирургу, но губернатор Горчаков категорически отказал.

Обычно живой и остроумный Лорер — дядя знакомой всему пушкинскому окружению черноокой умницы.

А. О. Смирновой-Россет — угрюмо молчал, глядя в окно на догорающее зарево иллюминации.

Владимир Иванович Лихарев, Михаил Александрович Назимов, Иван Федорович Фохт делали вид, что заинтересованы пасьянсом, который раскладывала Анна Васильевна Розен — тоже одна из тех, которых Некрасов в своей поэме о них назовет святыми. Узнав о суровом приговоре мужу, она, не раздумывая, бросила все, что имела, оставила на попечении сестры малолетнего сына и отправилась в дальний, трудный путь к Нерчинским рудникам. Для нее он был особенно труден: не имея средств, она ехала одна, без припасов, на перекладных.

Все они сидели сейчас настороженные, взволнованные — тесный кружок людей, спаянных общей судьбой. Не было только Александра Федоровича Бриггена: расстроенный окриком жандарма, он ушел на свою квартиру и лег с головной болью.

И уж никак не ждали они после этого окрика столь позднего визитера. Да еще кого — Жуковского, которого больше всего хотели видеть и с которым связывали надежды.

«С каким неизъяснимым удовольствием встретили мы этого благородного, добрейшего человека! — вспоминал потом Лорер. — Он жал нам руки, мы обнимались. «Где Бригген?» — спросил Василий Андреевич и хотел бежать к нему, но мы не пустили и послали за Бриггеном. Когда он входил, Жуковский со словами «Друг мой, Бригген!» кинулся к нему на шею».

Потом Жуковский отметит: «Ни одного из встреченных мною в Кургане я не знал прежде». Удивительная встреча...

«Целая ночь пролетела незаметно для нас, — записал Лорер. — Жуковский смотрел на нас, как отец смотрит на своих детей. Он радовался, что мы остались теми же людьми, какими были, что не упали духом и сохраняем человеческое достоинство»³⁹.

О чем они говорили? О, им было о чем порасспросить, порассказать! О Пушкине и его дуэли, о знакомых, родных... О себе — ну, например, что Бригген переводит «Записки о Галльской войне» Юлия Цезаря и хочет посвятить перевод Жуковскому. О бесправном положении детей Розена, родившихся в Сибири, — по закону они чи-

слятся крестьянами и... кто знает, что их ждет. О лекарской практике Фохта, прославившего здесь «врачом всех бедных». О девочке-приемыше Ульяне, живущей у Нарышкиных, — семь лет назад в Чите они спасли ее от продажи какому-то купцу и взяли на воспитание... О прежней жизни в разных местах Сибири, о судьбах тех, кто остался там с надеждой на возвращение, о друзьях, которые уже никогда не вернуться...

Жуковский успевал и слушать, и рассказывать, и рассматривать. Эта ночь окончательно утвердила его в решении — снова писать царю. Писать самому, несмотря на «головомойку», полученную им некогда.

«...Наступило утро, стали благовестить к обедне, — продолжал вспоминать Лорер. — Жуковский ушел будить наследника. Только что он ушел, как прибегает к нам опять объявить, что его высочество желает, чтобы и мы были в церкви... Жуковский собрал нас в кучу и поставил поближе к наследнику... По окончании обедни наследник пристально посмотрел на нас, поклонился и вышел из церкви».

Примечательные подробности. Разогрев железо, Жуковский торопливо ковал его, не давая остынуть. По его совету в Тобольске наследник приказал Горчакову подать ему список всех поселенных в губернии декабристов. И из Кургана писал отцу, уверяя, что люди эти «ведут себя чрезвычайно тихо и точно чистосердечно раскаялись в своем преступлении» (хотя сам знать об этом, конечно, не мог).

В описании того дня Лорер сопоставляет имена Кавелина и Жуковского. Два совершенно различных человека сопутствовали наследнику в качестве руководителей и наставников. «Бригген служил с Кавелиным в Измайловском полку, они были товарищами, друзьями... После таких дружеских, близких отношений так ли должны были встретиться старинные друзья, из которых один возвысился, а другой пал? Кавелин даже не спросил о Бриггене, и, когда узнал его в церкви, то только кивнул ему головой... Какая разница с Жуковским!»

Лорера дополняет А. Е. Розен. В своих «Записках декабриста» он вспоминал, что еще перед приездом наследника курганская семья декабристов держала совет — обращаться ли к нему с просьбой о возвращении на родину. И рассудили, что это будет неудобно по от-

ношению к остальным, оставшимся в Сибири, — «они остались бы исключенными». Лишь Розен решился искать свидания с великим князем, и то не ради себя, а в заботах «о судьбе семейства, когда меня не будет». Свидание могло состояться, но его не допустил дежурный адъютант ...Кавелин⁴⁰.

Приезд Жуковского взбодрил декабристов, показал им, что лучшие люди России, несмотря на разность взглядов, — с ними.

Надежды надеждами, однако до просьб о смягчении своей участи не унизились. Лорер с достоинством отметил: «В разговоре нашем с Жуковским Нарышкин сказал ему, что ни он сам, ни товарищи его не просят, да и не смеют просить для себя никакой милости, но ходатайствуют, если им это позволено, за изгнанника чужой земли, 72-летнего князя Воронежского, которого одно желание — умереть на родине, на Волыни».

Василий Андреевич поговорил со стариком и обещал содействие. Вскоре ссыльный поляк был возвращен в родные места.

17

Курганская встреча глубоко взволновала и Жуковского. Даже от императрицы он не утаил этого: «Простясь с ними, я живо почувствовал, что такое изгнание»⁴¹. Нет, никакая «головомойка», даже отставка, не заставят его смолчать...

Они очень неразборчивы эти строки письма к монарху, наскоро набросанные где придется и вскоре же полустершиеся, но шесть с половиной десятилетий спустя все же расшифрованные скромнейшим и трудолюбивейшим Иваном Афанасьевичем Бычковым.

«Я давно имел в виду писать... Те же идеи взволновались...» — ложились на бумагу корявые разновеликие буквы, недописанные слова, прыгающие на ухабах строчки...

Те же идеи, что тогда — семь лет назад. Продуманный и взвешенный проект, в полезности и необходимости которого он теперь убедился на месте: «Амнистия... т. е. возвращение в семейство... Дав гражданские права и возвратив их детям и позволив свидетелься. Бедных же употребить на службу с жалованьем...»

Проект гуманный, милосердный и, вместе с тем, не

исключающий права монархии карать своих противников. Но мстительность государя не знает границ, этим он в отца, удушенного в Михайловском замке.

И снова, перевернув тетрадь, Жуковский продолжает начатые после Кургана записи: «Ветер гуляет. Мельницы на равнинах... Чудная равнина...»

Возможно, в эти же часы его спутник («у меня в дилижансе Юрьевич»), тоже обозревая окрестности, обдумывал строки письма к жене о своем пребывании в Кургане: «И это место для преступников, для ссыльных!.. Нельзя довольно удивляться великой благодати государя, когда подумаешь о великом преступлении безумцев, пользующихся всеми благами мира сего, кроме возможности возвратиться на родину»⁴².

Так и написал: всеми благами...

Проплывают мимо деревни. Сменяемые на подставках свежие кони мчат экипажи по зауральской равнине. «По обеим сторонам песок» — фиксирует Василий Андреевич привычно, а в голове, наверное, стоит упрямо — «Случай единственный». Где-то по дороге обедали («Разговор за столом о ссыльных и поляках»). Ночевали в Чумляцкой («Мой ночлег у дьякона»). Следующим днем Жуковский отметил «изменение в видах» — всхолмленные предгорья Урала. После однообразных равнин Зауралья пошла экзотика: башкирские кибитки, табуны необъезженных коней, угощение кумысом, неповторимой красоты озера и все круче вздымающиеся горы. (А в голове, вероятно, — «Теперь иль никогда».)

Ближайшая дневка, несколько часов уединения в спокойной обстановке — вот чего он ждал...

«Проезд через Миасский завод. Прибытие в Златоустовский». Наконец-то!..

18

Златоуст — не такой уж большой заводской поселок, приютившийся у подножия горы Косотур — числился городом. Основанный в середине XVIII века купцами Мосоловыми, небольшой железоделательный заводик со временем перешел в казну и стал одним из лучших в Европе оружейных заводов. А поселок произвели в город — во всей округе не нашлось более значительного населенного пункта. В эти годы, к тому же, он ходил в ранге

Златоустовский завод

горного города — как и Екатеринбург (которому только и подчинялся). Имел свою «конституцию», жил по своим, особым законам...

Тон всей жизни города задавал, конечно, завод. Ах, какие здесь делали пистолеты и латы, мечи, сабли и шпаги — украшенные чернью, золочением, художественной чеканкой! «Фабрика украшенного оружия» славилась уникальными изделиями, чести обладать которыми удаивались немногие.

А тон заводу и горному округу задавал выдающийся металлург Павел Петрович Аносов. Это он раскрыл тайну булата и доказал, что варить сталь заданных качеств можно не «наугад» — по законам науки. К приезду высоких гостей у Аносова оказался не преднамеренный сюрприз — именно к этим дням поспел первый клинок из легендарной «дамасской» (теперь уже «златоустовской») стали — необычайной крепости, с затейливым узором металла. Для Аносова это было праздником — наградой за многолетний труд.

Словом, в Златоусте было что показать и посмотреть. Хозяева показали, гости посмотрели, приняли памятные подарки — кому какие, смотря по чину и рангу, постреляли по картам из поднесенного каждому оружия. Но больше, кажется, увлеклись природой, и в самом деле здесь необыкновенной. Отважились даже подняться, по примеру Александра I, побывавшего тут в 1824-м, на сопку, названную его именем. Не все дошли до вершины,

но для рассказов дома и этого было довольно. Юрьевич писал супруге: «Посылаю три сорванных на самой вершине одной из самых высоких гор Уральского хребта... гелиотроп, колокольчик и горный нарцисс... Что за прелесть в сих местах Уральские горы!»⁴³

И горы, и завод — все посмотрел Жуковский. Но записал впечатления дня необычно кратко: «Осмотр при входе на гору. Осмотр производств» — и так далее. Причина краткости становилась ясной в конце записи: «Письмо государю».

Весь вечер и ночь просидел он за ним. На рассвете переписал начисто. И усталый, довольный бросился на постель...

Письмо это хорошо известно, не раз печаталось и цитировалось. И не раз давало повод упрекать поэта в верноподданнической лести. Но не следует спешить. Надо понять, что в этом, непривычном для нас, стиле — узаконенная дворцовым этикетом форма, отступление от которой считалось дерзостью.

Но очистите от неизбежной словесной шелухи истинные мысли писавшего, и за внешней льстивостью письма увидится дерзость — дерзость упрека в немилосердии, злопамятности, негуманности.

Жуковский просил не о какой-то «абстрактной милости» — выдвигал аргументированный план облегчения участи декабристов ради пользы России и сохранения хотя бы видимой гуманности монархии русской, деспотичность которой уже стала нарицательной в Европе. («Никогда случай, подобный теперешнему, не представится вам для облегчения действий вашей благодати».)

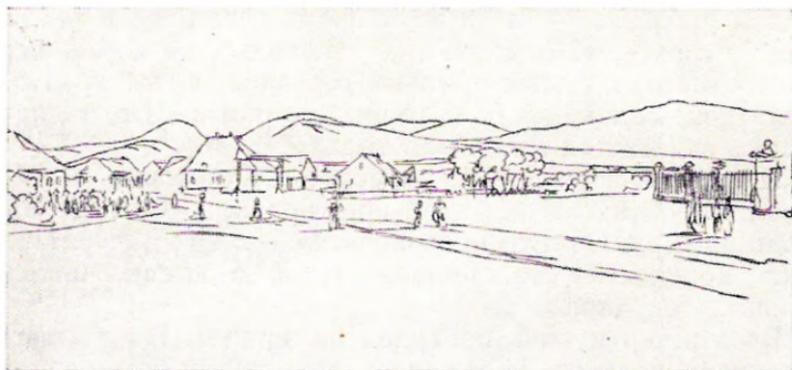
Утром Василий Андреевич вручил запечатанный пакет фельдъегерю. Сказал все и облегчил душу — так говорили римляне...

19

...«И облегчил душу».

Сознание исполненного долга принесло с собой раскованность, свободу внимания и действий. Он снова стал шутливым и общительным. В дороге восторженно отмечал красоты природы. Увлеченно рисовал (с Тобольска альбом был заброшен)...

Примечательная статистика: если с 22 мая (Воткинск) по 3 июня (Тобольск) он сделал всего 12 рисунков, а с 3-го по 7-е вообще не рисовал, то тут как про-

Магнитная

рвалось: 7 июня — пять рисунков, 8-го (в Златоусте) — шесть, 9-го — четыре, 10-го и 11-го — по пять. Двадцать рисунков (из 38 уральских) за четыре дня из 23, проведенных в этом краю!

И что не менее примечательно, записи о природе стали иными. Теперь в них видится зерно поэтического образа: «Прекрасное впечатление степи: необъятность, зелень, пение птиц...», «Огромный камень посреди равнины, как вершина погребенной горы...», «Взволновавшаяся и окаменевшая пустыня...».

В дневнике нет стихотворных строк, но появилось именно поэтическое восприятие увиденного.

Конечно, «существенность» и тут вторгалась в записи (например, обед в Сыртинской «с ужасным количеством тараканов»), но острота ее смягчалась...

Живописная, сдобренная восточной экзотикой, дорога между Златоустом и Оренбургом проходила по форпостам пограничной линии, за которой шли земли «немирных» киргизов и калмыков. Поэтому путешественников сопровождал отряд казаков, что еще более усугубляло романтическую обстановку.

Проехали Орскую крепость. Здесь несколько лет спустя будет отбывать солдатчину Тарас Шевченко, для выкупа которого из крепостной зависимости в мастерской Брюллова дожидается оригинала недописанный портрет Жуковского.

В разгар жаркого дня прибыли в Оренбург — центр обширного края, границы которого были не вполне ясны и самому правительству.

Орская крепость

...«Тотчас с Далем на берег» — первое, что записал (и сделал) Василий Андреевич в Оренбурге.

Даль, милый Даль! Близкий и дорогой сердцу человек: лишь четыре месяца назад оба они присутствовали при смерти Пушкина. Это ему Александр Сергеевич сказал свое последнее: «Кончена жизнь»...

Здесь Даль служит при губернаторе, но вся грамотная Россия знает его как Казака Луганского, автора занимательных и поучительных «Сказок». (И еще не знает как творца всемирно известного «Толкового словаря живого великорусского языка» — это впереди.)

О чем они беседовали там, на берегу Урала, мы не знаем — ни тот, ни другой свидетельств не оставили. Но несомненно, что кроме обмена новостями, рассказами об общих знакомых, о своих делах и планах, в разговоре присутствовали и местные темы: сложности «национального вопроса», брожения в Уральском казачьем войске, незадачливость дипломатической политики по отношению к азиатским соседям. Кое-что из этого отразилось и в дневнике Жуковского.

Для царского сына и других гостей был устроен «азиатский праздник».

Юрьевич описывал его восторженно: «...Перовский... мастерски успел соединить европейские удовольствия с

азиатскими потехами... Азиатцы, образованные на европейский манер, новосформированные полки башкирцев, смешанные с Уральскими казачьими полками, стройными маневрами занимали великого князя; а вечером Киргизская орда... забавляла его всем, чем только могла: тут была скачка на киргизских лошадях маленьких полунагих киргизят... интересная скачка тех же мальчишек на верблюдах; тут была борьба дюжих полудиких киргизов по их манеру; тут были показаны образцы заклинанья змей, хождения босыми ногами по голым острым саблям, дикая пляска... музыка на дудках и гортанная...»⁴⁴

Словом, посреди степи начался бал. Наследник разошелся настолько, что танцевал до часу ночи и явно нарушил инструкцию отца, предписывавшего удостоить местных дам лишь польским и двумя-тремя французскими кадрилиями.

Жуковский накануне провел вечер опять-таки «с Далем», а утром неожиданно заболел. Пришлось тому же Далю ставить ему пиявки. Но представлением соблазнился и он, после обеда сбросил халат и отправился (опять же, «с Далем») на «азиатский праздник». Красочное, необыкновенное представление увлекло. Он даже забыл на время о болезни и оживленно следил за «номерами». Достав из сюртука неизменную свою путевую тетрадь, торопливо заносил в нее подсказываемые Далем названия национальных музыкальных инструментов, исполнителей, предметов. Потом зашли на чай, устроенный, по восточному, в кибитке. Заглянули в галерею, где был устроен какой-то «театр». Но на бал не остались: «Возвращение домой и разговор с Далем»...

С Далем он почти не расставался и следующий день. С утра Жуковский сказался больным снова. Похоже, что болезнь была «импровизированной» — наследник со свитой уехали в Илецк, смотреть соляные ломки, Владимир Иванович принес банку с пиявками и... друзья поговорили вдоволь.

Был здесь, в Оренбурге, еще один давний и близкий знакомый Жуковского. Сам хозяин края, всесильный генерал-губернатор Василий Алексеевич Перовский. Они подружились лет двадцать назад, когда оба начинали свою службу при дворе: Перовский в качестве адъютанта великого князя Николая Павловича (нынешнего царя), а Жуковский — учителя его молодой жены Алек-

сандры Федоровны. Жизнерадостный, остроумный, любезный (но, вместе с тем, гордый и обидчивый) Перовский полюбился Жуковскому (как, впрочем, в те же годы и Пушкину).

В истории их приятельства была одна забавная страница, характерная для всегда верного в дружбе Жуковского. Заметив, что его «тезка» увлечен молодой фрейлиной графиней Самойловой, к которой он, Василий Андреевич, и сам был равнодушен, поэт великодушно «уступил» другу предмет их общего внимания. Даже написал по сему случаю стих:

Товарищ! Вот тебе рука!
Ты другу вовремя сказался...
...Любовь друзей не раздружит.
Сим несозревшим упованьем,
Едва отведавшим душой,
Подорожу ль перед тобой?

(К слову сказать, причина «уступки», конечно же, была глубже: Жуковский и без того уже готовился к отступлению. А Самойлова предпочла обоих друзей третьему лицу — графу А. А. Бобринскому, за которого и вышла замуж в том же году.)

Но на этот раз времени для дружеских бесед едва ли достало — положение обязывало Перовского неотлучно сопутствовать высокому гостю. Да и трудно уже было угадать в нынешнем сановном и грозном генерале прежнего, охочего и до стихов, и до проказ старого товарища.

Лишь под конец могли они поговорить: «15 (июня). Переезд из Оренбурга до Уральска. Я вместе с Перовским...»

П. 107

20

Описывая этот переезд, Жуковский заносит в дневник слова, которые давно уже как бы висели в воздухе: «Ссора с наследником». После этого и становятся понятными некоторые туманные места его прежних записей.

31 мая. Переезд из Камышлова в Тюмень. «**На первой станции великий князь сел верхом. Ко мне больше внимания**». Значит, до этого внимания было меньше?..

5 июня. Слобода Исетская за Ялуторовском. «Обед. **Глупая ссора за столом. Не возвратится ли мне?**» С кем ссора? Ясно, что не просто с попутчиком.

Описывая в «Отчете за 1884 год» бумаги Жуковского, поступившие в Публичную библиотеку, И. А. Бычков в одной из путевых тетрадей обнаружил набросок письма к цесаревичу. Он его частично расшифровал, в «Отчете» привел несколько строк⁴⁵, но в свою публикацию дневника этот набросок не включил.

Вот что, спустя годы, удалось прочитать мне (отточия в скобках означают неразобранные места):

«Я весьма недоволен, что вы рассудили меня разжаловать из попов во дьяконы, то есть взять у меня мой 3 № и дать мне 5. Для чего вы это сделали, не знаю, ибо никто из вашей свиты никогда не отставал от вас, а если кто и отставал, то много-много на час или на два — мой же экипаж и я теперь буду принужден тащиться шагом там, где коляска на тех же лошадях ехала бы рысью. Одним словом, вы мне сделали неприятность (...) своих лошадей, мне объявляют что они (...) мне дал худых.— Было стыдно и досадно, но делать нечего. Хотя бы вы приказали наперед самого спросить. Признаюсь вам, такое обращение крепко мне не нравится. Я прошу вас меня от него избавить. Не называйте меня взыскательным. Я должен быть с вами взыскателен: а вы (...) кто-нибудь должен быть (...) и не со мной одним, а со всеми. Оскорбить легко, загладить трудно. Я с своей стороны требую от вас внимания, внимания во всяком своем обращении. Я имею право и на дружбу вашу, но это не всегда дается. Вниманием же ко мне обязаны. Вы скажете, что сделали без намерения — согласен и никак не предполагаю (...) вы скажете, что не имели намерения меня оскорблять — это я без вас знаю! Как можно вам князь оскорбить меня! Но...»

Было ли это письмо закончено и передано по назначению — неизвестно.

Вероятнее всего, инцидент этот вызвала задержка Жуковского в Тюмени (ушибленная лошадьми женщина). Но дело было, конечно, не в том, каким номером будет следовать экипаж Жуковского в кортеже. Взаимное недовольство, переходящее в ссоры, нарастало. Надо думать, что поэт стал понимать неудачу своего педагогического эксперимента. Надежды воспитать царя-человека, монарха-гуманиста не оправдались. Мечты о сочетании человеколюбия и самодержавия оставались мечтами.

...Ссориться Василию Андреевичу было нельзя; это грозило срывом плана, отступить от которого он уже не мог.

И не ссориться тоже нельзя: на глазах рушилось то, что он пытался создать своим воспитанием.

Ситуация эта доставила немало неприятных минут и привела, в конце концов, к решению, которое, не создавая впечатления демонстративности, позволяло сохранить собственное достоинство и избежать дальнейшего обострения отношений. Жуковский решил отстать от поезда наследника. Хотя бы на время... 22 июня он отправил императрице из Казани письмо с просьбой разрешить ему «остаться в Белеве, на моей родине, с моими родными на то время, которое государь наследник употребит на путешествие от Калуги до Смоленска и на возвращение в Калугу. Это составит всего-навсего не более десяти дней».

Это было, конечно, полумерой, но обстановку как-то разрядило.

На это время. Но не вообще...

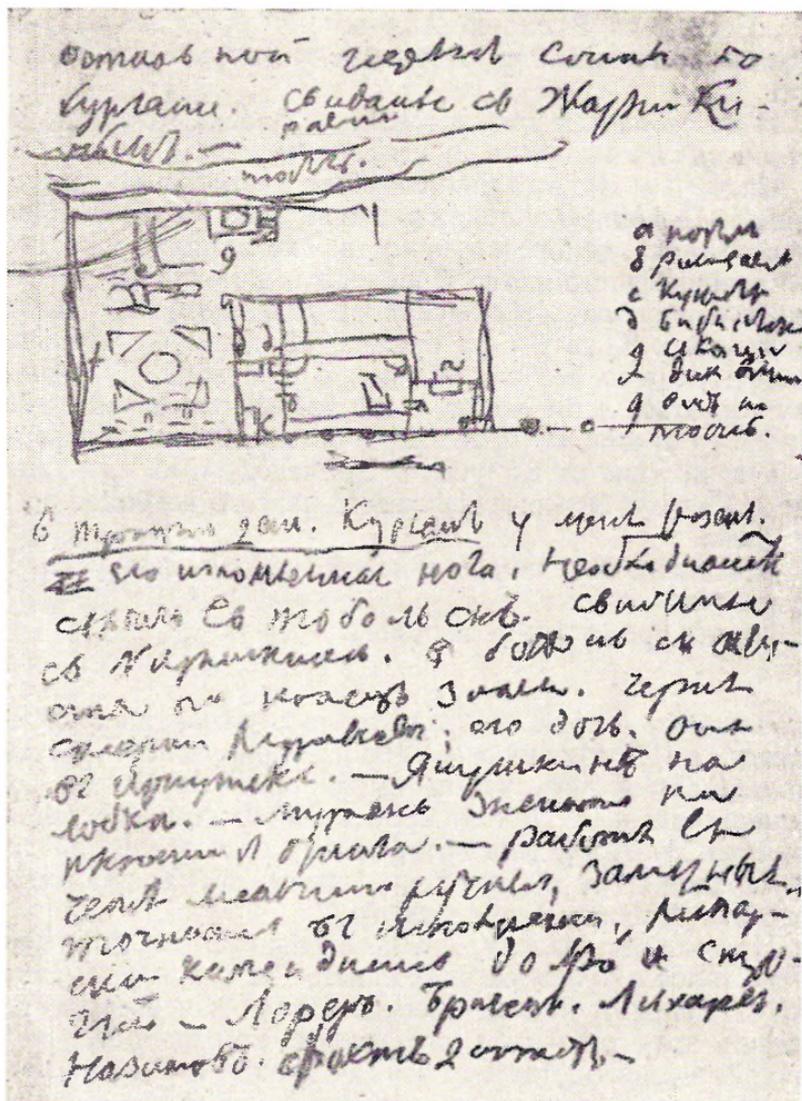
21

Экипажи неслись по только что отремонтированному тракту. «...17 <июня>... Дорога прекрасная. Дождь. Холодноватый день. Степь сменяется небольшими возвышенностями...» Приближалось Поволжье. Жуковский покидал Урал, увидеть который ему больше не доведется. Подводил ли он мысленно итоги своим уральским верстам? Дневник о том молчит.

Но если бы подводил, то несомненно отметил, что познакомился с краем своеобразным, где и природа, и люди, и заводы, и нравы — все не такое, как в срединной России, хотя тоже свое, российское. Увидел и заинтересовался производствами, которые прежде не знал. Познакомился со многими интересными людьми, кому-то из них помог. Повидал томящихся в ссылке и за облегчение участи их счел своим долгом побороться.

Увенчается ли только эта борьба успехом? Уже вторая неделя как послано письмо из Златоуста и третья, как ушло письмо наследника из Тобольска...

Фельдъегерь нагнал поезд на пути между Буинском и Симбирском, 22 июня. Пакет из императорской ставки в Ропше был адресован великому князю, и все молча

Страница из путевого дневника В. А. Жуковского с записями 6 июня 1837 года и с планом дома декабриста Нарышкина

ждали, когда же он прочтет содержимое. Наконец, наследник перекрестился и торжественно объявил о государственной милости к несчастным. Он обнял находившихся подле него Жуковского и Кавелина; все трое, со слезами на глазах, облобызались.

Однако умиление Жуковского было недолгим. Когда «высочайшее письмо» было прочитано, оказалось, что «милость» своеобразна. Во всяком случае, совсем не та, о которой просил и которой ждал Василий Андреевич. «В ознаменование пребывания его высочества в Кургане» некоторым из поселенных в Тобольской губернии декабристам разрешалось... поступить в Отдельный Кавказский корпус рядовыми солдатами.

На месте это «разрешение» поняли так, как, очевидно, и хотелось императору.

Лорер в воспоминаниях рассказывает:

«Городничий наш Бурценкович, навещавший меня обыкновенно часто, но всегда пешком, подъезжает ко мне на дрожках, в мундире, с довольно озабоченным лицом:

— Скажу вам новость довольно неприятную, Николай Иванович,— начал он и замялся.— Вы назначены солдатом на Кавказ...

— Шутите?

— Ей богу, нет!

— А прочне?

— Все, кроме Бриггена».

«Назначение солдатом» теоретически давало возможность выслуги и получения офицерского звания, но... Кавказ в то время был удобным местом для ссылки «неудобных» людей — многие там оставались навеки, убитые в боях.

«Я крепко призадумался,— продолжал Лорер.— Так казалась мне странна эта мысль... Теперь, после 12-летней жизни в Сибири, с расклевшимся здоровьем, я снова должен навьючить на себя ранец, взять ружье и в 48 лет служить на Кавказе. Непостижимо играет нами судьба наша!.. Волнуемый неожиданностью, спросил тогда же городничего:

— Если это новое наказание, то должно мне объявить мое преступление. Ежели милость, то я могу отказаться, что и намерен сделать...»

Но от царских «милостей» не откажешься — не позволят. И 21 августа те, кого коснулось «разрешение», — Лорер, Назимов, Нарышкин, Лихарев, Розен и Черкасов — отправились в дальний путь, «в новый, неизвестный нам край, из 40 градусов мороза в 40 градусов жары» (Лорер).

В Тобольске к ним присоединился Александр Одоевский, живший на поселении в Ишиме. Одоевский погибнет на Кавказе от малярии два года спустя, Лихарев падет в перестрелке с горцами...

В письме к императрице из Симбирска 24 июня Жуковский восторженно благодарит за «милость самодержца, произнесенную во имя сына», рассыпается в комплиментах наследнику, «которого юношеский умоляющий голос так легко претворил строгость в помилование», утверждает, что якобы «никто не побуждал его к состраданию, он сам с прелестною сыновнею свободою и доверенностью высказал все государю» и уверяет высокопарно: «Какими глазами будет смотреть Россия на этого милого сына царского!»...

Конечно, с нашей точки зрения письмо императрице можно было бы написать сдержаннее, с большим достоинством, но... Разве мы не видим, что Жуковский, многословно благодаря за уже дарованные милости, «совсем нелогично» говорит о тех, кого милость обошла? Он пишет, что «не возвращен семейству» Черкасов (как Кривцов и Чернышев, осужденные по тому же разряду) и что мачехе его, приезжавшей ходатайствовать за пасынка в Петербург, не удалось пробиться к Бенкендорфу. Что не может выехать в Россию смертельно больная Нарышкина. Что Розену надо лечить ногу в Тобольске. Упоминает остающегося в Кургане Бриггена. И — что уж совсем «дерзко» — пространно пишет о Якушкине, одно имя которого вызывало у императора прилив ярости. «Якушкин... особенно достоин замечания по своему характеру... Такие люди достойны того, чтобы милосердие подало им руку...» Это уж не намек, а прямое требование: подайте же ему эту руку!

Нигде нет прямых свидетельств того, что Жуковский остался недоволен решением царя. Но разве из приведенного выше не ясно, что в душе он НЕ МОГ чувствовать себя удовлетворенным?! «Милость» даже отдаленно не походила на его проект («возвращение в семейство... гражданские права... служба с жалованьем»). В Кургане он «вселил надежды», а обернулось это солдатчиной. Что теперь думают о нем там?!

Жуковский, конечно, был огорчен «видимостью амнистии». Но его положение не давало ему возможности о своем недовольстве заявить прямо.

И это огорчение тоже было одним из итогов уральского вояжа поэта. Итог — урок, который, надо думать, сыграл свою роль в эволюции взглядов на проблему «декабристы и монархия»...

22

Через день после восстания на Сенатской площади, зная лишь сам факт «бунта» против царя, но не зная ни целей восставших, ни размаха движения, Жуковский отправил Александру Тургеневу, одному из самых близких своих друзей, взволнованное письмо с сообщением о происшедшем. Возмущаясь «безумством возмутителей», он клеймил их разбойниками. Клеймил, не зная еще, что обливает грязью лучшего друга и родного брата того, кому пишет: Николая Тургенева, одного из идеологов и руководителей декабристского движения.

Письмо это опубликовано. И именно оно стало определяющим в характеристике отношения Жуковского к декабристам. А ведь давно известны и другие факты, другие документы, приведенные хотя бы в статье историка Н. Дубровина (1902 г.)

Из нее и из других источников известно, что еще в июне 1826 года, накануне казни пятерых декабристов, Жуковский решил принять участие в судьбе Якушкина — одного из самых дерзких и опасных, по мнению царя, обвиняемых.

В январе 1830 года Жуковский ходатайствовал о прощении Николая Тургенева, приговоренного к смертной казни (потом замененной вечной каторгой).

В этом же письме он выдвинул проект амнистии декабристам (о нем уже говорилось).

В разное время Жуковский просил за В. Кюхельбекера, Ф. Глинку, А. Бриггена, родственников декабристов.

Граф Лаваль писал в январе 1829 года дочери — Екатерине Трубецкой, последовавшей за мужем в Сибирь: «Человек, который при каждой встрече говорит мне о тебе, это Жуковский; он просит, чтобы я напомнил тебе о нем». Что это — прекраснодушие? Не все ли равно, за кого заступаться, лишь бы быть добреньким? Но неизвестно ни одного случая, когда бы Жуковский заступился за казнокрада, взяточника или обскуранта типа Булгарина.

Зато известно, что еще до поступления на дворцовую службу, в 1817 году, он пытался добиться смягчения участи ссыльного поэта А. Мещерякова, предложил напечатать отдельным изданием в его пользу присланную из ссылки поэму, а когда друзья-арзамасцы затянули это дело, пенял им: «В Сибири терпение тяжелее...»

В том же путешествии 1837 года, узнав о высылке Лермонтова за крамольный стих памяти Пушкина, Жуковский обращался к Бенкендорфу и самому царю, заступничая за молодого поэта.

Хлопотал за молодого критика Киреевского, которому грозила суровая кара за его статью «Девятнадцатый век». За сосланного в Усть-Сысольск и объявленного сумасшедшим редактора журнала «Телескоп» Надеждина. Помог выбраться в родную Польшу опальному Мицкевичу. Выкупал на волю Тараса Шевченко. О Пушкине можно и не говорить — это общеизвестно...

Если Жуковский и не был единомышленником декабристов, то и противником, тем паче — врагом их, его не назовешь. Советские исследователи доказали, что он знакомился с «Зеленой книгой» — уставом Союза Благочестивых — еще в 1818 году. Тогда же основатель тайного общества А. Н. Муравьев предлагал ему вступить в их ряды. Жуковский отклонил предложение, считая себя не подходящим для этой роли. Его неизменная позиция: «Ни моя жизнь, ни мои знания, ни мой талант не стремили меня ни к чему политическому». Однако тут же он добавлял: «Но когда же общее дело было мне чуждо?»

Сообразно со своими взглядами на монархию, роль свою в этом общем деле он видел другой... Веря в возможность просвещенного и гуманного абсолютизма, Жуковский, конечно, заблуждался и, кажется, начинал понимать это сам...

...И это тоже было одним из итогов путешествия 1837 года — новые капли в давно уже полнившийся сосуд.

Отправляясь в путешествие, Жуковский не возлагал на него больших надежд. Он писал матери наследника: «Наше путешествие можно сравнить с чтением книги, в которой теперь великий князь прочтет одно только оглавление, дабы получить общее понятие о ее содержании». А дальше, в другом письме, свою мысль пояснял: «Я не жду от него большой жатвы положительных прак-

тических сведений о состоянии России: для этого мы слишком скоро едем, имеем слишком много предметов для обозрения, и путь наш слишком определен... Но главная польза вся нравственная, та именно, которую только теперь можно приобрести великому князю: польза глубокого неизгладимого впечатления»⁴⁶.

Он не учел, что увиденное может вызвать у разных людей разные впечатления. Уже уральская часть путешествия убеждала в этом.

Да и дальнейший путь был едва ли легче. Наследник все основательнее входил в роль начинающего монарха. А тут еще к поезду в Казани примкнул князь Ливен, назначенный Николаем как бы старшим распорядителем путешествия, но из-за внезапной болезни задержавшийся почти на два месяца.

О роли Ливена в этом вояже убедительно сказал Юрьевич: «Жаль, очень жаль, что он не мог с самого начала быть с нами: мы бы авось все остались с головами, или, по крайней мере, не теряли ее там где нужно, где необходимо представлять и важность сана доверенного лица, и хладнокровие в распоряжениях»⁴⁷. Не трудно предположить, что здесь есть явный намек на внимание наследника к декабристам под влиянием Жуковского.

Отношения ухудшались. Теперь это был уже процесс необратимый. 6 июля (через две недели после царской «милости» декабристам) Василий Андреевич почувствовал это явственно. Фельдъегерь привез в Воронеж известие о награждении воспитателей наследника, в том числе участвовавшего в поездке А. А. Кавелина. Имени Жуковского в списке не было. «Мне пощечина», — понял он; так и записал в дневнике⁴⁸.

В выжимках биографии поэта иногда сообщается, что «в 1841 году он, щедро награжденный царем, вышел в отставку». Но в фактическую отставку Жуковский вышел раньше. В 1838 году ему пришлось отправиться в новое путешествие с наследником, на этот раз по Западной Европе. Вернувшись оттуда, он написал императрице резкое письмо, в котором прямо заявил о том, что солдатские наклонности наследника могут в будущем подготовить «еще одно 14 декабря». Продолжая какое-то время числиться при дворе, обязанностей воспитателя он после этого уже не выполнял...

...Дневник, письма... Но все ли это из того, что было написано Жуковским во время уральского его вояжа? Или после, но о нем? Имеющиеся описания рукописного наследия говорят: все. Но никто не возьмется утверждать, что это действительно так.

Дневник путешествия — всего лишь «колья», письма — те, что опубликованы и известны, — это, в основном, «донесения».

Должны же быть и другие, личные, мог быть и более полный обзор путешествия.

Что касается писем, то о них не раз свидетельствует в дневнике сам Жуковский. А что отчет о путешествии мог быть написан, узнаем из его же письма к императрице: «...едва успеваю записывать в свой журнал, чтобы после как-нибудь привести в порядок». И дальше: «В свое время буду иметь счастье представить вашему величеству полный и сколько возможно подробный отчет нашего путешествия, который тогда только может быть к чему-нибудь годен, когда напишется на просторе и без спеха»⁴⁹.

Какой-то отчет, «изображение впечатлений во время путешествия», Жуковский, видимо, обещал не только царице, но и журналу «Современник». Однако в статье «Путешествие В. А. Жуковского по России», напечатанной в 1-й книжке журнала за 1838 год, с сожалением сообщалось: «Обстоятельства, кажется, оставят надолго нашего поэта в долгу перед отечеством и всеми читателями его таланта. Эти прекрасные страницы истории, в свое время не вышедшие в свет, будем считать отложенным капиталом литературы»⁵⁰.

Несмотря на туманность стиля, последнюю фразу можно понять и так, что писавший эти строки знал о **существовании** «прекрасных страниц», которые Жуковский почему-то не захотел пока опубликовать.

И если бы все это — новые письма, отчет, обзор для «Современника» — нашлось, уральский вояж поэта предстал бы перед нами еще более интересным и значительным.

А, может, еще и найдется?..

ДНЕВНИК И РИСУНКИ В. А. ЖУКОВСКОГО

с 22 мая по 15 июня 1837 года

Отрывки из путевого дневника даются в расшифровке И. А. Бычкова по публикации в журнале «Русская старина» /1902, т. СХ, приложения/, с исправлением явных ошибок, выявленных при сверке с оригиналом, хранящимся в отделе рукописей Гос. Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина. Исправленные слова /а также пропущенные в публикации И. А. Бычкова, как неразобранные, но здесь восстановленные/ даются курсивом. Из многочисленных примечаний И. А. Бычкова к публикации взяты лишь самые необходимые. Неразобранные места отмечены отточиями в прямых скобках /.../. Знаки препинания, опущенные Жуковским, даются по современным правилам пунктуации. Названия населенных пунктов и фамилии даны по дневнику так, как они были записаны Жуковским.

22 мая. Ижевский завод, Воткинский завод.— Нератов генерал; полковник Грен. Запруженная Ижъ. Твердость плотины. Отвоз ружей до Камы. До 40 000 в... *. Железные обрезки. Вытягивание, загибание, сваривание, сверление. Шустание, обтачивание, полировка. Прицелы. Брак. Лекала. Проба штыков. Бесцельная выдумка. Проба ружей. Разрыв от худых ружей. Место худой сварки /.../. Укладка ружей /.../.— Переезд из Ижевского завода на Воткинский; кричное производство, пудлингованье, стальное, якорное, плуцильное, оковка лафетов. Ночевал у англичанина. Вечер писал письма.

23. Переезд из Воткинского/ завода в Пермь.

Пермь. 24 числа. Поутру осмотр выставки. В гимназии. Баранов. Швецов. Князь Максотов. Антропов директор гимназии. Вице-губернатор Андрей Федорович. Бывший губернатор Гаврило Корнеевич. Хозяйка Розен. *Архиерей*. После осмотра выставки у архиерея. Разговор о раскольниках. Миссии. Камышловский миссионер Оглоблин. После обеда у меня Швецов. Катанье по Каме. Хозяйка Розен. Визит к вице-губернатору и к губернатору. Писал после бани письма.

25. Переезд из Перми в Бисерск. Виды по дороге Урала. Ночевали в Бисерске на почтовой станции.

26. Переезд из Бисерска в Екатеринбург. Обед. Осмотр завода, золотопромывальни, грапильной фабрики, монетного двора. Меншенин. Вечеру поездка по городу. Иллюминация. Квартира у Харитонова.

27. Четверг. Пребывание в Екатеринбурге и переезд в Нижне-

* Пропуск в тексте.

Тагильск.— Осмотр завода Верхнеисетского. Больница. Дом Китаева. Удивительное устройство. Чугунное производство.— Тюремный замок. Похититель изумрудов... * в остроге с убийцами. *Перовский /.../*. Суд Шемякин.— Больница. Обедня. Разговор миссионера. Поездка в Тагиль на тарансах. Я вместе с Меншениным. О Зотове. О Харитонове. Дело гороблагодатского полицмейстера, убившего унтер-офицера. Дело лекаря, похитившего золото. Дорога сначала неживописная и дикая — потом виды прекрасные: вид на Урал и рощи частные. Невьяновский завод. Старинный дом Демидова, колокольня около древней церкви и двор. Здесь пили чай. В Тагиль под вечер. Мне квартира во флигеле.

28. Пятница. Обозрение Тагиля. Завод. Чугунные изделия.

Медное производство. Лудильное производство. Литье чугуна; доски. Выставка изделий: чугун, железо, медь, золото, платина.— Училище на 130 мальчиков. Тесно и низко.— Больница в прекрасном состоянии; аптека /три лекаря/. *Куриоз* — монумент Демидову, восстановителю Тагиля: *учащийся, выучившийся, служащий, покровительствующий наукам и искусствам.*— Железный рудник.— Пароходка **.— Промыванье золота.— Спуск в малахитно-медный рудник, 36 сажен. Спуск по стремянке, вход по лестнице. Малахитовая масса в 2 сажени длины, в 1½ сажени толщины и в 1½ сажени вышины ***.— Отбытие великого к/нязя/ на Кушвинский завод. Я остался отдыхать в Тагиле.— Фотий Ильич Швецов. Александр Анисимович Любимов. Павел Данилович Данилов. Дмитрий Васильевич Белов. Управление.— После сна разбор геологической карты тагильской. Объезд деревни. До 4 000 домов. До 5 капитала 100 000. До 200 от 50 000 до 10 000. Переселенцы из Чернигова. Трудность доставания золота и самое нездоровое производство. Возвращение в/великого/ к/нязя/ в ½ 11-го.

29, суббота. Возвращение из Тагиля в Екатеринбург. Дорогою жалобы работников и жандарм Косинский. В шесть часов после обеда поездка на Березовые золотые промыслы. Россыпи и жилы. Бочка песку. Больница. *Промывальная машина /.../*. Осмотр шахты и жил старого разрушенного гребня, в коем кварц золотоносный. Взрыв /.../****. Жаль, очень, что я не записал много выражений Швецова. Визит Меншенину. Карты. Дмитрий Степанович Меншенин.

30 мая, воскресенье. Разговор с Китаевым. На обсерваторию. Подполковник Варвинский. Викарий Евлампий.— Переезд из Екатеринбурга в Камышлов. Приятная природа, ровные места, рассеянные березовые рощи. Переезд с Арсеньевым. Чтение записки Китаева и разговор о старообрядцах. Чудесная дорога /—/ памятник Модераха *****. Камышлов /.../ народ. Крупные люди. Живое любопытство. Федоров профессор астрономии.

* Пропуск в тексте.

** «Тут (на Нижнетагильском заводе) есть образчик железной дороги на расстоянии 300 сажен и паровоз (устроения крестьянина Черепанова)» — писал С. А. Юрьевич своей жене.

*** Точные размеры глыбы, по описанию в «Горном журнале» (1836, ч. II, кн. 4, с. 174) — 7,5 аршина в длину, 3,5 аршина в ширину, а в высоту — 2,5 аршина в одном конце и 0,5 аршина в другом.

**** Здесь рисунок, поясняющий горящие термины — шахта, орты, штольня, крепь, пустая порода.

***** Бывшего пермского губернатора (ум. 1819).

31 мая. Переезд из Екатеринбурга в Тюмень. Длинный город на берегу Туры. Приезд в дождь. Встреча. Толпа. *Бухарцы*.— Я ночевал у вдовы Матрены Аленной. Характер физиономий жителей. Три нюанса встречи: искренность, простое любопытство, благодарность.

Переезд из Камышлова в Тюмень. Дорога ровная и прекрасная; по сторонам березовые роши мелкие; между ими пашни. На первой станции — *Черемыш* — великий князь сел верхом. Ко мне больше внимания. Разговор за обедом о деле Кокovina. Без суда да не кажется. О подающих просьбы. — Граница Сибири. Песок и березы. — Тугулым. Народ собирается со всех сторон. Великий/ к/нязь/ в закрытой коляске. Более чистоты в постройке некоторых изб. — Чистота происхождения в наружности и физиономиях крестьянина. — Дорога песчаная и мягкая. Чернозем.

1 июня. Переезд из Тюмени в Тобольск*. Город бедный**. 10 церквей, 6 каменных обывательских домов, не считая казенных. Присутственные места в постоялом доме. Голова Иконников. Улучшенная им больница городская. Ужасное состояние острогов и больницы ссыльных. Болезни. Венерическая болезнь. — Городничий Игольников воин и кавалер. Привилегия до 1842 года для купцов 2 гильдии иметь права 1 гильдии. — Переправа по Туре весьма продолжительная. Высадка на берег в 7 часов. Кожевенные заводы затопленные. — Дорога по прекрасному ровному полю. Растения полевые разнообразны. Чернозем /.../ разбойник *Vollbaum*. — Переправа через Туру и обед в Иевлеве. — Прекрасные сосновые роши. Пашни. — Два перевоза. — Татарские деревни. Сторожевые караульни плетеные. Бедность деревень. Приезд в Тобольск в 12 часов. Переезд 260 верст с 11-ю переправами. Кн/язь/ Горчаков. Иллюминация. Высокий берег Иртыша, переменившего место.

2 июня. Пребывание в Тобольске. Ширков. Евгений Милькеев. Ершов. Осмотр училища и выставки. Прием чиновников. Архидей Афанасий. Губернатор Повало-Швейковский. Голофеев. Комендант Шерве. Мурзы киргизские. Иван Семенович Пестов. Чтение бумаг к/нязя/ Горчакова. О *состоянии* Сибири. О ссыльных. — После обеда у Горчакова с Арсеньевым. В 9 часов бал. Вечер после бала дома. Простуда.

3 июня. Пребывание в Тобольске. У Горчакова. Чтение о преобразовании Омской области. Разговор о ссыльных. О составе сибирского общества. Мнение о допросах; ныне хотя в Сибирь. Прежнее состояние *hogs la loi****, нынешнее безнаказанное состояние. У архидея. Осмотр города. У великого князя чтение о киргизцах. После обеда в тюремный замок. Рыков. На выставке. У меня Ершов и Попов. У кн/язя/ Горчакова. Лакей поселенец.

4 июня. Переезд из Тобольска в Тюмень. Отъезд в 5 часов. Переправа через Иртыш. О поселенцах в Енисейской губернии. Обзаведение. Приселение к старожилам. Железные копи. Остяцкие промыслы. — Тобольск бедный город. С 1580. — Нижний город не богат, верхний без воды. Холодные береговые ветры. 15 церквей. Дом ар-

* Под 1 июня помещена в дневнике еще запись в следующей редакции: («1 июня, вторник. Татарские деревни. Кладбище в роше. Мечеть. Бедные избы. Скирды с хлебом. Разлив Туры. Пустые деревни. Множество уток. Весьма бедные деревни).

** Тюмень.

*** Вне закона.

хиерейский. Присутственные места (Чичерин, Безобразовых зять). Деревянная мостовая. Осыпающаяся гора. Каменные здания: генерал-губернаторский дом, церкви. Деревянный гостинный двор. Осмотр острога (Рыков). Верхний и нижний город.— В верхнем архиерейский дом. Присутственные места (малая палата). Тюремный замок. Собор (премерзкий).— На переезде из Тобольска до Тюмени ничего примечательного. Приехали в 1/2 12, выехав в половине четвертого/.

5. Переезд из Тюмени в Курган. Бедственное начало дня в Тюмени. Раздавленная женщина.— 1 станция. Песок и потом болото. Ель, изредка береза. 11. Насыпные пески и болото, по сторонам дороги березовые рощи. У станции перевоз. На 17 версте подстава. Последняя половина станции менее песку и менее болота. Те же березовые рощи. Равнина и пашня. Вторая половина дороги легче. Романово. Прекрасная равнина. Дорога легкая. Вырубленная роща.— Пар. Березовые рощи прекрасными группами.— Чудный чернозем.— Показывается липа.— Курил.— Около Ялуто/ровска глубокий песок и березовые кусты. Подъезжая к городу две прекрасные березовые рощи.— Из-за реки белая колокольня.— Город на широкой веселой равнине.— Около самого горы песков. Приятное место.— У въезда в город пруд.— Строение бедное. Городничий, почтмейстер и скакун на дрожках, коим я поручил поклоны Якушкину, Черкасову и Муравьеву.

Ялуторовск — сл/обода/ Бешкильская. Песок сыпучий мысами.— Березовые кусты и рощи. Метель песку.— На 15 версте подстава в деревне Русский Синчуг.— Прекрасный луг. Несколько курганов; на одном мельница ветряная.

Сл/обода/ Бешкильская/ — Исетская. Обед. Глупая ссора за столом. Не возвратиться ли мне? Ошибка. *Regret inconsalable* *.

Исетская — Боровлянская. Характер степной природы. Необозримое поле с прелестными рассеянными рощами. Переезд и мост через Исеть, построенный для вел. князя. А в к/нязь/ и не показался. Равнина, усыпанная мельницами.— У смены исправник. Черкасов. Якушкин один. Муравьев, женатый на воспитаннице Бранта, совет/ника/ в Бухтар/ме/. С Тизенгаузеном, который завел свой дом. Черкасов один. Янтальцев. Соболе/в/ский/?/ **.— Часть дороги песчана.

Боровлянский завод — Слатковская. Боровл. завод без действия 8 лет. Вся часть дороги до подставы 15 верст песчана.— Столбы по дороге, начиная от Тюмени.— Треугольные загородки в Курганском уезде. Конец пескам.— Остальной переезд сонный до Кургана. Свидание с Нарышкиным.

6. Троицын день. Курган. У меня Розен. Его изломанная нога. Необходимость съездить в Тобольск. Свидание с Нарышкиною. Ее болезнь с августа по конец зимы. Черты смерти. Муравьев: его дочь. Она в Иркутске.— Якушкин на лодке. Муравьев женат на воспитаннице Бранта.— Работы в Чите: мельницы ручные, земляные; точность в исполнении. Лепарский комендант добрый и строгий.— Лорер, Бригген, Лихарев, Назимов, Фохт доктор. Досадно до отчаяния, что не остановился в Ялуторовске. Дом Нарышкина, купленный и перестроенный: гостиная с двумя кирпичными печами, в ней фортепьяно

* Неутешное сожаление.

** Фамилия написана неразборчиво.

и рисунки (голова Велизара, голова Мадонны).— Кабинет: семейные портреты над софью, портреты отца и матери, портреты Дундуковой-Корсаковой и Муравьевой.— Угольная комната. Библиотека. Прием-мыш девочка, которую хотели продать.— На переезде из Кургана в В/в/еденское та же природа и те же виды.

В/в/еденское — Чинеева. Те же виды. Много песку.

Чинеева — Островня. Большие березовые и сосновые рощи по самой дороге попеременно. Песок и чернозем. Крестьяне на дороге в хорошей одежде.— Прекрасная чистая равнина, усеянная березами*.

Ветер гуляет. Мельницы на равнинах.— Подстава.— Чудная равнина.— *Les avenues revellent une idee triste.***

Островня — сл/обода/ Воскресенская. Те же места. Поля между прекрасных березовых рощ. Колья по дороге. Большая деревня с худыми избами, похожими на чухонские.— Равнина начинает становиться мало-помалу волнистою; мы опять приближаемся к Уралу.— Дорога усыпана хрящем. Слобода Воскресенская. Большая деревня с каменною церковью. Обед.

Сл/обода/ Воскресенская — Чумляцкая. По обеим сторонам песок. Полстанции с адъютантом Перовского.— Разговор за столом о ссыльных и поляках.— У меня в дилижансе Юрьевич.— Шли пешком.— Ночевали в Чумляцкой. Мой ночлег у дьякона.

7 июня, понедельник. Переезд из Чумляцкой в Мпасский завод. Первые две станции писал письма, потом спал.— Изменение в видах; заметно некоторое волнение грунта; примета гор Уральских. Озера.— Стада в воде. Часто тростниковые острова у берегов. Зеленые низкие берега.

Челябинск. Бедный городишко. За Челябинском чувствительны горы.— В 15 верстах от Челябинска подстава. Киргизские кибитки. Башкирские кони и кумыс.

Ям Токтубасевский. Обед. Калмыцкая красавица.

Травники. Вид отдаленный на Урал.

Кондравинская станция. Вид прекрасный на озеро. Спускался с горы и на горы.— Проехал станцию, вид на передовую цепь Урала.

Проезд через Мпасский завод. Прибытие на Златоустовский. Меншенин. Аносов. Ахматов.

8 июня. Осмотр при входе на гору. Осмотр производств. После обеда у пастора и у одного из колонистов. Чай у Ахматова. Стрельба в карты. Письмо к государю.

9 июня, среда. Переезд из Златоуста в Верхнеуральск. 1. От Златоуста до Сулеймановской. С Аносовым и Меншениным в тарантасе по россыпям. Царево-Александровск с монументом Александру. Въезд на Урал.— Обедали в башкирском кантоне. Кантонный начальник и его три жены. Медведь. Мечеть и мушкет. Обед в кибитке.— В этот день проехали весь Урал от высочайших гор до последних перевалов. Золотые россыпи. Лиственница и береза по горам. Прекрасный вид на горы. Справа через широкую равнину видать колыбель реки Белой. Озеро с лесистым одним берегом и с голым другим. Полуостров. Лиственница и береза. Башкирцы. Верхнеуральск. Бедный городишко.

10 июня. Переезд из Верхнеуральска. Начало степи. Конвой.

* Далее — наброски письма Николаю I о прощении декабристов.

** Будущее пробуждает печальную мысль.

Спасская крепость. Прекрасное впечатление степи: необъятность, зелень, по всему пространству пение птиц. Облака.— Пост сторожевой. Инвалидные казаки.— Магнитная станица. Слева отдельные горы за Уралом.— Справа на горизонте голубая гряда гор. Вероятно Губерлинские горы, в большом отдалении. Дорога ровная, усыпанная мелким хрящем. Два ряда кольяв /.../.— Обедали в Сыртинской с ужасным множеством мух. Ночевали в Тапалькской с великим множеством тараканов. Степь, прерываемая возвышениями, покрытыми травой. В одном месте к голым горам примкнуло несколько прекрасных березовых рощ. Огромный камень посреди равнины, как вершина погребальной горы. Около вечера теплее и /.../.

11 июня. Переезд из Тапалькской до Ильинской.

В/еликий/ к/пязь/ верхом. Кочевье киргизских пастухов. Обедали в Орской крепости. Комендант /.../ Лисовский. Полковник Жемчужников. Умные распоряжения Перовского. Три дистанции. Данилевский, Ган и Жемчужников. Партия казаков. Belle tenue. * Дорога вся в порядке. Весьма замечательный вид на горы. Между Хабарской и Губерлинской как будто в малом виде большие горы со всеми их деталями. Но ни куста, ни капли воды. Все покрыто ковылем и пусто. Взволновавшаяся и окаменевшая пустыня.— Чудный вид с высокого пункта, который я срисовал. Спуск постепенный между нижними излучистыми каменными холмами, составляющими цепь. Дно сей долины дорога. В одном месте ключ перебежал через дорогу. Замечательный характер Оренбургской губернии. Хлебопашество Челябинского уезда. Богатство руд и золота** Златоустовских заводов. Скотоводство башкиров. Переход к кочевому. Киргизы. Соль. Азия. С ручьем соединяются другие. На низких берегах его кусты. Разветвляется и вьется. Долина шире и поворачивает вбок вместе с ручьем, который вливается в речку. Cheofefe-uille (козлий лист — кустарник.— Ю. К.), потом ольха, разный кустарник. Бож/ь/е дерево по берегам реки. Серебристый тополь. Вяз. Сороки. Наконец горы понижаются.— Широкий бассейн, попереk коего дорога. Прелестный вид на станцию Губерлинскую. Губерлинская крепость между слияниями двух речек Чебакли и Губерли. Отсюда широкая долина посреди тех же гор. Пирамиды. Горы как лев или крокодил, лежащие попереk, по спине их дорога. Камни как бородавки. На песке ковыль. Песок в виде пирамид. Переезд к Подгорной крепости по дну широкого бассейна долиною.— Этим широким бассейном дорога идет до самой станции и ночлега Верхнеозерной крепости.— Дурная ночь, половина в дормезе, половина в избе.

11. *** Переезд из В/ерхне/озерной в Оренбург.

Крутой спуск при выезде. Степь ровная, но более плодоносная; разнообразие трав. Каланча.— Прекрасная дорога по крутому берегу Урала.

Приезд в Оренбург в три часа пополудни. Тотчас с Далем на берег. Роша за Уралом. Хивинцы. (Падишах с падишахом. Русь и Хива. Две матери. Видим розгу, а не видим труда.) Гевлич. Ханьков. Мансуров. Вечер с Далем. Бал.

* Прекрасная выправка.

** Здесь фраза прервана заключенными в скобки словами: («Ключ обмывает излучины гор. Осыпи мелкие от весеннего таяния»).

*** Несомненная описка — вместо цифры 12.

13. Пребывание в Оренбурге. Болезнь. Пиявки. После обеда азиатский праздник. Киргизское кочевье (кибитка). Диван. Решетка. Стрелы или унины. Круг. Кошма или войлок. Скачка вокруг холма. Скакали лошади некованные и некормленные, без овсов, без седел, в шлеях. Две скачки. Выигрыш. Верблюды, лошади, кафтаны. Скачка на верблюдах. Пляска башкирская. Борьба башкир с киргизами. Музыка башкирская. Музыкант: курайчи; инструмент: курай или чеб-лузга. Юрлаучи — певец. Баксы или колдун киргизский; змеи; прыганье на саблю, исступление.— Чай в кибитке. Театр в галерее. Возвращение домой и разговор с Далем.

14. Пребывание в Оренбурге. Целый день дома от болезни. В/еликий/ к/нязь/ в Илецкой защите. Посещение загородного дома. У Далево́й жены. Соколова институтка Патриотического института. Письма.

15. Переезд из Оренбурга до Уральска. В/еликий/ князь в закрытой коляске. Я вместе с Перовским, сначала в тарантасе с Далем. Ссора с великим князем. Приезд в половине первого.

ПРИМЕЧАНИЯ

Встреча в Оренбурге

¹ Впервые воспроизводимое здесь отпускное свидетельство Пушкина печатается по оригиналу, хранящемуся в Центральном государственном архиве литературы и искусства СССР, ф. 384 (Пушкинское собрание), д. 1, л. 2.

² Даль В. И. Воспоминания о Пушкине. «А. С. Пушкин в воспоминаниях современников», т. 2. М., 1974. Дальнейшее цитирование этого источника — по указанному изданию.

³ Измайлов Н. В. Оренбургские материалы Пушкина для «Истории Пугачева» и «Капитанской дочки». — В кн.: Измайлов Н. В. Очерки творчества Пушкина. Л., 1975, с. 270—302.

⁴ Оксман Ю. Г. Пушкин в работе над «Историей Пугачева» и повестью «Капитанская дочка». — В кн.: Оксман Ю. Г. От «Капитанской дочки» к «Запискам охотника». Исследования и материалы. Саратов, 1959, с. 5—133; Блок Г. П. Пушкин в работе над историческими источниками. М.-Л., 1949; Измайлов Н. В. Оренбургские материалы Пушкина, с. 270—302; Он же. Об архивных материалах Пушкина для «Истории Пугачева». — «Пушкин. Исследования и материалы», т. III. М.-Л., 1960, с. 438—454; Чхеидзе А. И. «История Пугачева» А. С. Пушкина. Тбилиси, 1963, с. 46—127; Овчинников Р. В. Пушкин в работе над архивными документами («История Пугачева»), Л., 1969, с. 13—17.

⁵ Модестов Н. Н. Владимир Иванович Даль в Оренбурге. — Труды Оренбургской ученой архивной комиссии, вып. 27, Оренбург, 1913, с. 29—31; Соколов Д. Н. Пушкин в Оренбурге. — «Пушкин и его современники», вып. XXIII—XXIV. Пгр., 1916, с. 67—100; Прянишников Н. Е. Писатели-классики в Оренбургском крае. Челябинск, 1977, с. 37—47; Бессараб Майя. Владимир Даль. М., 1968, с. 96—100; Порудоминский В. В. И. Даль. М., 1971, с. 149—154 и др.

⁶ Севастьянов С. Н. Войсковой Георгиевский собор Оренбургского казачьего войска. Оренбург, 1908, с. 1—12.

⁷ Ордер И. А. Рейнсдорпа атаману Оренбургского казачьего войска В. И. Могутову от 5 октября 1773 г. — ЦГАДА, ф. 1100 (Оренбургская губернская канцелярия), д. 2, л. 207.

⁸ «Первенствующий» священник Георгиевской церкви Роман Петров (скопцавшийся 10 марта 1774 г. в осажденном Оренбурге) был отцом второго священника той же церкви Петра Романова; последний три дня спустя занял пост «первенствующего». — Рапорт Петра Романова в Оренбургское духовное правление от 13 марта

1774 г.— ГАОО, ф. 172 (Оренбургское духовное правление), оп. 1, д. 4065, л. 30.

⁹ Рапорт Петра Романова в Оренбургское правление от 15 ноября 1774 г.— ГАОО, ф. 172, оп. 1, д. 4166, л. 369 и об.

¹⁰ Письмо Ф. И. Сукина петербургскому губернатору С. В. Перфильеву от 25 ноября 1773 г.— «Крестьянская война 1773—1775 гг. в России». Документы из собрания Гос. Исторического музея. М., 1973 (последующие ссылки на это письмо не оговариваются).

¹¹ Протокол показаний Пугачева на допросе 16 сентября 1774 г. в Янцкой секретной комиссии.— Следствие и суд над Е. И. Пугачевым.— «Вопросы истории», 1966, № 4, с. 117.

¹² Рапорт Войсковой канцелярии Оренбургского казачьего войска в Оренбургское духовное правление от 5 октября 1801 г.— ГАОО, ф. 172, оп. 1, д. 7829, л. 1.

¹³ ГАОО, ф. 172, оп. 1, д. 4141, л. 271 и об.

¹⁴ Рапорт конторы оренбургских строений губернатору Рейнсдорпу от 24 октября 1773 г. (ЦГАДА, ф. 1100, д. 2, л. 435); об этом событии сообщил в своей «Летописи» П. И. Рычков (IX, 237).

¹⁵ «Документы ставки Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений. 1773—1774 гг.» М., 1975, см. по указателю имен.

¹⁶ ЦГВИА, ф. 395, оп. 136, отд. III, 1830 г., д. 271.

¹⁷ Там же, л. 1—2 об.

¹⁸ Там же, л. 3 и об., 4—5. В ЦГВИА обнаружены формулярные списки С. В. Сычугова 1792, 1795, 1798 гг. (ЦГВИА, ф. 41, оп. 1/99, д. 284, лл. 26 об.—27; ф. 13, оп. 2/110, св. 153, д. 22, л. 7 об.—8; ф. 489, оп. 1, д. 3054, л. 4 об.—5). Некоторые факты служебной карьеры Сычугова приведены в сборниках «Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска», вып. IV. Оренбург, с. 97, 108; вып. V. Оренбург, 1909, с. 20.

¹⁹ ГАОО, ф. 98, оп. 2, д. 26.

²⁰ Сычугов Василий Степанович (род. в 1807 г.). Он в 1827 г., будучи урядником в казачьем полку, состоял членом декабристского Оренбургского тайного общества, в списках членов общества находился под № 27, в разряде «испытанных» (ЦГВИА, ф. 801, оп. 11, д. 24, л. 259). Сычугов был арестован, но вскоре освобожден, в виде наказания отбывал в 1828—1829 гг. внеочередную службу на Оренбургской линии, что приравнивалось тогда к нахождению в действующей армии. Декабристские «грехи» молодости не помешали Сычугову сделать служебную карьеру. (ЦГВИА, ф. 405, д. 1664, лл. 57—60; ф. 1343, оп. 1, д. 2294, лл. 3052—3053.) Эти документы указаны мне М. Д. Раббичевым.

²¹ ЦГВИА, ф. 395, оп. 136, отд. III, д. 271, л. 3—13.

²² Отдел рукописей Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина (далее ОРГБЛ), ф. 43, папка 5, д. 1, л. 17 и об. К. А. Бух после прочтения пушкинской «Истории Пугачевского бунта» (СПб., 1834) заинтересовался историей восстания, изучил в архиве Пограничной комиссии в Оренбурге 12 «пугачевских» дел, сделал по ним обширные выписки и, обратившись 9 октября 1835 г. с письмом к Пушкину, предложил ему эти выписки, бесцеремонно запросив за них 500 рублей (XVI, 55, 374—375).

²³ Протокол показаний А. Т. Соколова-Хлопуши на допросе 10 мая 1774 г. в Оренбургской секретной комиссии.— «Красный архив», 1935, № 68, с. 167.

²⁴ Протокол показаний Т. И. Падурова на допросе 10 мая 1774 г. в Оренбургской секретной комиссии.—ЦГАДА, ф. 6, д. 506, л. 474.

²⁵ Гольденберг Л. А., Овчинников Р. В. Картографические материалы как источник по истории Крестьянской войны под руководством Е. И. Пугачева.—«Вопросы военной истории России. XVIII и первая половина XIX веков». М., 1969, с. 408—411; план 1775 г. дан вклейки между с. 404 и 405.

²⁶ «Список важных колодников», запись от 2 ноября 1773 г.—ЦГАДА, ф. 6, д. 510, л. 19.

²⁷ Гольденберг Л. А., Овчинников Р. В. Указ. соч., вкладной лист между с. 404 и 405.

²⁸ В действительности он носил фамилию Калмыцкий. Протокол показания С. И. Калмыцкого на допросе в Оренбургской секретной комиссии в июне 1774 г.—ЦГАДА, ф. 349, д. 7329, л. 203—206 об. Губернатор Рейнсдорп, рассмотрев дело Калмыцкого, вынес резолюцию: «Яко человека дурнова поведения, который единственно по необходимости явился (с повинной), прогнать спидрутен сквозь 1000 человек семь раз» (там же, д. 7297, л. 108). То была такая мера наказания, которая, если и не добивала человека насмерть, то наверняка превращала его в калеку.

²⁹ А. И. М. (Макшеев). Рассказы о Пугачеве.—«Русская старина», 1870, № 10, с. 418.

³⁰ ГАОО, ф. 172, оп. 1, д. 4016, л. 110.

³¹ ЦГАДА, ф. 6, д. 467, ч. 13, л. 204—206; ф. 349, д. 7329, л. 141—142, 237—238 об., 379 и об.; ГАОО, ф. 172, оп. 1, д. 4068, л. 39 и об.

³² Протокол показаний Ф. Гаврилова на допросе 18 июля 1774 г. в Оренбургской секретной комиссии.—ЦГАДА, ф. 6, д. 467, ч. 13, л. 204—205 об.

³³ Протокол показаний И. Я. Почиталина на допросе 8 мая 1774 г.—ЦГАДА, ф. 6, д. 506, л. 209 об.

³⁴ Протокол показаний М. А. Шванвича на допросе 17 мая 1774 г. в Оренбургской секретной комиссии.—«Пугачевщина», т. III, М.-Л., 1931, с. 214.

³⁵ Рычков П. И. Лексикон или словарь топографический Оренбургской губернии (1776 г.).—Архив Ленинградского отделения Института истории СССР, ф. 36, оп. 1, инв. № 521/442, л. 61 об.—62.

³⁶ ГАОО, ф. 98, оп. 2, д. 57, л. 363, 365, 373, 379, 387.

³⁷ Письма из Оренбурга 1833 г.—«Русский архив» 1902, № 8, с. 647, 658—660.

³⁸ ОРГБЛ, ф. 43, папка 5, д. 1, л. 4 и об.

³⁹ «Русская старина», 1870, № 10, с. 418.

⁴⁰ Севастьянов С. Н. Несколько указаний о пребывании А. С. Пушкина в Бердах.—«Труды Оренбургской ученой архивной комиссии», вып. VI, Оренбург, 1900, с. 233—234.

⁴¹ ГАОО, ф. 98, оп. 2, л. 90 об.—91. См.: Попов С. А. Старуха в Берде.—«Южный Урал», 1966 г., 14 января, № 11; Он же. Оренбургские собеседники А. С. Пушкина.—«Советские архивы», 1969, № 5, с. 115—116.

⁴² ГАОО, ф. 98, оп. 2, д. 57, л. 396 об.—397.

⁴³ Архив Оренбургского городского бюро ЗАГС, метрическая книга церкви в Бердской станице за 1846—1856 гг., л. 41 об. Подробнее см.: Попов С. А. Еще о «старухе в Берде».—«Южный Урал», 1977 г., 9 октября, № 236.

⁴⁴ ГАОО, ф. 173 (Оренбургская духовная консистория), оп. 11, кн. 8. Запись обнаружена С. А. Поповым.

⁴⁵ ЦГАДА, ф. 248 (Сенат), кн. 144, л. 359.

⁴⁶ Письмо Е. З. Ворониной к Е. Л. Энгельке от 26 ноября 1833 г. — «Русский архив», 1902, с. 659.

⁴⁷ ЦГАДА, ф. 6, д. 467, ч. 10, л. 350.

⁴⁸ Список колодников Оренбургской секретной комиссии от 31 мая 1774 г. (там же, д. 510, л. 152, 157).

⁴⁹ ГАОО, ф. 172, оп. 1, д. 4479, л. 1.

⁵⁰ Протокол показаний Мусы Улеева на допросе в Оренбургской секретной комиссии (ЦГАДА, ф. 6, д. 507, ч. 4, л. 644—650) и реестр конфискованных у него товаров (ЦГАДА, ф. 1100, д. 7, л. 185—186).

⁵¹ Протокол показаний У. П. Кузнецовой на допросе 12 мая 1774 г. в Оренбургской секретной комиссии (ЦГАДА, ф. 6, д. 506, л. 379—384), переписка о ее пожитках и реестр конфискованных у нее вещей (там же, д. 418, л. 1—16).

⁵² Предания и сказки Оренбургских степей (под ред. В. Сидельникова). Чкалов, 1948, с. 54—65; Коростин Б. Гребенской клад. — «Ленинец» (Сакмара), 1973, 21 апреля.

⁵³ Зенгер Т. (Цявловская Т. Г.). Николай I — редактор Пушкина. — «Литературное наследство», т. 16—18, с. 524—532; Петрунина Н. Н. Как увидела свет «История Пугачева» (В кн.: Петрунина Н. Н., Фридлендер Г. М. Над страницами Пушкина. Л., 1974, с. 130—135).

⁵⁴ Впервые по первоначальному пушкинскому тексту «История Пугачева» была напечатана в 1938 г. в составе 17-томного Большого академического Полного собрания сочинений Пушкина (т. IX, кн. I. М.-Л., 1938 «разинский» эпизод — на с. 51, примечание к нему — на с. 112).

⁵⁵ Пушкин ошибся в датировке события: Разин осаждал Симбирск в сентябре 1670, а в начале октября того же года потерпел там решительное поражение и отступил на Дон.

⁵⁶ ГАОО, ф. 98, оп. 2, д. 65, л. 144 об. Находка ревизской сказки о С. А. Разине обнаружена в печати: Попов С. А. Еще о «старухе в Берде». — «Южный Урал», 1977 г., 9 октября, № 236. Научная сотрудница Башкирского филиала Академии наук СССР И. М. Гвоздикова обнаружила в 1978 г. в Государственном архиве Башкирской АССР в Уфе книгу ревизских сказок Уральского казачьего войска по VI ревизии (1811 г.), где также учтен упомянутый выше Степан Разин.

⁵⁷ ЦГАДА, ф. 6, д. 507, ч. 3, л. 71 об.

⁵⁸ Там же, д. 467, ч. 10, л. 349—350.

⁵⁹ Карпов А. Б. Уральцы. Исторический очерк. Часть 1. Яицкое войско, от образования войска до переписи полковника Захарова (1550—1725 гг.). Уральск, 1911, с. 57—60, 721, 757—759, 786—788, 807—811; Витевский В. Н. И. И. Неплюев и Оренбургский край, вып. II. Казань, 1890, с. 229—235; Рознер И. Г. Яик перед бурей. М., 1966, с. 19—22.

⁶⁰ ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, кн. 27, л. 54 об. Данные переписной книги подтвердились и дополнились «сказкой» (показанием), которую дал Н. М. Разин на допросе 30 октября 1723 года.

⁶¹ Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сборник документов Т. II, ч. 1. М., 1957, с. 128, 129, 150, 151, 164, 169, 194, 302, 303, 426, 458, 463.

⁶² ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, кн. 28, ч. I—III; л. 29, 30.

⁶³ Там же, л. 1823.

⁶⁴ Там же, л. 367 и об.

⁶⁵ ЦГВИА, ф. 13, оп. 107, кн. 28, ч. I, л. 367 и об.

⁶⁶ Свиньин П. П. Картина Оренбурга и его окрестностей. Из живописного путешествия по России издателя «Отечественных записок» в 1824 году.— «Отечественные записки», 1828, ч. 35, № 90, с. 22.

⁶⁷ ЦГАДА, ф. 6, д. 506, л. 112 об.

⁶⁸ Протокол показаний Мусы Улеева на допросе в Оренбургской секретной комиссии (ЦГАДА, ф. 6, д. 507, ч. IV, л. 644—650); рапорт старшины Каргалинской слободы Абдрафика Абдулина Оренбургскому губернатору И. А. Рейнсдорпу от 2 апреля 1774 г. (там же, ф. 1100, д. 7, л. 185—186).

⁶⁹ Севастьянов С. Н. Указ. соч., с. 233—234.

⁷⁰ ПД, ф. 244, оп. 1, дорожная записная книжка, л. 2, об. См. фоторепродукцию этой записи (IX, вкладной лист после с. 492).

⁷¹ ГАОО, ф. 98, оп. 2, д. 57, л. 399 об.

⁷² Севастьянов С. Н. Указ. соч., с. 234.

⁷³ См. об этом: Даль В. И. Записки о Пушкине.— А. С. Пушкин в воспоминаниях современников, т. 2. М., 1974, с. 228.

⁷⁴ Пушкин А. С. Письма последних лет. 1834—1837. Л., 1969, с. 83.

Дороги сентября

¹ Даты даются по календарному стилю того времени. Для перевода на современный календарь следует прибавлять 12 дней.

² Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. Изд-во Академии наук СССР. т. XV, с. 69, 318. Далее ссылки даются в тексте по этому изданию.

³ Инжеватов И. К. Пушкин в Мордовии. Статья в сборнике «Страницы большой дружбы». Саранск. 1971, с. 23—42. См. также Носков А. И. Запись Пушкина на мордовском языке во «Временнике Пушкинской комиссии». 1975 г., с. 117—119. Мы признательны Р. В. Овчинникову за разрешение привести это разъяснение, еще не опубликованное в печати.

⁴ Так подписана эта дорога на рукописной карте Оренбургской губернии, составленной в 1831 году. Неполный ветхий оригинал ее хранится в Оренбургском областном краеведческом музее.

⁵ Калинин Н. Ф. Пушкин в Казани. Казань, 1942 г. Автор полагает, что Пушкин из Симбирска ехал по левобережью Волги через селения: Бряндино, Русский и Чувашский Мелекесы, Новую Майну, Моисеевку, Мордовское озеро, Кириловку, Мусорку, Троицкую Ташлу, Нов. Еремкино, Бинорадку, Красный Яр и Семейкино. См. с. 73.

⁶ Во время путешествия Пушкина по Оренбургскому краю многие бывшие укрепления Оренбургской пограничной военной линии удерживали свои старинные названия: «крепость», «редут», «форпост», хотя оборонительных сооружений они уже не имели.

⁷ Калинин Н. Ф. Указ. соч., с. 52.

⁸ Измайлов Н. В. Очерки творчества Пушкина. Л., 1975, с. 278.

⁹ Попов С. А. Оренбургские собеседники А. С. Пушкина.— «Советские архивы». 1969, № 5, с. 113—116.

¹⁰ Там же.

¹¹ О собрании сведений для составления адрес-календаря Оренбургской губернии 1833 г. Государственный архив Оренбургской области. Ф. 6, д. 10626, л. 164—165.

¹² Юрьевич С. А. Дорожные письма С. А. Юрьевича.— «Русский архив». 1887, № 5, с. 49—72.

¹³ О командировании доктора Даля в земли Уральского войска. 1833 г. ГАОО, ф. 6, д. 470, л. 2.

¹⁴ Показания Тимофея Григорьевича Мясникова в Оренбургской секретной комиссии от 9 мая 1774 г. Центральный государственный архив древних актов (Москва). Фонд VI, оп. 1., д. 508, ч. 2, л. 43—55. Далее ЦГАДА.

¹⁵ Копия договора жителей Нижней Озерной крепости от 9 мая 1777 г. с ссыльным своекоштным Василием Абрамовым о бытии ему в церкви Николая Чудотворца старостой церковным. ГАОО, ф. 172, оп. 1, д. 4473. Листы не нумерованы.

¹⁶ Попов С. А. Оренбургские собеседники Пушкина.

¹⁷ Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты. Изд-во «Академия», 1935 г., с. 88. Насколько нам известно, первым, кто связал этот эскиз Пушкина с с. Нижнеозерным, был сотрудник Оренбургского радиокomiteта В. Савельзон (см. его статью в этом выпуске «Рифея»).

¹⁸ Соколов Д. Н. Пушкин в Оренбурге. Петроград, 1916 г. Отдельный оттиск, с. 19.

¹⁹ Невский альманах на 1832 г. Издан Аладыным. СПб., 1832. с. 250—332.

²⁰ Гуляев В. Г. К вопросу об источниках «Капитанской дочки». Временник Пушкинской комиссии, № 4—5. М.-Л., 1939 г., с. 198—211.

²¹ Полное имя и отчество Елагина значится в делах канцелярии оренбургского губернатора И. А. Рейнсдорпа за 1773 г. (ЦГАДА, фонд 1100, кн. 2, л. 149).

Оренбург пушкинской поры

¹ «Оренбургские губернские ведомости», 1844, № 39—42.

² Райский П. Д. Путеводитель по гор. Оренбургу. Оренбург, 1915.

³ Государственный архив Оренбургской области (ГАОО), ф. 368, оп. 1, д. 239, л. 274—275.

⁴ Дебу И. Топографическое и статистическое описание Оренбургской губернии. М., 1837, с. 97.

⁵ Процентное соотношение вычислено автором по материалам «Оренбургских губернских ведомостей» (1844, № 39).

⁶ Гра А. П. Материалы по истории Оренбурга. Оренбург 40-х годов XIX ст. по описанию Базинера. «Труды Оренбургской Ученой архивной комиссии» (далее — Труды ОУАК), вып. XI, Оренбург, 1903, с. 9.

⁷ Центральный государственный архив (ЦГА) Башкирской АССР, ф. 138, оп. 2, д. 410.

⁸ «Оренбургские губернские ведомости», 1844, № 39.

⁹ Труды ОУАК, вып. XXI, с. 96, 260.

¹⁰ ГАОО, ф. 6, оп. 4, д. 9720, л. 329.

¹¹ «Оренбургские губернские ведомости», 1844, № 39.

¹² Очерки по истории Башкирской АССР. Т. I, ч. 2. Уфа, 1959.

¹³ Пушкин в Оренбурге. Оренбург, 1937, с. 91.

¹⁴ Труды ОУАК, вып. XI, с. 7.

¹⁵ ГАОО, ф. 6, оп. 5, д. 10798/9, л. 39.

¹⁶ «Оренбургские губернские ведомости», 1844, № 41.

¹⁷ ГАОО, ф. 368, оп. 1, д. 239, л. 144.

«Три дни» в Уральске

¹ Здесь и далее автор опирается на обнаруженные им архивные документы, содержащиеся в «Формулярном списке... обер-офицеров Уральского казачьего войска за 1834 год». (ГАОО, ф. 6, оп. 5, д. 11100/1). Не исключено, что были и другие собеседники Пушкина.

² См.: «Русский архив», 1893, № 9.

³ Сб. «Рукою Пушкина», М.-Л., 1935, с. 339.

⁴ ГАОО, ф. 98, оп. 2, д. 65, л. 723 об.

⁵ Попов С. Собеседники Пушкина в Уральске.— Газ. «Южный Урал», 1978, 5 января.

⁶ Данные VIII ревизии 1834 года (сообщены Р. В. Овчинниковым).

⁷ ЦГАДА, ф. 6, д. 505, л. 79 (Сказка священнослужителей Яицкого городка, поданная гв. капитан-поручику С. Маврину в 1774 г.).

⁸ ЦГАДА, ф. 6, д. 467, ч. XIII, л. 137.

⁹ Черепнин Л. В. Исторические взгляды классиков русской литературы. М.: Изд-во «Мысль», 1968, с. 47.

¹⁰ Дом сохранился до сих пор. В память пребывания здесь А. С. Пушкина на фасаде укреплен мемориальная доска.

¹¹ Место «куреней» сохранилось, а название бытует до сих пор.

¹² Очертания площади можно видеть и сейчас.

¹³ Дом сохранился, реставрирован.

¹⁴ Перечисленные дома не сохранились.

Пушкинская карта окрестностей Уфы

¹ См.: Журнал Уфимской комендантской канцелярии о ходе боевых действий против повстанческих отрядов И. Н. Зарубина-Чики под Уфой с 24 ноября 1773 г. по 24 марта 1774 г.— «Южноуральский археографический сборник», вып. 1. Уфа, 1973, с. 302—327.

² Там же, с. 326.

³ ЦГВИА, ф. 20, д. 1234, л. 435—438.

⁴ Институт русской литературы АН СССР, ф. 244, оп. 1, д. 1217, л. 17—18 об. Конспект рапорта опубликован (IX, 714—715).

⁵ Фотокопия карты впервые была воспроизведена в 17-томном Полном собр. соч. Пушкина (IX, вкладной лист между с. 714 и 715).

⁶ Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина. СПб., 1910.

⁷ Щеголев П. Е. Материальный быт Пушкина.— «Искусство», 1929, № 3—4, с. 41—42.

⁸ Модзалевский Б. Л. Библиотека Пушкина.— «Литературное наследство», т. 16—18, с. 986, 991, 1009.

⁹ Первое издание атласа Сухтелена и Оппермана вышло в свет в Петербурге в 1804 г. на 100 листах.

Пушкинские связи рода Дягилевых

¹ Институт русской литературы АН СССР (ИРЛИ), ф. 244, оп. 25, ед. хр. 115, л. 4; ф. 244, оп. 25, ед. хр. 125; ф. 244, оп. 25, ед. хр. 126.

² Голицын Н. С. Благородный пансион Императорского Царскосельского Лицея. 1814—1829. С.-Петербург, 1869, с. 367—368.

³ «Звенья». Сб. материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIX века. Т. 5. М.-Л., 1935, с. 299. «Сборник памяти Анны Павловны Философовой». Т. 1, Петроград, 1915, с. 348—349.

⁴ ИРЛИ, ф. 102, оп. 1, ед. хр. 79, л. 106.

«В архивах я был...»

¹ ЦГАДА, Канцелярия МГАМИД, ф. 180, оп. 1, д. 112, л. 279, подлинник.

² Н. А. Гастфрейнду был известен отпуск (копия) произведенного нами документа о командировании А. С. Пушкина в МГАМИД в 1836 г. (указ. соч., с. 53).

³ Надежда Осиповна Пушкина скончалась 29 марта 1836 г. в Петербурге. А. С. Пушкин провожал тело своей матери для похорон в Святогорский монастырь.

⁴ ЦГАДА, Канцелярия МГАМИД, ф. 180, оп. 1, д. 112, л. 538, отпуск.

⁵ Пушкин А. С. Письма последних лет. 1834—1837. Отв. ред. Н. В. Измайлов. Л.: «Наука», 1969, с. 139.

⁶ Письмо А. И. Тургенева к И. С. Аржевитину.— «Русский архив», 1903, кн. 1, с. 143.

В городе за Урал-камнем

¹ Газета «Советское Зауралье», 1964, 19 июля.

² Шадринский филиал Государственного архива Курганской области, ф. 473, оп. 1, д. 1252, л. 77.

Уральский вояж поэта Жуковского

¹ Неопубликованные дневники С. А. Юрьевича хранятся в Центральном государственном архиве Октябрьской революции и социалистического строительства (ЦГАОР) — ф. 1132, оп. 1, ед. хр. 32. Там же письма к жене (ед. хр. 230).

² Письмо В. А. Жуковского царице Александре Федоровне от 10 мая 1837 года из Ярославля.

³ Шифр хранения в отделе рукописей ГПБ: ф. 286, оп. 1, № 9а—9е.

⁴ Письма к Александре Федоровне напечатаны в Сочинениях В. А. Жуковского, издание 8-е, том 6 (СПб., 1885). Далее указывается только дата письма.

⁵ Письмо от 22 июня.

⁶ Его шифр в ЦГАОР: ф. 678, оп. 1, ед. хр. 287. Впереди дневника прилетена «Инструкция для путешествия, врученная государем мне самому и для меня в особенности», как озаглавил ее наследник.

⁷ Письма А. И. Герцена к Н. А. Захарьиной здесь и далее цитируются по кн.: «А. И. Герцен в Вятке» (Киров, 1940).

⁸ Письмо С. А. Юрьевича к жене от 23 мая. Далее даются только даты писем по публикации их в журнале «Русский архив» (1887).

⁹ Взято из записок краеведа В. Ф. Бердникова, хранящихся в фондах музея истории Воткинского завода.

¹⁰ Фамилия Швецова упоминается в дневнике поэта еще в самом начале поездки — 12 мая, во время пребывания в Суздале. Может быть, это однофамилец, но не исключена возможность, что хозяйка завода поручила Фотию Ильичу присматриваться к тому, как принимают высоких гостей в других городах.

¹¹ Письмо от 24 мая.

¹² Письмо от 26 мая.

¹³ В последующие годы он стал видным деятелем горной промышленности и писался уже Пермикиным.

¹⁴ Переписка обнаружена А. Е. Ферсманом в ЦГИА СССР, ф. 504. Цитируется по неопубликованной рукописи А. Е. Ферсмана «Люди камня», хранящейся у Е. М. Ферсман.

¹⁵ Подробно о «Деле Кокovina» рассказывается в книге И. Шакинко и В. Семенова «Завод «Русские самоцветы». 1726—1976» (Свердловск, 1976), с. 94—103.

¹⁶ Письмо от 3 июня.

¹⁷ Статья, подписанная астрономом (автор — редактор журнала П. А. Плетнев), «Путешествие В. А. Жуковского по России» («Современник», 1838, т. 12, с. 5—22) не оправдывает ожиданий, обещанных заглавием. Основную часть ее (с. 10—22) занял рассказ о знакомстве Жуковского с Милькеевым.

¹⁸ Дуганов Р. Рисунки писателей.— «Наука и жизнь», 1968, № 10.

¹⁹ Иезуитова Р. В. Жуковский в Петербурге. Л., 1976, с. 200.

²⁰ Дуганов Р., с. 96.

²¹ Письмо от 28 мая.

²² Раев В. Е. Воспоминания из моей жизни. Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. М., (6498/26 и 2в (оригинал) и 4б (писарская копия).

²³ Петербургские гости, в том числе и Жуковский, незадолго до этого (в ноябре 1836 года) имели возможность увидеть первую в России пассажирскую железную дорогу, соединившую Петербург с Царским Селом. Но она была построена иностранцем Ф. Герстнером и ходила по ней английские паровозы.

²⁴ Письмо от 29 мая.

²⁵ Письмо от 29 мая.

²⁶ Об этой истории см. заметку «В поисках вольности» в газете «Тагильский рабочий» за 29 апреля 1971 года и главу «Его высочество» в кн. Б. Федоровой «Крепостной Тагил» (Свердловск, 1940).

²⁷ ЦГИА, ф. 1101, оп. 1, ед. хр. 482.

²⁸ ЦГИА, ф. 1101, оп. 1, ед. хр. 481.

²⁹ В «Очерках поповщины» П. И. Мельникова-Печерского (Полное собрание сочинений, изд.-ва А. Ф. Маркса, том 7, 1909), на с. 160—176 подробно рассказывается история борьбы уральских старообрядцев за свои права. Упоминается там и Егор Китаев.

³⁰ Беляев А. П. Воспоминания декабриста о пережитом и пережитом в плену. 1805—1850 (СПб., 1882), с. 309—310. О связях В. Ф. Федорова с декабристами см. также в кн.: А. Любарский. Слово дружбы (Таллин, 1956), с. 170—171.

³¹ Пространнейшее письмо Милькеева Жуковскому с рассказом о себе напечатано в статье «Путешествие В. А. Жуковского по России» в журнале «Современник» (1838, том. 12, с. 12—20).

³² Большая литература о Е. Милькееве обобщена в статье о нем в кн.: Ю. С. Постнов. Русская литература Сибири первой половины XIX века (Новосибирск, 1970, с. 326—341).

³³ Рукопись тобольского мещанина Ф. Ширкова «Извлечение из проекта добродетели», поднесенная великому князю наследнику Александру Николаевичу, хранится в ЦГАОР, ф. 678, оп. 1, ед. хр. 109.

³⁴ Есть такая редкая нынче книжка: Егор Расторгуев «Посещение Сибири в 1837 году его императорским высочеством государем наследником цесаревичем» (СПб, 1841), представляющая собой образец подхалимски верноподданнического суесловия. Там приведено это стихотворение Чижова.

³⁵ Цитируется по богатой материалами статье Н. Дубровина «В. А. Жуковский и его отношение к декабристам» («Русская старина», 1902, апрель, с. 45—119).

³⁶ Письмо жене от 23 мая. П. Бартнев в примечаниях к публикации писем в «Русском архиве» (1887) сообщает, что за время путешествия на имя наследника было подано около 16 тысяч прошений. Опись части из них хранится в ЦГИА (ф. 523, оп. 1, ед. хр. 2324).

³⁷ Письмо от 24 июня.

³⁸ Записки декабриста Н. И. Лорера (М., 1931), с. 173. Уральским годам ссылки посвящены с. 168—181.

³⁹ Записки декабриста Н. И. Лорера, с. 174.

⁴⁰ Барон Розен А. Е. Записки декабриста (СПб., 1907). Глава 12-я «Записок» (с. 195—213) — «Поселение в Кургане».

⁴¹ Письмо от 24 июня.

⁴² Письмо от 9 июня.

⁴³ Письмо от 9 июня.

⁴⁴ Письмо от 15 июня.

⁴⁵ Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1884 год. (СПб., 1887), приложение.

⁴⁶ Письма от 10 и 6 мая.

⁴⁷ Письмо от 9 июня.

⁴⁸ Даже Юрьевич отметил это в письме к жене: «Жаль, конечно, что Жуковский не попал в число награжденных» (письмо от 6 июля).

⁴⁹ Письмо от 22 июня.

⁵⁰ «Современник», 1838, т. 12, с. 5.

- АВТОРЫ ЭТОЙ КНИГИ** **АНДАЕВА РАИСА ГРИГОРЬЕВНА.**— Научный сотрудник Пермской художественной галереи.
- БЕЛЫЙ АЛЕКСАНДР ИОСИФОВИЧ.**— Кандидат исторических наук. Доцент педагогического института в Уральске.
- БОЛЬШАКОВ ЛЕОНИД НАУМОВИЧ.**— Член Союза писателей СССР, кандидат филологических наук. Автор книг о Т. Г. Шевченко, Л. Н. Толстом, декабристах. Живет в Оренбурге.
- БОЛЬШАКОВА ТАТЬЯНА ЛЕОНИДОВНА.**— Преподаватель Оренбургского политехнического института, аспирант БФ АН СССР.
- ЕГОРОВА ЕВГЕНИЯ ИВАНОВНА.**— Зав. библиотекой. Пермской художественной галереи.
- ЕЛИН ИЛЬЯ МИХАЙЛОВИЧ.**— Член Союза писателей СССР, автор поэтических сборников. Живет в Оренбурге.
- ЗОБОВ ЮРИЙ СПИРИДОНОВИЧ.**— Кандидат исторических наук. Доцент Оренбургского педагогического института.
- КЛИПИНИЦЕР МИХАИЛ СОЛОМОНОВИЧ.**— Член Союза журналистов СССР. Старейший оренбургский поэт.
- КОРОВИН АРКАДИЙ ФЕДОРОВИЧ.**— Член Союза журналистов СССР, заслуженный работник культуры РСФСР, краевед. Живет в поселке Белоярском Свердловской области.
- КУРОЧКИН ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ.**— Член Союза журналистов СССР, один из создателей и бессменный член редколлегии журнала «Уральский следопыт», автор многих книг об Урале.

МАЛЫШЕВА ИННА ВИКТОРОВНА.— Кандидат филологических наук, доцент Пермского педагогического института.

МЕДВЕДЕВА ЛИДИЯ СЕРГЕЕВНА.— Искусствовед, старший научный сотрудник Оренбургского музея изобразительных искусств.

МИХНЮКЕВИЧ ВЯЧЕСЛАВ АЛЕКСАНДРОВИЧ.— Кандидат филологических наук. Старший преподаватель Челябинского Государственного университета.

ОВЧИННИКОВ РЕДЖИНАЛЬД ВАСИЛЬЕВИЧ.— Кандидат исторических наук, доцент. Старший научный сотрудник Института истории АН СССР. Автор книг и статей о Крестьянской войне под предводительством Е. И. Пугачева и о работе А. С. Пушкина над историческими источниками. Живет в Москве.

ОСИНЦЕВ ЛЕОНИД ПЕТРОВИЧ.— Директор Шадринского краеведческого музея Курганской области.

ПОПОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.— Старший научный сотрудник Оренбургского краеведческого музея. Ветеран музейного строительства.

РАМАЗАНОВ ГИЛЕМДАР ЗИГАНДРОВИЧ.— Член Союза писателей СССР, доктор филологических наук. Поэт и литературовед.

САВЕЛЬЗОН ВИЛЬЯМ ЛЬВОВИЧ.— Член Союза журналистов СССР. Живет в Оренбурге.

СВИТЕНКО АНДРЕЙ СЕРГЕЕВИЧ.— Старший археограф отдела публикации документов Центрального государственного архива древних актов (Москва).

СУБОТИН ЕВГЕНИЙ ПАВЛОВИЧ.— Инженер. Краевед. Живет в Перми.

ЧЁРНЯК АНАТОЛИЙ АНДРЕЕВИЧ.— Научный сотрудник Пермской художественной галереи.

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ	5
<i>Р. ОВЧИННИКОВ</i> ● ВСТРЕЧА В ОРЕНБУРГЕ	7
<i>С. ПОПОВ</i> ● ДОРОГИ СЕНТЯБРЯ	46
<i>Ю. ЗОБОВ</i> ● ОРЕНБУРГ ПУШКИНСКОЙ ПОРЫ	61
<i>А. БЕЛЫЙ</i> ● „ТРИ ДНИ“ В УРАЛЬСКЕ	70
<i>Р. ОВЧИННИКОВ</i> ● ПУШКИНСКАЯ КАРТА ОКРЕСТНОСТЕЙ УФЫ	78
<i>В. САВЕЛЬЗОН</i> ● РУКОЮ ПУШКИНА	84
<i>В. МИХНЮКЕВИЧ</i> ● „ПУШКИН СЛУШАЛ ВСЕ ЭТО С БОЛЬШИМ ЖАРОМ...“	88
<i>Г. РАМАЗАНОВ</i> ● В БАШКИРСКОЙ СТЕПИ	92
<i>М. КЛИПИНИЦЕР</i> ● ПОЕЗДКА ГЕНИЯ	93
<i>И. МАЛЫШЕВА</i> ● ТЕТРАДИ ТОЙ ПОРЫ ДАЛЕКОЙ	94
<i>А. КОРОВИН</i> ● 1. „СОПЕРНИЦА ЗАПРЕТНОЙ РОЗЫ“	97
2. „ПОЛКОВНИК Г. С. О...“	99
<i>И. ЕЛИН</i> ● ГОД 1826-й. ЯНВАРЬ	101

<i>Е. СУББОТИН</i> , ● ПУШКИНСКИЕ СВЯЗИ РОДА ДЯГИЛЕВЫХ <i>Е. ЕГОРОВА</i>	102
<i>А. СВИТЕНКО</i> ● „В АРХИВАХ Я БЫЛ...“	108
<i>Л. ОСИНЦЕВ</i> ● В ГОРОДЕ ЗА УРАЛ-КАМНЕМ	113
ПУШКИНСКИЕ РЕЛИКВИИ УРАЛЬСКИХ МУЗЕЕВ	
<i>Л. БОЛЬШАКОВ</i> ● МАСКА ПУШКИНА	115
<i>Р. АНДАЕВА</i> , ● ГРАФИЧЕСКАЯ ПУШКИНИАНА ПЕРМСКОЙ <i>Е. ЕГОРОВА</i> , ГАЛЕРЕИ	129
<i>А. ЧЕРНЯК</i>	
<i>Л. МЕДВЕДЕВА</i> ● АВТОР — ХУДОЖНИК ПРОХОРОВ	142
ТРОПА К ВЕЛИКОМУ ПОЭТУ	147
<i>Л. БОЛЬШАКОВ</i> , ● ВИНСКИЙ, ИЗВЕСТНЫЙ И НЕИЗВЕСТНЫЙ <i>Т. БОЛЬШАКОВА</i>	149
<i>Ю. КУРОЧКИН</i> ● УРАЛЬСКИЙ ВОЯЖ ПОЭТА ЖУКОВСКОГО	194
ПРИЛОЖЕНИЕ	249
ПРИМЕЧАНИЯ	256
АВТОРЫ ЭТОЙ КНИГИ	266

РИФЕЙ

Составитель
Леонид Наумович Большаков

Редактор
Р. М. Ушеренко

Худож. редактор
Н. А. Кудричев

Техн. редактор
О. Я. Понятовская

Корректор
С. А. Кулакова

ИБ № 702
Сдано в набор 24.09.80.
Подписано к печати 6.05.81.
ФБ04110. Формат 84×108/32.
Бумага тип. № 2. Шрифт литературный.
Печать высокая. Усл. п. л. 14, 28.
Уч.-изд. л. 13.9. Тираж 10 000 экз.
Заказ № 2978.
Цена 90 коп.
Южно-Уральское
книжное издательство,
454113, г. Челябинск,
пл. Революции, 2.
Областная типография
Челяб. обл. управления издательств,
полиграфии и книжной торговли,
454000, г. Челябинск,
ул. Творческая, 127.

Рифей: Урал. лит.-краевед. сб./[Ред. коллегия:
Р55 Л. Большаков (сост.) и др.]— Челябинск: Юж-
Урал. кн. изд-во, 1981.— 269 с., ил.— Цена 90 к.
Тираж 10 000 экз.

Литературно-краеведческий сборник.

В основе сборника — исследования о Пушкине-историке и историческом романтизме, его связях с Уралом, с народами нашей многонациональной Родины; повествование о пребывании на Урале Жуковского, его дневник и другие материалы.

Р $\frac{7200-029}{M162(03)-81}$ 49--81

ББК 26.89(2Р36)+83.3Р1
91(С17)+8Р1

Пушкинский кабинет ИРЛИ

90 к.

ЧЕЛЯБИНСК
ЮЖНО-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1981

Пушкинский кабинет ИРЛИ